

Е . И . ТАММ

**ЗАПИСКИ
АЛЬПИНИСТА**

МОСКВА 2001

Однажды попав в горы человек, как правило, остается верен им навсегда. Горы покоряют его своим могуществом, разнообразием, красотой. В непогоду и в ведро, в гаснущих красках уходящего дня и в первых лучах восходящего солнца – они всегда прекрасны!

Е.Т.

ЗАПИСКИ АЛЬПИНИСТА

ФИАН 2001

*ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ, НАВСЕГДА ОСТАВШИХСЯ
В ГОРАХ И УШЕДШИХ ОТ НАС НА “ЗЕМЛЕ”.*

*ПАМЯТИ ГИМАЛАЙЦЕВ, ПОГИБШИХ ЗА ГОДЫ,
ПРОШЕДШИЕ ПОСЛЕ “ЭВЕРЕСТА – 82”.*

ОТ АВТОРА.

Тех, кто решил познакомиться с “Записками” хочу сразу предупредить: это отнюдь не мемуары. Большинство помещенных в них рассказов написаны по свежим следам событий, о которых идет речь. Часть же, представляет пересказ моих устных рассказов, записанных, в разное время на пленку, нашими друзьями эверестовцами – журналистом Ю. Ростом и кинорежиссером В. Венделовским.

Некоторые из включенных в “Записки” материалов были опубликованы ранее о чем сообщается в оглавлении. Так, рассказ “Шесть дней в мае” – об основных событиях экспедиции “Эверест – 82” – опубликован в одноименном сборнике. Но в сокращенном виде. Это сокращение было вполне оправданным, так как многие эпизоды подробно описывались другими авторами этой замечательной книги и повторы надо было, конечно же, убирать. Ценность же этого, полного варианта в том, что в нем широко использованы записи радиопереговоров Базового лагеря с группами “работающими” на Горе, что придает ему исключительную документальность.

При работе над “Записками” иногда возникало желание что-то подправить или дописать исходя из сегодняшних представлений и оценок. Однако я избегал этого, считая что надо сохранить восприятие описанных событий в первоизданном виде. Поэтому некоторые эпизоды и их оценки могут показаться современному читателю странными.

К воспоминаниям, т.е. к материалам мемуарного жанра, относиться лишь рассказ – “Немного из истории ...”, посвященный моему отцу Игорю Евгеньевичу Тамму, который буквально за ручку привел меня в горы (в альпинизм) летом 1940 года.

Рассказы, включенные в “Записки”, можно читать вразброс. Исключением является лишь цикл “Снова Непал” из раздела “Гималаи”. Здесь три рассказа, относящиеся к разным годам, объединены благодаря месту и времени, когда они были записаны на пленку по просьбе В. Венделовского.

В некотором роде хулиганством представляется включение в

раздел “Разное” зарисовок, объединенных под названием “Курьезы”. Однако надеюсь это не сильное хулиганство!

Теперь о материале, посвященном Спортивному клубу Академии наук. Может показаться, что он не к месту. Но дело в том, что большая часть моей активной альпинистской жизни прошла под его знаменами. Я надеюсь, что вправе считать себя причастным и к его рождению, и к появлению альпинистской секции СКАН. В ней судьба свела меня с замечательными людьми не сказать о которых я не мог.

Е. Тамм.

1. В НАШИХ ГОРАХ

1 – 1. Немного из истории: как я попал в альпинизм.

Заметка к 100 – летию Иг. Ев. Тамма.¹

Прошло почти 25 лет с тех пор, как не стало Игоря Евгеньевича, и за это время я ни разу публично не делился воспоминаниями о нем. Мне казалось, да и сейчас кажется, что они у меня слишком личные, семейные и не будут интересны широкой аудитории, Сказывался, наверное, и синдром тяжелого недуга, которого я бы назвал: “принадлежность к известной фамилии”. Но время (четверть века – это много!) делает свое дело, и сегодня я рискну рассказать о некоторых, как мне кажется, наиболее ярких чертах характера И.Е.

Наиболее характерной чертой И.Е. была увлеченность, пожалуй даже неистовая увлеченность всем, что он делал или за что брался:

- работой (я имею в виду научную работу),
- горами, когда он ездил в экспедиции,
- шахматами,
- в определенные периоды жизни – биологий, а точнее – генетикой,
- поисками “снежного человека” или легендарных сокровищ пещеры Мата – Таш.

Конечно, с особой страстью он отдавал все силы решению той конкретной задачи теоретической физики, которая его поглощала в данный момент. Это было удивительно! Что бы он ни делал, где бы ни оказывался (дома, в транспорте, на официальном заседании, в лодке или альпинистском лагере) – всюду, он умудрялся интенсивно работать, проводить вычисления. Позже я проиллюстрирую, к чему иногда приводила эта страсть.

Любопытно, что при таком стиле научной работы – постоянной поглощенностью ею – он не очень переживал неудачи (не то, что при проигрыше в шахматы или в волейболе!). Если путь оказывался тупиковым, когда работа, как он выражался, “шла в корзину”, И.Е. очень быстро переключался на поиски новых путей. Такая реакция была

¹ *Игорь Евгеньевич Тамм (1895 – 1971) – всемирно известный физик – теоретик, академик, лауреат Нобелевской премии, и др. премий, Герой Соц. Труда. Увлекался альпинизмом.*

связана со смелостью, как профессиональной – в выборе направления или тематике научной работы, так и в общепринятом смысле слова.

И.Е. отнюдь не был ангелом: мог вспылить, накричать (иногда даже напрасно), но в таких случаях быстро “отходил”, а потом переживал и извинялся. Однако, если речь шла о серьезных делах, он проявлял громадную выдержку и силу воли.

Когда я пытаюсь восстановить первые, отчетливые воспоминания об И.Е., то оказывается, что они связаны с двумя моментами Первый – это его поразительная работоспособность. Вставая чтобы идти в школу или позднее в институт, я обычно видел, что он только ложился спать. Из-под двери его кабинета тянуло еще густым табачным дымом, а если дверь не была закрыта, то на письменном столе можно было увидеть переполненную свежими окурками пепельницу, стопки испещренных вычислениями листов и математические таблицы. Второй, был его удивительный талант рассказчика, умевшего заставить себя слушать, что называется “раскрывши рот”. Так было всегда. Обычно И.Е. возвращался из института к ужину. Вся семья собиралась за обеденным столом и наступал долгожданный миг – начинались рассказы.. Когда мы с сестрой были еще маленькими это были рассказы о приключениях вымышленных героях во время их увлекательных путешествий, чаще всего в горах (эта история длилась не один год). Позже, И.Е. рассказывал об альпинистских экспедициях, в которые он ездил практически каждое лето. А иногда это были впечатления от только что прочитанной книги или занимательный отчет о событиях минувшего дня. Еще позже, он увлеченно рассказывал о волнующих его научных проблемах, причем в доступной, для домашней аудитории, форме. Порой рассказы заменяло чтение стихов, как правило, Пушкина, Лермонтова и А.К. Толстого. Рассказывая или декламируя, он частенько перебегал на диван и постепенно засыпал. Сон длился час-полтора, а затем начиналось ночное бдение, о котором я уже упоминал.

Теперь перейдем к альпинизму. И.Е. впервые взял меня в горы летом 40 года. Мы с ним были на Кавказе в Домбае, в “КСУ-чьем” доме. КСУчий – это не ругательство: просто дом принадлежал Комиссии содействия ученым – КСУ. Вот и получилось такое благовзвучное название!

Большую часть времени И.Е. работал, я же был предоставлен сам себе. Тем не менее, в этот раз состоялось наше первое (из двух) совместное восхождение. Это было восхождение на вершину Суна-

хет. Под началом И.Е. собралась довольно странная компания: я (13-ти лет), профессор Лурье из Ленинграда (низенький и очень тучный) и его жена (очень худая и высокая). Все необученные новички. Никакого контрольного срока возвращения мы ни кому не оставляли. С точки зрения официального альпинизма это была явная авантюра. Очень скоро, на подъеме, вся команда Тамма выдохлась, и он должен был все время нас подбадривать. И.Е. забегал вперед, за очередной гребень или поднимался на очередной “жандарм” и бодрым голосом уверял нас, что следующий – уже вершина! Ободренные таким известием мы лезли за ним. Его уверенность и настойчивость сделали свое дело – до вершины мы добрались. Но спуститься засветло до зелени, до травы и тепла, конечно, уже не успели – “схватили”, как говорят альпинисты, холодную ночевку. Ни каких теплых вещей у нас не было. Всю ночь мы продрожали на леднике, прижавшись друг к другу... Зато утром мы стали свидетелями потрясающей картины: солнце вставало из-за снежной двуглавой вершины могучего Эльбруса. Эта махина казалась прозрачной, а игра ярких красок на ее снегу казалась неповторимой и завораживала. И.Е. был совершенно справедливо убежден, что такое зрелище с лихвой окупает все тяготы ночи. И добавлю от себя – навсегда, заставляет влюбиться в горы!

Наше второе совместное восхождение, когда мы с И.Е. уже поменялись ролями, было на вершину Виа-Тау в 1948 году, тоже на Кавказе.

Нас было трое: И.Е., я и моя супруга. Никогда – ни до, ни после – мне не приходилось ходить с такой недисциплинированной группой. Вернувшись с этого маршрута, я зарекся брать на восхождения ближайших родственников.

Через двадцать лет, зимой 1960 года, мы с И.Е. вновь на Кавказе, в Домбае, в том же “КСУ –чьем” доме (хотя теперь это уже не дом КСУ, а альпинистский лагерь “Звезда”). И.Е. опять днями сидит за работой, редко гуляет и только вечерами сражается в шахматы. Я же, в составе альпинистов спортклуба Академии наук, готовлюсь к довольно сложному траверсу вершин массива Домбай-Ульгена. Впервые такое сложное восхождение проводилось зимой.

И.Е. отчетливо понимал серьезность задачи нашей команды. Мы должны были двигаться двумя независимыми группами, с суточным разрывом. Фактически, одна группа (6 человек) была истинно наша – группа “академиков”. Вторая же – состояла в основном из альпинистов МВТУ, под руководством Игоря Ерохина. В сезоне 1960

года это была опальная группа, которой были запрещены самостоятельные восхождения. Мы были не согласны с таким запретом, и чтобы обойти его, по просьбе Ерохина, сформировали формально единую команду из 12 человек. Исходя из тактики прохождения намеченного траверса, мы должны были двигаться двумя группами с разрывом в 1 – 2 дня.

Когда наша “шестерка” прошла уже большую часть траверса, вечером, при организации очередной ночевки, мы сначала услышали, а потом и увидели “двойку”, которая подавала сигнал бедствия. Она находилась на уже пройденном нами участке гребня, у вершины ЦСКА. Случилось что-то серьезное. Сразу к потерпевшим вышла наша “двойка” – А. Балдин и В. Смит. Через несколько часов к палатке вернулись четверо. Оказалось, что произошла страшная трагедия. При прохождении “психологической стенки” (траверс верхней части почти километровой вертикальной скальной стены) сорвалась четверка, страховочная веревка не выдержала рывка и разорвалась. Они ... погибли.

Когда наступило время радиосвязи с альпинистским лагерем, выяснилось, что наша рация испортилась (по-видимому “село” питание). Слышимость была отвратительной и внизу не могли разобрать, кто погиб, а кто остался жив. Внизу даже не поняли с какой из двух шестерок случилось несчастье.

Нас стало восемь в одной четырехместной палатке. Один из двух спасенных (Адик Белопухов) был сильно деморализован. Вторым был В. Божуков. Снаряжения и продуктов на всех уже не хватало. Пришлось прекратить траверс и начать спуск по западной стене (т.н. путь Сасорова). Спуск занял у нас (нехватка снаряжения и проблемы с Адиком) трое или четверо суток. Практически все это время внизу оставались в неведении подробностей происшедшего и не были уверены в именах спускавшихся.

Трудно представить, что должен был пережить И.Е. за эти трое суток, но держался он мужественно и продемонстрировал огромную выдержку. Когда он встретил нас на тропе, уже внизу, выглядел спокойным и даже не бросился сразу к сыну. Сначала обнял и пожал руки всем, кто шел в цепочке впереди меня.

Позже ко мне подходили многие из тех, кто в эти дни руководили всеми спасательными работами здесь, внизу. Они с восхищением говорили о выдержке, проявленной И.Е. Единственное, что он, спустя некоторое время, сказал мне, было: “Я не мог в эти дни даже работать”,

Приведу фамилии членов нашей шестерки: Н. Алхутов, А. Балдин, Б. Горячих, В. Смит, Ю. Смирнов и Е. Тамм.

В конце 67 года И.Е. серьезно заболел, долгое время провел в больнице, но состояние его заметно ухудшалось. Каких только консультантов к нему не приглашали, но ни кто из них не мог установить даже диагноза болезни. В тот вечер, о котором хочу теперь рассказать, войдя к нему в палату, я сразу заметил, как он сильно осунулся и стал необычайно грустен. Уже несколько суток он не мог лежать ни днем, ни ночью – мгновенно начинал задыхаться. Сидя ему тоже трудно было дышать, но все ж таки лучше, чем лежа. Вскоре, несмотря на поздний час, пришел (точнее пришла) очередной консультант – профессор Любовь Михайловна Попова из Института неврологии. Эта обаятельная, энергичная женщина, по-видимому поставила диагноз еще до осмотра больного – по истории его болезни и со слов лечащего врача. Осмотр был кратким, и меня сразу же пригласили к главному врачу. Любовь Михайловна считала, что у И.Е. очень редкое заболевание с замысловатым названием, означающим атрофию участков спинного мозга, руководящих мышечной диафрагмы и плечевого пояса (боковой ампрофический склероз). Эта болезнь лечению, во всяком случае в то время, не поддавалась. По мнению Поповой было необходимо срочное хирургическое вмешательство (трахиотомия) с целью подключения больного к аппарату искусственного дыхания – подключения на всю оставшуюся жизнь.

Трагедия могла случиться в любой момент и профессор Попова предлагала немедленно, не глядя на ночь, доставить И.Е. в Институт неврологии, чтобы сразу оперировать. Правда, заметила она, обычно в таком возрасте эту операцию уже не делают – слишком большой риск. Однако, учитывая, что речь идет об И.Е. Тамме, она готова на такой шаг, но для этого требуется согласие больного и его родственников.

Я пошел к И.Е. обсудить ситуацию (правда, в урезанном виде – без подробностей). По-видимому, ни я, ни тем более И.Е. не были готовы к подобному обороту дела. Он принялся уговаривать меня подождать с решением хотя бы до утра: – “Быть может состояние улучшится и операция не потребуетсЯ”. Я вернулся к врачам, и услышал от Л.М., что она не может поручиться за благополучный исход даже этой ночи. Ее настойчивость произвела впечатление. Я вновь у И.Е. и довольно жестко его уламываю...Это были ужасные минуты! Мне его безумно жаль, но я уже понимаю, что обязан принять это

тяжелое решение не перекладывая его на плечи кому бы то ни было. И, прежде всего, мамы и сестры. Чтобы все обдумать и собраться с мыслями, я на четверть часа вышел погулять. Когда вернулся, И.Е. сказал мне: – “Делай, как считаешь нужным, сегодня ты руководишь восхождением”, и добавил – “По-видимому, предстоит еще одна холодная ночевка”

Я написал необходимое врачам согласие и позвонил домой – сказал, что мы едем в Институт неврологии на операцию. Немедленно все завертелось. Л.М. Попова вызвала в Институт лучшую, по ее мнению, бригаду ассистентов для операции и механиков для подготовки аппарата искусственного дыхания. Местные врачи занялись подготовкой перевозки И.Е. Все это время я не покидал его – мы собирали необходимые вещи. И даже в такой момент И.Е. волновался, как бы не забыть желтый портфель с бумагами – его работой! После того, как было принято решение о немедленной операции, И.Е. больше ни разу не возвращался к этой теме. Около 12 ночи мы приехали в институт на Волоколамском шоссе. Тут все уже было готово.

Через два часа из операционной высыпала возбужденная группа медиков, а потом вывезли и самого И.Е. Рядом шла медсестра и непрерывно качала воздух волейбольной камерой – импровизированным дыхательным аппаратом. И.Е. отвезли в палату и там уже подключили к настоящей дыхательной машине. Я поехал домой.

Когда же утром вернулся на “Волоколамку”, ко мне подошла Любовь Михайловна и, как мне показалось, несколько смущаясь спросила: – “Не замечалось ли ранее за И.Е. неадекватного восприятия действительности”? Взволновавшись, я начал выяснять в чем же дело. Оказалось, что утром, когда к нему в палату пришла медсестра, И.Е. попросил ее достать из портфеля бумагу и ручку, вытащить из тумбочки ящик и положить его на колени, чтобы можно было писать.. Как только его желание было исполнено он сразу принялся за работу. Позже Л.М. заглянула в исписанный какими- то цифрами и значками лист и ничего не поняла. Узнав это, я успокоился и объяснил Л.М., что козь И.Е. взялся за работу значит с ним все хорошо. Для него такое поведение – норма. Успокоив этим Л.М. я поблагодарил ее за внимание и решительность, проявленные накануне.

Дальше были три года, в течение которых, как шутил И.Е., он был подобен жуку в коллекции – приколот булавкой к одному и тому же месту – дыхательному аппарату.

Вскоре после операции И.Е. перевезли домой, здесь был орга-

низован постоянный медицинский пост, круглосуточно дежурили опытные санитары, стояли три аппарата искусственного дыхания. Один из них самодельный, а один купленный в Швеции за “нобелевские деньги”.

Первые полтора – два года после операции И.Е. еще активно работал: садился за письменный стол (оставаясь все время на аппарате) и занимался по пять – шесть часов в день. Постоянно общался с сотрудниками своего теоретического отдела и всем интересовался: новостями в физике, в политике, шахматами и песнями бардов.

Но в последний год, силы стали его покидать, и активность постепенно затухала. В какой-то момент пришлось отказаться от работы за письменным столом, однако он продолжал заниматься вычислениями в постели. Вел частые беседы по истории физики (иногда мемуарного характера) с молодыми сотрудниками.

Для меня это были три года постоянной, (днем и ночью) заботы о технике – дыхательных аппаратах. Нельзя было допустить их остановки, а это, прежде всего означало, что в квартире не должно было отключаться электричество. Мы устроили так, что аппараты могли питаться от трех резервных линий. Кроме того, на крайний случай, имелись мощные танковые аккумуляторы с умформером. К сожалению, аппараты не выдерживали непрерывной работы и частенько ломались. Срочный ремонт, как правило, делался механиками – умельцами в мастерских нашего института (ФИАН). В квартире все время было слышно характерное “чавканье” хорошо работающего аппарата. По вполне понятным причинам, когда случалось ухудшение в состоянии И.Е., медперсонал прежде всего грешил на аппаратуру – мол она дает не тот объем воздуха, или не то увлажнение, или недостаточное количество кислорода и т.п. Тогда сразу же вызывали меня.....

За эти годы я не помню случая, чтобы И. Е. пожаловался на свою судьбу. И это несмотря на мучительную прикованность к аппарату, на жестокую процедуру откачивания мокроты из гортани и верхних долей легких, а такая процедура проводилась несколько раз в сутки. Поистине, запас мужества и силы воли были у него неисчерпаемы.

И вот 12 апреля 1971 года. Меня в очередной раз вызвали с работы: – “Кажется что-то с аппаратом...”. Едва войдя в квартиру, я услышал равномерное гудение аппарата и, поглядев на него, понял, что техника здесь ни причем. На этот раз она выдержала. Не выдер-

жало сердце.

Тяжелее всего было выключить (остановить) аппарат, три года оповещавший нас об относительном благополучии, но теперь вдруг ставший не нужным. Долго ни кто не решался этого сделать.

Я хочу сказать, что несмотря на тяжелейшие три последних года, Игорь Евгеньевич прожил счастливую жизнь. Счастливую потому, что он всю жизнь был безмерно увлечен своей работой. Потому что, ни мог не быть счастливым человек, имевший таких учителей, как Л.И. Мандельштам и Н.Д. Папалекси; таких друзей в науке, как Я.И. Френкель, Г.С. Ландсберг, П. Дирак, Н. Бор и др. и в альпинизме, как В.П. Сосоров, Е. Казакова и др.

Ни мог не быть счастливым человек, всю жизнь проживший с таким верным и близким другом, каким была Наталья Васильевна (моя мама). Он был счастлив еще и потому, что имел таких замечательных учеников, как В.Л. Гинзбург, Е.Л. Фейнберг, А.Д. Сахаров и многих других.

Наконец ни мог не быть счастлив человек, создавший вместе со своими друзьями и последователями такой Отдел теоретической физики, как ОТФ в ФИАН,е. Отдел свято хранящий главный, заложенный И.Е. принцип – принцип всецелой преданности науке.

Все это и позволяет мне утверждать, что, несмотря на то, что судьба не редко жестоко била И.Е. (и не только в последние три года) – он был счастлив в жизни.

1 – 2. На Хан-Тенгри с севера

Короткий разбег... Земля в иллюминаторе резко покатила куда-то, промелькнули груды ящиков, тюков, баллонов. Застыли полуобнаженные люди с задранными головами. И вот уже из кабины вертолета видны красные с зелеными пятнами склоны ущелья, внизу множеством рукавов катит по широкой долине пенистую воду мощный Иньльчек.

Первая воздушная разведка. Первый полет над северной ветвью знаменитого ледника. Иллюминаторы вертолета МИ-4 не приспособлены для обзора, но достаточно подняться в кабину к летчикам, чтобы открылся изумительный вид Впереди развилка. Влево уходит Северный Иньльчек, который соединяется с одноименным южным ледником, сравнительно узкой горловиной, перекрытой озером Мерцбахера. Сверху прекрасно видно, насколько серьезным препятствием является это озеро на пути к языку северного ледни-

ка. Состояние и размеры озера сильно изменяются на протяжении одного сезона и могут, по-видимому, меняться от года к году. Длина озера – 2 км. Оно вплотную подступает к обрывистым скальным берегам. В конце августа или в начале сентября озеро обычно прорывается под ледяное тело Южного Иньлечека и вода устремляется в долину.

В большинстве случаев имеет смысл говорить о двух озерах. Нижнее, которое упирается в тело Южного Иньлечека, сплошь забито ледяной коркой и айсбергами, достигающими иногда внушительных размеров. Участки открытой воды здесь редкость. В начале сезона – это топкое илистое дно, на котором покоятся причудливые, сверкающие ледяные громады. К концу июля весь этот причудливый “зверинец” уже на плаву, появляется больше чистой воды и прихотливые ветры перегоняют лед из края в край озера.

Однако, все это выяснилось значительно позже, а пока, неумолимо размахивая огромными лопастями и отбрасывая на землю неуклюжую тень, вертолет летит дальше. Вскоре, выше по ущелью, мы увидели второе озеро Мерцбахера. Озера разделены холмистым перешейком не шире 300 – 500 м. и соединяются широкой и стремительной речкой. Второе озеро почти чистое с прозрачной зеленоватой водой. Его длина больше 2 км, ширина – 1,5 км.

Еще и еще раз прошу пилота сделать круг над верховьями ледника. Хочется запечатлеть в памяти все детали северных склонов Хан-Тенгри. Мы так рвались к ним и так мало о них знали! Впечатление грандиозное! Но времени нет. Внизу ровный, покрытый фирном ледник. На морене, напротив вершины, можно устроить штурмовой лагерь. Еще заход – и, привязавшись ремнями, готовимся сбрасывать грузы. Снята с петель дверь, ветер с ревом врывается в кабину, совсем рядом под ногами, с бешеной скоростью мелькают детали ледника. Резкий звук зуммера заставляет нас в таком же бешеном темпе хватать и выбрасывать тюки, казавшиеся на земле неподъемными. Согнулся, рванул и лишь мельком увидел, как ранее сброшенный тюк подпрыгивая катится по льду. Опять нагнулся, опять рванул, и так, пока не оборвался требовательный звонок. Последний круг, внизу цепочка выброшенных вещей. У самого края стремительной ледниковой речки, как страж, замер “вверх ногами” красный газовый баллон.

На обратном пути, у верхнего озера, на месте где будет базовый лагерь, вторая выброска. У самой воды, на берегу бухточки, две одинокие палатки передовой группы. После тяжелого пути ребята

сейчас трудятся над устройством временных посадочных площадок для вертолета. Но, ни на одну из них Борис Митрофанович Мирошкин – пилот “нашего” вертолета не рискует посадить машину, хотя нам обе площадки кажутся вполне приемлемыми. Бедные труженики! Они так надеялись что вертолет сядет, а вместо этого им на головы посыпались нескончаемым потоком грузы, которые надо теперь подтаскивать к лагерю, подбирая порой за 1,5–2км., а то и вылавливать из ледяной воды.

Передовая группа, в которую входили В.А. Смит, М.М. Бонгард, И.Ф. Щоголев, В.Б. Ткач и др., вылетела из Москвы на 10 дней раньше нас. На Северный Иныльчек они попали, перевалив через хребет Сарыджас.

Так как вертолет не удалось использовать для переброски людей за озеро, пришлось искать пути преодоления водной преграды. Высланной для этого группе удалось найти обход наиболее трудного участка скального берега, поднявшись метров на 800 и перевалив через контрфорс.

13 августа. Мы в лагере. Наконец встретились с передовой группой – обросшие, но счастливые “туземцы”! Все мы единодушно присвоили перевалу через контрфорс (над озером) имя Б.М. Мирошкина.

Лагерь обживается. Наш повар, Саша Кузов, завладел плитой, и из-под полога кухонной палатки уже тянет аппетитный парок. В складе сортируют грузы. Антенна радиостанции упорно напоминает нам, о существовании Большой земли.

К вечеру 14 августа собрались все. Привел группу “отстающих” наш завхоз- Коля Шалаев, и мы сразу почувствовали, что в лагере появился хозяин. На редкость деловитый, знающий все тонкости экспедиционной жизни, он очень облегчает мою судьбу, как руководителя экспедиции.

Утром 15 августа Кузьмин, Дубинин, Белопухов и Тамм уходят к верховьям ледника. Надо организовать штурмовой лагерь непосредственно под Хан-Тенгри, осмотреться, выбрать вершины для тренировочных восхождений.

Дорога вверх нудная и неприятная. Приходится идти по узкому и глубокому карману ледника, кругом ничего не видно. Это единственный проход на первой трети пути. Примерно в пяти часах пути от озера карман перегороден боковым ледником с характерным белым льдом. Ледник спускается со склонов Сарыджаса. Отсюда удобнее идти по срединным моренам Иныльчека. Погода отвратитель-

ная, за целый день не прошли и половины пути.

К вечеру 16 августа подошли, наконец, к снаряжению, сброшенному с вертолета для устройства верхнего лагеря.

Утром все бело. Прямо перед глазами вершины Меридионального хребта и массивы Тенгри-Тага. Суров и величественен Хан-Тенгри. Нижняя часть гиганта закована в ледовую броню, выше угольно-черный пояс отвесных скал, а дальше, в небо гордо поднята красно-рыжая голова этого легендарного красавца.

День ушел на то, чтобы осмотреться и провести первую разведку. На основные вершины в Меридиональном хребте и Тенгри-Таге безопасных путей очень мало. Мощное разорванное оледенение и заснеженные склоны. порождают постоянные ледовые обвалы и частые лавины. Относительно безопасны лишь маршруты по крутым скальным выходам, на которых не держится снег и которые не перекрыты сбросами. Выбрать безопасный путь подъема на верхнее плато Хан-Тенгри нелегко. Правда, намечается вариант выхода через пик Саладина.

День спуска мы с Дубининым уходим вниз. Вернемся вместе со всеми. Кузьмин и Белопухов остаются наблюдать за склонами “Хана”, оборудовать лагерь, изучить возможные варианты тренировочных восхождений.

22 августа весь состав экспедиции поднялся в верхний базовый лагерь. Пока мы отсутствовали, Кузьмин и Белопухов забраковали выход на плато через пик Саладина. Безопасного маршрута там нет. Забраковано еще несколько вариантов, но есть и положительный результат. Предлагается, на первый взгляд, очень неоднозначный путь. Однако, из лагеря впечатление может быть обманчивым. Маршрут виден только в профиль и на него накладываются посторонние детали. Поэтому, завтра, когда все уйдут на тренировочные восхождения, мы (нас останется шестеро) еще раз рассмотрим этот вариант снизу.

* * *

Мы с Володей Винокуровым выходим на сцену. Роль у нас большая, к вечеру мы должны вернуться. Накануне вшестером целый день бродили по леднику. Остановились на варианте Кузьмина—Белопухова. Этот же путь мы с Дубининым обсуждали, возвращаясь с первой разведки. Пожалуй, это единственный возможный маршрут подъема на плато. Правда, возникают и сомнения т.к. надо пройти по двум крутым и длинным снежным “доскам”. Можно ли из-

бежать на них лавин. Близко ли лед, пригодный для организации страховки. Каков характер скал. Все это надо нам с Володей разведать, когда будем проходить первую “доску” и первый скальный пояс.

Нас разбудили в полной темноте. Ребята все приготовили и трогательно нас обхаживают. Холодно. Сидя на банках с крупой за примитивным столом, присыпанным за ночь снегом, мы едим не снимая рукавиц. Слегка бьет дрожь. Это и от нетерпения, и от чувства неловкости за причиняемое друзьям беспокойство. Зачем они все поднялись в такую рань и с такой заботой стараются напоить и накормить нас. Ведь мы идем, всего-навсего, на разведку и к вечеру должны быть дома.

Ледник еще скован холодом, идти легко. В сумерках начинают угадываться противоположные склоны, а сзади на моренном холме, постепенно таят пять неподвижных фигур наших друзей.

Склоны горы были уже рядом, когда мы неожиданно попали в западню – ледниковое болото – и несколько раз проваливались по колено в ледяную кашу. Не очень приятное начало! Голова Хан-Тенри слегка окрасилась в розовый цвет. Надев кошки начинаем подъем по лавинному выносу.

Через двенадцать часов мы вновь на этом выносе, но идем вниз. Рюкзак заметно полегчал. Все крючья и навешенные на них, специально взятые для этого, веревки, оставлены на сложных участках маршрута. Они облегчат прохождение этих участков во время основного восхождения. Настроение отличное! Приятно было поработать с полным напряжением сил. Висящий справа громадный сброс больше нас не беспокоит. В случае обвала перекрывается лишь короткий участок маршрута внизу. Снег на “доске” не очень страшен, а главное, всюду можно докопаться до льда. В верхней части, при выходе на первый скальный пояс, чистый и крутой лед – отличное место для прохождения на передних зубьях кошек. Скалы крутые и неприятные, но вполне проходимые. Вот только мест для ночевки ни где не видно.

Вечером, сидя на тех же банках, за тем же столом, обсуждаем ситуацию. Решаем завтра поменяться ролями. Наверх пойдут с ночевкой и попробуют подняться как можно выше, Смит, Цетлин, Щеголев и Ткач. Надо найти место для первого лагеря и хорошо бы разведать состояние снега на второй “доске”.

Однако утром непогода сорвала этот план. Наверх ни кто не вышел, мы встречали вернувшихся с тренировочных восхождений и провожали их вниз, в базовый лагерь.

Итак, первые восхождения закончены, проложены первые в этом районе маршруты.

Опять раннее утро, вернее, поздняя ночь. В темноте спуют неуклюжие, в своих пуховых нарядах, фигуры. Тепло только у кухонной плиты на которой растапливают вчерашний чай. Провожаем четверку на обработку пути выше, пройденного нами с Винокуровым. Хруст льда под ногами, в мутной пелене исчезает неровная цепочка следов. Ребята ушли. Теперь, как только рассветет, кто-нибудь из нас, все время будет с биноклем следить за ними.

Вечером зеленая ракета сняла наконец дневное напряжение. Как все-таки тяжело быть пассивным наблюдателем!

Обработан еще один участок пути. Не обошлось без приключений. К счастью, все закончилось лишь вырвавшимся крюком и слегка потянутой ногой. По-прежнему не ясна проблема ночевков, подходящих мест найти не удалось. Полу лежащий бивак группе пришлось устроить очень низко. Что ж, теперь ясно, что нас ждет. Можно идти вниз, к озеру отдыхать и готовиться к штурму.

Лагерь встретил нас баней: клубная палатка превращена в парную. Дежурный без усталости подливает кипяток в жестяную банку – душевой бак. Лучшего ничего не придумать: сразу забыт изнурительный двухдневный переход вниз.

Вечером набились в уютную складскую палатку. Как всегда, бесконечно долго настраивается гитара. В дрожащем свете коптилок мелькают обгорелые, задубелые на ветру лица. Неизбежные остро-ты, потом песни, чем дальше, тем теплее становиться от них на душе. Уже первый час ночи. Песням, кажется, не будет конца, и не хочется расходиться.

За палаткой холодно и ясно. Над головой рассыпаны крупные и яркие звезды; неправдоподобные, без деталей, горы выделяются лишь мерцающими в звездном свете снегами. Только вершина Хан-Тенгри окутана легкой дымкой, ветер рвет ее края, и кажется, что звезды устроили хоровод вокруг Властелина Духов.

Постепенно все расходятся. Мигают свечи в разбросанных по берегу маленьких палатках и они становятся похожими на отражающиеся в озере звезды.

Два следующих дня заполнены подготовкой к главному восхождению. На Хан-Тенгри готовы идти 16 человек, но это немыслимо для такого сложного маршрута да еще без вида на хорошие ночевки. Штурмовую группу пришлось разделить на два отделения Второе

выйдет на маршрут, когда первое поднимется на плато. Труднее всего разделить. Ни каких критериев для отбора в то или другое отделение нет. Наконец и с этим покончено. В первой группе: Тамм, Виля Смит, Олег Брагин и Валя Цетлин – одна палатка; Володя Винокуров, Дима Дубинин, Игорь Щеголев и Вадим Ткач – другая. Во второй, с Кузминым и Микой Бонгардом идут: Валя Божуков, Олег Куликов, Коля Алхутов, Женя Булатов, Слава Цирельников и Адик Белопухов. С нами, до штурмового лагеря, идет и наш неутомимый и заботливый врач Леша Шиндяйкин.

Итак, завтра выходим!

* * *

Сразу за лагерем, по крутым осыпям приходится подниматься на огромный зеленый барьер. Кажется несправедливым начинать так почти 24-х километровый переход по практически горизонтальному леднику. Но вот, замученный этим бессмысленным подъемом, ты оказываешься на зеленой площадке. Стоит бросит взгляд вниз и все забыто!

Прямо под ногами гладь озера, по которому в беспорядке разбросаны громады белых айсбергов. Внизу, проецируясь на противоположный берег, они теряются и как бы уменьшают озеро, а отсюда, это четко отражающиеся в чистой воде ледяные острова.

А берега!.. Это причудливые маленькие фиорды из льда и камней. Когда смотришь на озеро, невольно вспоминаешь, что внизу, если прислушаться к нему поздним вечером, услышишь, как оно замерзает, как все, будто живое, наполняется тихим звоном и шелестом. А на рассвете, когда только побелел восток, оказывается, что на льду есть разводья и в них четко отражаются темные и таинственные вершины, небрежно обрезанные кромкой льда. И обязательно две холодные и яркие Венеры. Одна, точно очерченная, на небе, другая, чуть размытая на льду. Но вот медленно тают Венеры, а с ними и ледяная корка. Тают бесшумно и спокойно. Вот уже загорелась голова Хана. Где-то на склоне крикнул улар. Ему ответил другой. Неожиданно вырвавшийся из-за склона луч солнца вонзился в озеро – и нет больше льда. Исчезло спокойствие. Вода зарыбилась, отражения вершин потеряли четкость. Зашуршали и заговорили с солнцем громадные айсберги. Природа проснулась вся и как-то вдруг. День начался!

Когда-то на Алтае мы были поражены большим высокогорным Шавлинским озером. Двухкилометровая гладь изумрудной воды okay-

млена красно-зеленым пихтовым лесом, а из дальнего края устремляются в поднебесье белые вершины. Мы не нашли для них лучших названий, чем “Красавица” и “Сказка”. Но зелень лесов и трав делали эту красоту понятной. А здесь другое. Здесь только камни и лед. И из этого материала природа сумела сотворить чудо!

Однако пора, надо найти силы оторваться от этого чуда и идти дальше, к другой красоте – к вершинам. Последний взгляд вниз. На берегу разбросаны разноцветные палатки. Все еще толпой стоят наши друзья. Как все необычно! И только, пожалуй, мачты радиостанции нарушают красоту природы, нетронутой “варварством” нашего века. Все это: и чудо, и варварство оставшееся внизу, сейчас прощаются с нами. А здесь, под ногами, прощаются эдельвейсы, сверкающие на солнце бриллиантами росы. Спасибо за проводы! Мы идем дальше.

Дальше – это значит вниз к леднику, к порядком уже надоевшему пути в верхний лагерь. Еще ни разу не удавалось пройти здесь в хорошую погоду. И сейчас по ущелью быстро расползаются мрачные тучи. Первая их волна засыпает нас мокрым снегом и дождем. То с одной, то с другой стороны хлещет пронизывающий ветер. Все кругом становится серым и грязным. Фантастическими призраками кажутся побелевшие фигуры, накрытые поверх рюкзаков короткими накидками.

В промежуточном лагере хаос: часть площадок подмыта и обрушилась, остальные превратились в болотца. Палатки засыпаны, внутри мокро. Однако, по-настоящему мы не сердимся на погоду. Пусть она издевается над нами здесь, на подходах. Лишь бы успокоилась ко времени выхода на восхождение.

Следующий день не принес перемен. Только вместо дождя – мокрый снег да менее однообразным стал путь по леднику. Но рюкзак не становится легче, дорога не стала короче. Таковы обычные экспедиционные предстартовые будни. Нескончаемые челноки, разведки, тренировки. В любую погоду и все время с грузом. Жизнь без удобств и тепла, без душа и столовых, с вечным заколдованным кругом: легче идти, когда легче рюкзак; рюкзак легче, когда нет еды; нет еды – тяжелее идти. Но мы этого хотели сами, об этом мечтали, и, если говорить всерьез, все это нас не очень огорчает. Важно что кругом друзья, что будет солнце, будет очаровывающая красота, будут трудные маршруты и единоборство с ними рука об руку с товарищами, которое приносит огромное удовлетворение, придает силы.

Когда мы подходили к верхнему лагерю, снег уже не шел с та-

ким удручающим однообразием. На небе появились голубые разводы. Но ниже нас, ущелье по-прежнему прикрыто темными тучами. Тем не менее, мы надеялись, что завтра будет хорошая погода.

Надежды не обманули. Последний день перед штурмом порадовал теплом, открывшимися видами, сухими палатками. Настораживало лишь одно: молчавший многие дни ледовый сброс, справа от пути подъема, ожил и развил необычайную активность. Нижние скалы гигантским волнорезом встречали потоки обрушивающегося льда и скрывались порой в ужасающем месиве. Правда, по утрам было тихо.

Все сосредоточены, заняты последними сборами. Володя и Виля сортируют продукты. Раз Вильям попал в “продуктовики”, не миновать нам контрабандного груза. Вадим и Игорь вяжут петли и Игорю приходится отбиваться от нескончаемого потока вопросов Вадима Ткача. Олег еще раз просматривает и проверяет наше “кузнечное” хозяйство. Дима носится с кинокамерой, непрерывно снимает и, наверное, случайно забудет вынуть в последний момент из рюкзака эту, не допущенную к восхождению, игрушку. Валя пишет дневник, я же никак не могу оторваться от бинокля – хочется запомнить все детали, предстоящего нам, пути.

Утром, как обычно, сброс еще молчит, но скалы, облизанные накануне его обломками, оказались крепким орешком. Во время разведок мы практически их не замечали, теперь же первые метры многодневного пути начали всерьез экзаменовать нас. Это обстоятельство, да тяжелые рюкзаки, вскоре выбили нас из графика. К середине дня вышли на сильно заснеженные, на первый взгляд не сложные, скалы выше первого скального пояса. Этот участок уже обрабатывали Смит с Цетлиным. Тем не менее, идущий первым Валя Цетлин что-то очень уж долго и тщательно очищает от снега все зацепки и упоры, с трудом находит места для страховок. Забив с десяток дополнительных крючьев, он наконец проходит обе навешенные раньше веревки, и каждый получает возможность убедиться, что время было потеряно им не зря. Под сыпучим снегом очень крутые обледенелые плиты, которые подводят к очередной башне. У ее подножья подобие небольших площадок. Здесь можно, наконец, расслабиться.

Когда подходит время радиосвязи, мы работаем на скалах, где достать рацию невозможно. К концу дня попадаем на новые плиты, к тому же обильно поливаемые холодным душем. Сейчас он нам совсем не нужен. Сразу начинают обледеневать веревки, куртки, паль-

цы.

Уже в темноте, отработав 14 часов и выполнив дневное задание, набиваем уйму крючьев для себя и для рюкзаков. Начинается строительство площадок под палатки. В разгар работы салютуем зеленой ракетой наблюдателям. Внизу, под ногами, загорается ответная. Наблюдатели идут спать, а мы все еще продолжаем выкладывать свое “ласточкино гнездо”.

Еще с вечера было решено, что сегодня, на второй день пути, остановимся пораньше. Надо беречь силы: не очень-то ясно, что ждет нас наверху. Да и снег уже раскис, а впереди длинный и крутой склон. И вот на снегу, рядом с карнизом, уткнувшись друг в друга входами, стоят две палатки. Двойка уходит вверх обрабатывать склон на завтра, другая (и я) – немного вниз, за подвешенными там, на крючьях, рюкзаками. Вдруг все меняется: ветер с невероятной силой метет снег, ничего не видно, ничего не слышно. Кроме свиста ветра и потоков снега нет ничего. Невозможно дышать. Глаза, рот, уши – все забито снегом и ветром. Пытаешься хоть как-нибудь захватить немного воздуха, а не снега, но напрасно, все поглощает чувство удушья. Все забыто, хочется только выжить, и кажется, что тебя поглощает звериный инстинкт самосохранения.

Он-то и заставляет с нечеловеческой скоростью, не замечая тяжести рюкзака, держась за спасительную веревку, взбираться вверх к людям, к палаткам. От этого “бега” задыхаешься еще больше. Сердце рвется во все щели. Валюсь на площадку между палатками и наверное рычу. Моментально мою голову втягивают в рукав палатки. Прошло всего несколько минут, и здесь еще не до конца поняли, что происходит снаружи. В палатке все бело от снежной пыли, но нет ветра. Несколько минут не могу прийти в себя. Но вот я, кажется, снова человек, и первая мысль о тех, кто еще наверху. Помочь им ничем нельзя – это самое ужасное. За палаткой ад. Пробитые ими ступени замело в первые же секунды. А стоит им отклониться на несколько метров левее – и они попадут на карниз. Это конец! Это почти километровая бездна!

Но они приходят!

Через некоторое время все уже поглощены обычными заботами, а первая радиосвязь с лагерем окончательно отвлекает нас от пережитого.

Ясное утро третьего дня. Вытопанные вчера ступени, естественно, засыпаны снегом и идущий первым то и дело проваливается по пояс. Через два часа выходим под скальную башню. Очень

трудно отыскивать надежные трещины для крючьев, каждую зацепку приходится разгребать из-под снега. Поднимаемся по крутому кулуару, стенки его затекли льдом. К 4 часам дня выходим всей группой на скальные выступы средней части башни. Можно отдохнуть, подвесив рюкзаки на крючьях. При большом старании, часа за три, здесь можно построить “полулежащие” площадки. Строительство началось, а двойка Цетлин – Тамм уходит на обработку пути вверх, по крутому взлету стены. После трех веревок склон становится положе. Впереди просматривается огромная черная скала, около которой могут быть хорошие места для ночевки. Спускаемся к ребятам, и оставив недостроенные площадки, всем составом поднимаемся к черной скале. Здесь действительно, под скалой, большой снежный карман и прекрасное место для ночевки. После одиннадцати часов работы можно, наконец, развязаться и положить рядом (а не повесить) рюкзаки. Снег и морозный ветер превратили нас в ледяных чучел, но настроение у всех хорошее. Заросшие, улыбающиеся лица!

Минут через 40, на просторной площадке уже стоят две палатки и в них уютно ворчат многое обещающие примусы. Высота – 5500 метров!

Четвертый день начался с радиосвязи (вчера в 7 вечера мы еще работали на маршруте и лишь договорились о переносе связи на утро). Узнаем, что вчера, вслед за нами, вышла вторая группа. Их пятеро. К сожалению, выбыли по разным причинам Бонгард, Булатов и Белопухов. Пятерка по обработанному пути пройдет быстро. Значит скоро увидимся.

Наконец мы на плато! Обширные снежно-ледовые поля раскинулись на высоте 6000 – 6400 метров. Теперь все время перед глазами верхняя башня Хан-Тенгри. Западная ее часть – припудренная снегом скальная стена, уходящая далеко вниз. Восточная – слегка вогнутая ледовая стена, прикрытая сверху большими фирновыми карнизами. Прямо на нас, носом фантастического корабля, обращен крутой северный гребень. В центре плато, под защитой отвесной ледовой стенки устраиваем очередную лагерь. Никто не хочет залезать в палатки. Даже лютый холод не может заставить оторваться от грандиозной картины нарисованной природой. Здесь еще солнце, а ледник уже окутан сумраком. И ни единого звука. Но вот и отсюда уходит солнце. Теперь и мы можем уходить в палатки. Следующий день посвящен снежной работе. Вечером, под сильными порывами ветра, устанавливаем на высоте 6450 метров шестой лагерь (первым

считался лагерь на леднике). Относительно легкий путь пройден, мы у подножья рыжих скал. Они уходят вверх, отвесом, загораживающим вершину. Этот участок для нас еще загадка и, пока все, как обычно, заняты лагерьем, двойка уходит на разведку.

Ночью разыгралась непогода. Ветер пытается сорвать палатки. Снег плотно зажимает тех, кто лежит с края. Приходится вылезать из уютных теплых мешков и выбираться из палаток, чтобы откинуть сугробы. При этом, у входа, внутри палатки мигом набивается снег.

Утро не принесло облегчения – идти нельзя. Неожиданный и ненужный отдых. Собственно отдых весьма сомнительный: от горящих примусов в палатке начинается капель, в углах скапливается вода. Когда гаснут примусы, все это “безобразие” превращается в лед. Время от времени приходится вылезать на снежные работы. И это хорошо, т.к. долго находиться без движения – невыносимо. Большинство дремлет. Есть время провести переучет железа и продуктов. Пока все в порядке! Голод на крючья и еду нам не грозит.

Мы уже шестой день на восхождении и лишь вчера было относительно просто. Мы знали, что восхождение будет трудным – трудным и интересным. Так оно и есть. Все время разнообразная техническая работа, все время в напряжении, все время выбор маршрута требует огромного внимания. Для нас сейчас нет ничего, кроме пути вверх, кроме забот о веревках, крючьях, карабинах. Правда сегодня извлечен из рюкзака заветный томик стихов Блока. Уже много лет, на любое восхождение, берем мы стихи. К этому приучил нас Андрей Симолин. Читаем вслух, сначала в одной палатке, потом в другой. Оказывается, что на такой высоте трудно читать – задыхаешься. Но зато, как же это здорово:

И я стремлюсь душой тревожной
От бури жизни отдохнуть,
Но это счастье невозможно –
К твоим чертогам труден путь

Или:

Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездой,
Землею кажется звезда.

Седьмой день. После непогоды ясно. Сильный ветер. Искрится

снег. Перед каждой неровностью намело сугробы, с которых непрерывно струиться колючая снежная пыль. Пока часть группы снимает лагерь, первая двойка делает короткий бросок по глубокому снегу, и вот уже рыжие скалы! Они почти вертикальны, но много хороших крупных уступов. Лазанье приятное, и после вчерашней лежки постепенно входим в привычный ритм. Крючья забиваем только на обледенелых участках. К сожалению, их все больше и больше. Однозначного пути нет, и не ясно, можно ли будет выбраться здесь на гребень. Работаем уже много часов, связки растянулись. Постепенно нас прижимает к гладкой отвесной стене, и когда начинает казаться, что попали в ловушку, первая двойка неожиданно выходит на гребень. Это верхняя кромка западной стены “Хана”. Но теперь перед нами еще один снежный взлет. Вперед выходят Винокуров и Дубинин. Все готовы идти дальше, но первая связка безнадежно застряла в глубоком снегу. Нескончаемой рекой течет он вниз и с гулом обрывается у наших ног на раскинувшийся внизу ледник. Проходит час, связка не прошла и десяти метров. Этот участок необходимо обработать. Разгружаем двойку, отдаем им репшнур и две веревки, а сами начинаем устраивать седьмой лагерь. Ребята работают все время рядом, участок трудный, Мы как бы на альпийском стадионе, где демонстрируется отличная техника. Возвращаются они уже в сумерках. В 21.00 даем зеленую ракету. Ниже сразу загораются еще две: одна далеко внизу, на леднике, другая где-то рядом. Это вторая группа подошла к лагерю шесть. Все хорошо!

Ночью опять ветер и снег. В одной палатке нас 8 человек, очень тесно (мы надеялись, что в этот день будем на вершине и максимально разгрузились, оставив одну палатку в шестом лагере). Когда начало светать, трудно было разобрать, какая из ног принадлежит данному туловищу, и где же принадлежащая ему голова?

Пора выходить, а погода не утихает. Кругом черно и мрачно. Опять ждем. Все явственнее проступает на лицах напряжение прошедших дней. Его не скроешь, хотя сил еще уйма, и все с нетерпением ждут, кода же можно будет двинуться вверх. Мы должны быть на вершине сегодня или завтра, и тогда... Тогда останется самое сложное – спуск. И это будет означать, что мы сделали все, к чему так долго и упорно стремились.

К десяти часам ветер немного стихает, становится ясно, что хуже погода не станет. Выходим. В разрывах облаков, внизу на плато, видна палатка. Вторая наша группа еще не выходила из шестого лаге-

ря.

Связки настолько сработались, что разговоров не слышно. Все действует сосредоточено, с подъемом. Слышно только, как забивают и выколачивают крючья, да отрывистое “пошел”! Это пожалуй самый сложный и опасный участок. Гребень очень крутой, по обе стороны километровые пропасти. Зацепок на обледенелых плитах не найти. Снег сыпучий, не держит. Но это, наверное, последний трудный участок. Дальше не очень крутые, широкие фирновые склоны выводят к вершине. Мы считаем, что по высоте до нее метров двести.

Идущий впереди Валя, несмотря на мороз, без рукавиц – в них не шапнуть под снегом зацепок. В отличном стиле проходит он последние плиты. Пропускаем всех по нашей веревке и становимся замыкающими. Я подхожу к Вале и замечаю, что он в каком-то оцепенении смотрит на ребят сгрудившихся на снежном склоне. Оказывается, они еле успели “зарубиться” на снегу и обрушившаяся пылевая лавина не принесла несчастья. Обойти склон негде – скальных выходов не видно. На этом участке не мы хозяева положения. Хотим продолжить подъем, Игорь пытается наметить путь ледорубом, и тотчас, справа от него с шуршанием устремляется вниз большой снежный пласт. Новая лавина. Рядом нет ни льда, ни скал. Надежную страховку организовать негде. Может быть все обойдется! А если нет? Ставка слишком высока. Нужно быстро принимать решение. Мы не картежники, рисковать жизнью (а это, к сожалению реально) можно только спасая жизнь другим. Вряд ли кто-нибудь поймет, как это тяжело. Не уверен, что все ребята поймут сейчас необходимость такого решения. Но они поняли, и медленно, все время оглядываясь мы уходим вниз. Долго и молча сидим на площадке лагеря семь. Все думают, наверное, об одном. Еще столько сил, столько продуктов и вершина рядом. Что, если мы сгупили? Но это только так, это невольные мысли. Всерьез ни у кого, кажется, нет сомнений, что поступили правильно. Продолжаем спуск. Вот теперь идти тяжело. Тяжело передвигать ноги. Тяжело дышать. И только сложное лазание по рыжим скалам заставляет всех сбросить усталость и работать в привычном темпе.

Вскоре встречаем пятерку. Хочется многое рассказать и узнать. Но место не очень-то удобное для бесед. Все мы развешены по стене на большом расстоянии друг от друга. Пятерка пойдет вверх, нельзя сворачивать не убедившись самим, что путь к вершине сей-

час отрезан. Туда, откуда мы только что спустились, поднимается Валя Божуков, главная ударная сила этой группы. За ним Алхутов. Мы уже давно не виделись и сейчас очень заметно, как изменились ребята. Но они бодры и полны надежд. Как всегда весел и жизнерадостен Олег Куликов. Прощаюсь с Кириллом Константиновичем. Кузьминым, который заверяет меня, что напрасно рисковать не будут.

* * *

Еще через два дня, быстро пробежав по лавинному выносу, у весело журчащего по льду и камням ручейка мы снимали кошки Скупые, но очень дорогие поздравления. Горечь пережитого улеглась. Все мы, прежде всего альпинисты, а не авантюристы!

Настала обычная в таких случаях реакция, из последних сил мы плелись к лагерю, когда на встречу выбежали наблюдатели. От них узнаем, что сегодня пятерку видели выше “нашего” склона. Может быть ребята прорвутся к вершине! Как бы нам хотелось этого.

Не скоро узнали мы разгадку. Потекли дни тревожных ожиданий. Только зеленые ракеты, вестники благополучия, связывали нас с друзьями. И вот настало 16 августа. Задолго до спуска ребят, взяв бинокли, идем через ледник к началу, нет простите, теперь уже, к концу маршрута. А через несколько часов уже обнимаем победителей. Все разъяснилось. Победа! Чистая победа и ни какого авось, ни какого необдуманного риска. Спустя два дня, после нас и непогоды, пятерка подошла к злополучному склону, он оказался относительно безопасным. Дело в том, что сильные ветры и многочисленные лавины за эти два дня резко изменили обстановку. Преодолев этот склон, группа организовала лагерь 8. На следующий день, в 13.30 Н. Алхутов, В. Божуков, О. Куликов, К. Кузьмин и В. Церельников подошли к туру на вершине Хан-Тенгри. Новый путь на вершину был пройден до конца!

В туре лежала свежая записка: несколькими днями раньше сюда с юга, вышла группа наших товарищей из экспедиции ДСО “Труд”. Они впервые поднялись на вершину по, так называемому, Мраморному ребру.

² Речь идет о восхождении группы Спортклуба Академии наук, в 1971 году, на вершину “25-летия ПНР” в р-не. Матча (Памир), по маршруту через “жандарм Белый конь”. В группу, помимо автора этих строк, входили: Михаил Бонгард (здесь Мика) – физик, математик, биофизик, док. физ.-мат. наук; Олег Куликов (здесь Куля) – физик, кандидат физ.-мат. наук; Олег Брагин (здесь Олеш) – химик, док. хим. наук.

* * *

19 август в базовом лагере неожиданно послышался рокот вертолета. На этот раз “аэродром” расцвечен флажками, в стороне от посадочного знака трепещет на мачте полосатый рукав. Все, как на большой земле. Заход за заходом, и каждый раз, когда нам кажется, что колеса коснулись земли рев мотора усиливается и красная стрелка снова взмывает ввысь. Пятый заход. Огорченные, понуро плетемся в лагерь не обращая внимания на вертолет. И вдруг тихо. Все замерли, а через мгновение шквал восторга. Продемонстрировав изумительное мастерство, вертолетчик Иван Пападейкин посадил машину на маленький пяточек между водой и моренными холмами.

Последний рейс. В вертолете нас, пассажиров, только четверо. Просим сделать прощальный круг над озером. На месте лагеря видны хорошо утрамбованные площадки от палаток. Немного грустно.

Природа опять стала здесь единственным хозяином.

* * *

Этот очерк посвящен экспедиции на Северный Иньльчек, организованной летом 1964 г. Центральным советом ДСО “Буревестник” и спортивным клубом Академии наук СССР. Восхождение экспедиции на Хан-Тенгри с севера признано лучшим в сезоне 1964 г. по классу высотных. Пять участников восхождения, достигших вершины, награждены золотыми медалями.

1 – 3. Случайная выборка или почему?

У каждого бывает состояние, когда работа не ладится. Нет идей, нет желания и сил заставить себя заниматься чем-либо серьезным. Такое состояние длится иногда часами, а бывает и днями.

У меня в комнате на работе висит замечательная японская, цветная фотография с изображением “Пумори” – семитысячника, одного из ближайших соседей “Эвереста”. А в проеме между окон – небольшая, деревянная инкрустация “Ужбы”, вершины – красавицы на Кавказе Других украшений нет. Поэтому, когда состояние безделья застаёт меня здесь, я чаще всего люблюсь своими “кабинетными” горами, и в голову приходят мысли о событиях, которые связаны с альпинизмом – о тех счастливых годах, когда мы были пьяны горами и каждому было ясно, что они ждут нас и зимой и летом. В такие минуты, помимо моей воли, как наваждение всплывает в памяти одно из

последних восхождений на Памире ².

Сейчас, после смерти Олежки, я остался единственным из той четверки, которая начинала это восхождение и из двойки, которая его заканчивала. Быть может избавиться от этого наваждения (хотя не ясно, хочу ли я этого) поможет попытка поделиться своими воспоминаниями.

Воспоминаниями о радостных, ярких и жизнеутверждающих ощущениях, связанных с альпинизмом вообще и о тех ужасных, ни с чем не сравнимых по боли и опустошению переживаниях, которые испытываешь, когда это жизнеутверждение обрывается потерей друзей. Когда их жизнь становится платой за многолетние совместные удовольствия, за необычный и неразрушимый способ породниться – породниться через горы. Родство это возникает из соперничества самых тяжелых моментов (или периодов) жизни. Мика любил говорить: – “Мы ходим в горы, чтобы быть вместе, чтобы получать наслаждение от общения с друзьями в самых приятных для нас условиях”. Он заплатил, за эти наслаждения, жизнью. И все мы подспудно понимали, что такая плата может быть востребована горами с каждого из нас. Но вернись все вспять – и мы, каждый в отдельности и все вместе, даже при наличии сегодняшнего жизненного опыта, без сомнения, выбрали бы тот же путь – путь через горы.

Проходят годы (многие годы), но наша, рожденная горами семья становится для нас все дороже и дороже. Многих мужчин мы оставили в горах. Но семья живет!

Маршрут о котором пойдет речь, далеко не самый сложный и красивый из пройденных нами за многие годы занятия альпинизмом. Но о нем я чаще всего вспоминаю.

Мы возвращались в базовый лагерь. Накануне, тройка (я и два Олега) поднялись на вершину, а Мика оставался в палатке на ночевке. Наиболее сложная и опасная часть сегодняшнего пути – спуск по крутому ледовому ножу – остался позади. Дальше вниз от небольшой скально-ледовой площадки, на которой мы остановились отдохнуть, начинался фирновый склон. Сначала, еще 3-4 веревки, достаточно крутой, а затем постепенно выполаживающийся и выводящий на перемышку. Пройти ледовый нож удалось сравнительно быстро – еще не вытаяли вырубленные при подъеме площадки. Пользуясь ими можно было легко организовать страховку через ледовые крючья. Спускались “связка по связке” И только последний шел с нижней страховкой.

Погода с утра держалась хорошей – высокие кучевые облака,

негусто раскинутые по яркому небу, неторопливо проплывали на юг, не касаясь даже самых высоких вершин района. Было холодно, но зато практически безветренно.

Сегодня Мика казался бодрым – мучившие его накануне боли печени, по-видимому прошли, да и казался отдых, полученный его “бочкачками” накануне. Во время остановок он с большим интересом рассказывал о последних успехах своей лаборатории. В частности заметил, что они навсегда обеспечили себе возможность заниматься чистой наукой и только той, которая их интересует. Оказывается, при определении мест для бурения нефтедобывающих скважин в уже разведанных районах, очень часто ошибаются и бурят “пустые” скважины. Они же, в лаборатории, используя большой объем геологической, сейсмической и прочей информации, которой обычно пользуются при выборе точки бурения скважины, создали математическую программу для узнавания хороших точек. Такой способ использования вычислительной техники позволил резко сократить бурение “пустых” скважин. Это дало возможность экономить сотни миллионов рублей в год. Мика вообще часто с увлечением рассказывал нам о занимавших его научных проблемах. Его кругозор, эрудиция, талант во много крат превосходили “средневзвешенные” нормы. Возможно, поэтому он иногда бывал излишне возбудим и резок, не терпел глупости. И в то же время, был всегда нацелен помочь любому, кто в этом нуждался.

Короткий отдых закончился. Готовясь продолжить спуск мы вновь связались по парам. На этот раз я с Олежкой, а Мика с Кулей – алгоритм выбора напарника был прост – кто оказался ближе друг к другу. Первые две веревки обе связки прошли еще со страховкой через крючья и вместе, а потом пошли независимо и одновременно. Такой способ требует повышенного внимания, но зато движение значительно ускоряется. Чтобы связки не мешали друг другу Мика с Кулей шли ниже нас и чуть в стороне. Мы с Олежкой немного задержались, ликвидируя последний пункт крючевой страховки.

Природа безмолвствовала. Успокаивающая тишина охватила горы. Солнце начало пригревать склоны и время от времени мимо проскальзывали по льду ни то мелкие камушки, ни то льдинки. Обе связки работали молча и сосредоточено. Это были минуты наслаждения альпинизмом – ты работаешь и всеми порами чувствуешь свободу и единение с природой, ощущая себя маленькой ее частью. Все житейские заботы кажутся в это время второстепенными и ты понимаешь, что ни они должны диктовать тебе линию поведе-

ния в жизни. Именно в такие минуты, подобно истинно верующему на исповеди, ты очищаешься от скверны.

Мне показалось, что мимо нас, справа сверху, вниз налево просвистел по льду камень. Мгновением позже я услышал снизу страшный, разрывающий тишину, скрежет металла об лед. Не понимая еще, что это значит, не поворачиваясь, бросил взгляд вниз. Только что там были ребята, а сейчас на ледовом склоне их нет. Но тут же над скалами, замыкающими склон, взметнулось сначала одно тело.... и исчезло, и почти сразу же, очевидно выброшенное рывком веревки или ударом о камни, второе.... и тоже исчезло. Они не зарубились на льду и**это был конец.**

Вновь воцарилась, на этот раз пронизывающая тишина. Все это заняло несколько мгновений. Несколько мгновений и нет только что наслаждавшихся жизнью, здоровых и сильных, талантливых людей.

Во мне, в моем сознании, сердце, теле, за эти мгновения что-то навсегда изменилось. Не понимая, что делаю, завернул ледовый крюк, подстегнул к нему “самостроховку” и только тут посмотрел на Олега. Он был выше меня по склону и, как оказалось, сделал тоже самое. Мы долго смотрели друг на друга не нарушая тишины. Я заметил, что Олежа как-то сразу почернел.

Страшно глупо! Нелепо! Мгновение – и уже все другое. Не ощутив всего этого, понять наше состояние невозможно. Потом появилась странная мысль: как же Кулина защита докторской, ведь она уже назначена на октябрь? А как же Леша., ведь он внизу, в лагере, ждет отца? А как же Дора Израйловна – Микина мама, еще сегодня он говорил, что волнуется за нее – оставил ее в плохом состоянии!

Потом мы с Олегом медленно спускались на перемышку, непрерывно забивая крючья там, где уже можно идти одновременно и без страховки. На перемышке сбросили рюкзаки, достали оставшиеся у нас скальные крючья и начали спускаться по линии падения ребят. Это означало идти в противоположную от нашего пути сторону, т.е. не в основное ущелье где была наша база и наблюдатели, а в боковое.

Спускались наверное с излишней осторожностью по крутым скальным выходам и ледовым сбросам. Под ногами хорошо просматривался ледник бокового короткого ущелья. Вход в него, как мы потом убедились, узок и перекрыт ледопадом. Возможно, в нем до сих пор ни кто ни когда не бывал (а теперь, точнее говоря, никто ни когда не бывал живым).

Спустившись на несколько веревок, мы начали находить сле-

ды падения тел Кули и Мики. Вскоре стало совершенно очевидным то, что было ясно с самого начала – они погибли ударяясь о скалы еще в начале падения по стене. По нашим оценкам, глубина падения до ледника была не менее 800 метров. Крючев у нас оставалось мало (основная “кузня” была у Кули.). Дальнейший спуск не имел смысла – уже некому было оказывать помощь. Мы вернулись на перемычку.

Все эти маневры вызвали панику у наших наблюдателей. С самого утра они хорошо видели на ледовом ноже, а потом склоне обе двойки, а затем обнаружили, что очень медленно спускается только одна связка. Стало ясно, что произошло ЧП. Совсем огорошило наблюдателей, что вскоре исчезла и вторая пара – несколько часов, пока мы спускались в другое ущелье и возвращались обратно, нас не было видно. Об этом сообщили в лагерь. Затем вновь появилась только одна двойка и начала спуск в сторону наблюдателей. Из лагеря вышел спасательный отряд.

Мы спускались, как автоматы.. Все сложные места были пройдены. В памяти полнейшая пустота. Помню только обсасывание мокрых скал, которые начали попадаться ближе к леднику. Жажда и пустота – вот все, что было в нас.

В полной темноте, ориентируясь на тусклый свет фонарика наблюдателей, мы спустились на боковую морену и услышали, как топлоиво, постукивая ледорубами, почти бегом, подходят наши товарищи. Они тоже услышали нас. Обе группы остановились в нескольких десятках метров одна от другой, не видя друг друга.

Потом Вилин голос спросил: – “Кто вы?” Они же не знали кого нет! (Вильям Смит – доктор хим. наук, мастер спорта, руководитель спасательного отряда.)

Уже второй раз в альпинистской практике надо было отвечать на такой вопрос. Что сказать? Как сказать, что жив ты, а не они? Мы замерли, а потом неожиданно ответилось: – “Среди нас нет Кули и Мики”. И снова тишина. И каждый думал о чем-то тяжелом. Теперь, когда и у них не было сомнений, они так же, как и мы, мигом потеряли часть самих себя. Возможно именно в это время, впервые четко подумалось: если причиной был камень – почему он пролетел мимо нас? (Тогда на Вилин вопрос был бы другой ответ). Случайность?!

Если просто сорвался на склоне один из них, то почему не я оказался на этот раз связан с ним одной веревкой? Почему в последний раз мы связались именно так? Опять случайность? Так почему же, почему жизнь сложена из таких случайностей? Я знаю, что

Олежка потом часто возвращался к такому же вопросу. Так почему же, почему теперь именно я остался один из этой четверки?

Я не верю ни в черта, ни в бога. Я не верю, что программа жизни каждого заложена в него на генетическом уровне. Меня мутит от всякой мистики. Но все же, почему, почему именно так складывается жизнь? Мика сказал бы: – “Случайная выборка”. Возможно!

А быть может, так же, как для определения удачных точек для бурения скважин, можно перед восхождением заложить в соответствующую программу все, что известно о маршруте, о судьбе побывавших на нем альпинистов и пользуясь такой программой определить судьбу каждой очередной группы? Но какой никчемной станет тогда жизнь!!! Человек заранее будет знать, можно ли ему сделать очередной шаг. Я не хотел бы так жить!!! Но возможно, лишь потому, что я живу, потому, что не я был в той связке.!

В базовый лагерь мы, вместе со спасательным отрядом, пришли уже под утро. Здесь ни кто не спал. Надо было начинать с самого трудного и неизбежного. Я пошел в палатку к Леше – Кулиному сыну. Он переживал трагедию, как взрослый мужчина. Несмотря на возраст, мужества и выдержки у него было не меньше, чем у отца. Но все равно, смотреть на него было невыносимо тяжело. А надо было побороть жалость и общаться с ним без сюсюканья, как с взрослым. Здесь, в лагере вместе с ним был и Никита (мой сын), которому в том году исполнилось 16 лет. Ребята, практически двое суток, не знали кто именно погиб и есть ли в спускавшейся двойке их отцы. Понимаем ли мы до конца, какие глубокие рубцы на сердце и в их памяти оставляют такие переживания!

Невозможно не вспомнить здесь, что зимой 1960 года, во время нашего зимнего траверса Домбай-Ульгена, подобные переживания выпали на долю Игоря Евгеньевича – моего отца (см. страницы

6, 7 настоящих Записок). Ни чего не скажешь, нелегкая судьба у наших родственников и близких.

На следующее утро, в составе небольшой группы, мы пошли в боковое ущелье искать тела ребят. Попастъ в него оказалось не так уж и сложно с точки зрения техники, но опасно. При входе в ущелье, узкая горловина, перекрытая висячим ледником, интенсивно простреливалась камнями с крутых скальных стен. За горловиной ущелье постепенно расширяется, ледник становится положе, а открытых трещин меньше.

Место, где лежали тела ребят, легко было определить по свежему выносу скальных обломков от камнепада, вызванного их падением Удивительно, но страховочная веревка не оборвалась. Тела оказались туго спеленаты ею. Было очевидно, что они погибли сразу же, в начале падения. Для транспортировки тел через горловину ущелья надо было собрать там относительно много людей, но это было опасно. Мы временно захоронили ребят в ледниковой трещине и отложили окончательное решение об их погребении до консультации с родственниками, а значит до следующего сезона.

На следующий год мы перезахоронили тела Мики и Олега в этом же ущелье и закрепили на камне у могилы металлическую пластину с соответствующим текстом. А на огромной скале в основном ущелье, у тропы, недалеко от места базовых лагерей, выбили большую памятную надпись.

Проходят годы, многие лета! Твоя жизнь естественным образом подходит к границе. Чем ближе она, тем мудрее кажутся слова старой песни: “Уж лучше в горах свои кости сложить, чем здешним червям доставаться”. Есть и другое высказывание на эту тему: “Лучше, чтобы последним звуком, который ты услышишь в жизни, был скрежет металла о лед в горах, чем визг шин тормозящей машины в душном и пыльном городе”. Подумаем, быть может не надо сильно печалиться о судьбе ребят (другое дело о судьбе оставленных ими близких). Быть может надо им позавидовать? Наверное на этот вопрос можно ответить только находясь на самой границе своей жизни.

Вот к таким, а не только к веселым и радостным воспоминани-

ям я начал приходить иногда, когда работа “не идет”, и я невольно
обращаюсь к своим “кабинетным” горам.

В далеких горах бушевала пурга,
От холода камни трещали
И там где ничья не ступала нога,
Товарищи наши шагали.

Пусть даже могилы их нам не видны,
Пусть ветру до них не домчатся
Мы знаем, что с песней дружили они
До самого смертного часа.

Их место пустует за нашим столом,
Но плакать о них не позволим.
Мы молча стаканы в их память нальем,
Лишь песня расскажет о боли.

Мы смерти не ищем, нам хочется жить,
Но раз уж с землей расставаться
Так лучше в горах свои кости сложить,
Чем здешним червям доставаться.

И. Руднева

2. ГИМАЛАИ (НЕПАЛ)

2 – 1. Как все начиналось

(Экспедиция на Эверест 1978 – 82 г.г.).

Перед глазами квадратный лист твердой тростниковой бумаги. По периметру красная окантовка, наверху герб Королевства Непала. Идентичные непальский и английский тексты сообщают, что Советская экспедиция на Сагарматху (местное название Эвереста) достигла весной 1982 года отметки 8848 метров над уровнем моря или, другими словами, Вершины.

Этот скромный документ – официальное свидетельство успеха экспедиции. Он выдан на основании заключения двух офицеров связи, которые находились с нами в Базовом лагере на леднике Кхумбу все 57 дней, проведенных здесь экспедицией. Они присутствовали на всех сеансах оперативной радиосвязи и, трижды в день, фиксировали места нахождения наших групп, следя за передвижением каждой из них. Они должны были подтвердить правительству своей страны факт выхода групп на Вершину Земли.

Внешне этот документ похож на сертификат, который появился в Спорткомитете СССР в начале 1978 года. Тогда это было всего лишь разрешение на проведение восхождения на Эверест.

Эти годы – семьдесят восьмой и восемьдесят второй выделили из жизни каждого, кто был причастен к экспедиции, незабываемое пятилетие. Невозможно было представить сколько драматических и радостных событий выпадет на их долю; сколько потребуется физического и морального напряжения от участников этой эпопеи.

Вернемся пока к 1978 году. На основании разрешения королевства Непала, группа из шести человек готовилась выехать в Гималаи для выбора конкретного маршрута восхождения, намечавшегося на 1980 год, и знакомства с местными условиями, короче – на разведку. Все было готово к вылету в Катманду когда стало известно, что ни эта поездка, ни сама экспедиция 1980 года не состоятся. Напомню, что в то время подобные решения принимались только аппаратом ЦК КПСС.

Многие руководители альпинизма приняли это известие, как должное. Это был уже третий случай отказа от проведения эверестских экспедиций Не мог смириться с очередной неудачей лишь Михаил

Иванович Ануфриков – ответственный секретарь Федерации альпинизма СССР. Известный альпинист и тренер, человек неустойчивой энергии, не дающий покоя ни себе, ни окружающим – он рвался в бой. Я же, будучи в то время Председателем Федерации альпинизма страны, был впервые привлечен к гималайским делам, отказ воспринял как нечто необычное и тоже был готов действовать.

Так образовался наш тандем, которому суждено было действовать несколько лет и неустойчиво давить на педали тяжелой машины, получившей название “Первая Советская гималайская экспедиция”. Конечно же мы не были одни, многие нам помогали. И чем ближе к успешному финалу тем больше. Но было и противодействие.

Михаилу Ивановичу удалось устроить встречу с давним почитателем альпинизма, известным тогда поэтом и общественным деятелем, Николаем Семеновичем Тихоновым. Вечером, вчетвером с В.М. Абалаковым и А.Г. Овчинниковым, мы приехали к нему на дачу в Переделкино. В большом деревянном доме все казалось архаичным. Огромный красный абжур нависает над столом внушительных размеров. На столе тихо поет самовар. Хозяин в толстовке. Удивительные спокойствие и уют.

Николай Семенович сразу все понял, поддержал наше стремление добиваться проведения экспедиции и обещал выяснить с чем связан отказ, а если повезет, то и договориться о приеме у секретаря ЦК КПСС М.В. Зимянина, который курировал культуру, науку и спорт. Прошло месяца два, прежде чем стало известно, что такой прием действительно состоится.

За две минуты до назначенного срока вошли мы с М.И. Ануфриковым в большую, строго обставленную приемную. Практически сразу нас пригласили в кабинет. Светлая комната, непомерных размеров письменный стол, вдоль стены со шкафами длинный стол для заседаний. Не высокого роста, крепкий на вид и энергичный человек, выходя из-за своего стола, поздоровался и сразу атаковал нас: – “Наконец-то я добрался до альпинистов! Что же это у Вас твориться? Мы очень недовольны!” – (Ничего себе начало!).

И совсем уже неожиданно: – “Загубили товарища Хохлова Р.В.”- Стремительная, ошеломляющая атака! Однако мы знали: не альпинизм непосредственная причина трагедии с Рэм Викторовичем (Р.В. Хохлов – академик, ректор МГУ, замечательный физик и обаятельный человек, умер летом 1978 года в больнице в Москве, при переливании крови, после гипоксии и переохлаждения, полученных во время восхождения не пик Коммунизма на Памире.).

М.В. Зимянину надо было отвечать быстро и четко. Вопросы буквально сыпались на нас. Стало ясно, что к встрече готовились обе стороны. Инициатива в руках хозяина кабинета. Манера разговора предельно деловая, тяжелая для собеседника – ведущий ждет только ясных, взвешенных ответов, ни каких общих фраз. За весь разговор лишь одно отвлечение – Зимянин упомянул, что знал и уважал (!?) академика И.Е. Тамма. Заставил меня насторожиться и вопрос: – “А Вы гарантируете успех экспедиции?”. После короткой заминки с моей стороны, последовал, конечно же, положительный ответ. Позиция Зимянина достаточно быстро прояснилась. О 1980 году и речи быть не могло. Олимпийские Игры, естественно, более престижны для страны, чем экспедиция. А проведение двух таких крупных спортивных мероприятий в одном году, по его мнению, нереально. Тем более, что экспедиция должна была состояться до Игр и если ее постигнет неудача, это может быть использовано (кем?!), как обстоятельство компрометирующее Московскую Олимпиаду. Возражать против таких аргументов трудно. Но вот, наконец, и положительный результат: – “Можете готовиться к проведению экспедиции в любом году, кроме 1980”

Пытаюсь объяснить с какими трудностями связано получение нового разрешения правительства Непала. Но тут же ответ: – “Передайте товарищу С.П. Павлову, чтобы к решению этого вопроса подключили МИД, думаю все уладится.”. (Сергей Павлович Павлов, в то время был председателем Комитета по делам физической культуры и спорта при Совмине СССР. До этого – первый секретарь ЦК ВЛКСМ; потом – посол СССР в Монголии.)

Скорее воодушевленные, чем огорченные предстоящими организационными трудностями, связанными с переносом срока проведения экспедиции, покидали мы Старую площадь. Ни раз потом, при подготовке экспедиции, приходилось мне (беспартийному) бывать там, но с М.В. Зимяниным я ни когда больше не встречался.

Сразу после визита к секретарю Ц.К., мы пошли к председателю Спорткомитета. Он явно не ожидал, что нам удастся забраться так высоко. Теперь и здесь разговор стал предельно деловым. Вскоре удалось побывать в МИДе – надо было просить правительство Непала сделать для нас отступление от Правил: не аннулировать очередь, а разрешить ее обмен. Во время моей поездки, в качестве председателя Президиума федерации альпинизма СССР, в Греции на заседание Исполкома Международного Союза альпинистских ассоциаций удалось выяснить, что весной 1981 и 1982 годов Эверест

предоставляется соответственно японским и испанским альпинистам. Сразу отправили им письма с предложением поменяться очередями. Потянулись месяцы ожиданий. В конце лета испанцы сообщили, что готовы на обмен, при условии, что не будет возражений у Непала. Запросили Министерство туризма Непала. Лишь в октябре все было окончательно улажено – из Катманду пришло официальное подтверждение, что право проведения экспедиции в весеннем сезоне 1982 г. передано федерации альпинизма СССР, а 1980 – испанской.

Теперь предстояло узаконить экспедицию у нас в Спорткомитете СССР. Но в это время он был уже целиком поглощен подготовкой к Московским Олимпийским Играм. Все службы были взвинчены огромной ответственностью и от нас отмахивались, как от назойливых мух. Вот тут-то и пригодились связи Михаила Ивановича Ануфрикова. Многие годы проработав в Спорткомитете он, своей преданностью горам, снискал всеобщее уважение. Это помогало ему открывать здесь любые двери. И, тем не менее, требовалось много такта, чтобы в такой ситуации не восстановить против экспедиции сверх всякой меры загруженных советских тружеников. С этим у Михаила Ивановича не все обстояло благополучно. Поэтому, обычно, прорвавшись к какому либо руководителю через частокол помощников и секретарей (мимо них он буквально тащил меня за руку, а я, смущенный его напором, краснел и заикаясь извинялся) он представлял меня очередному боссу, называя все мои мыслимые и немыслимые титулы. Это окончательно приводило меня в смятение и, в таком состоянии, я начинал излагать суть дела. Уговорить М.И. изменить этот стиль было невозможно, он на это обычно отвечал – “Ничего мужик, не стесняйся, с ними так и надо разговаривать”. И, по-видимому, он был прав. В такой ситуации, как большую удачу восприняла альпинистская общественность Приказ по Спорткомитету о подготовке к проведению экспедиции “Эверест – 82”. Приказ появился 12 марта 1979 года.

С этого момента мы стали “законнорожденными”, а на меня была возложена ответственность за спортивно – техническую подготовку экспедиции.

Начинался новый этап: предстояла конкретная и очень трудоемкая, в наших условиях, работа по всесторонней подготовке экспедиции. Размах этой работы отпугивал многих; браться за нее можно было только ясно сознавая насколько она ответственна.

Ведь в спортивном мире восхождение современного класса на восьмитысячник, особенно на Эверест (здесь речь, конечно не идет

о подъеме на вершину по много раз пройденному, относительно простому, пути, когда Вас, буквально за веревочку, вытаскивает на вершину опытный проводник) считается высочайшим достижением. Это всегда сложнейшее альпинистское мероприятие, требующее применения, как современной техники лазания, так и высочайшей тактической культуры не говоря уже об уровне организации экспедиции. Огромная ответственность была связана еще и с тем, что нам (советским альпинистам) наконец была представлена первая реальная возможность восхождения на Эверест – возможность, которую так долго добивались альпинисты, предшествовавших нам поколений.

Когда готовился Приказ об экспедиции, был разработан детальный, как тогда казалось, план ее проведения, охватывающий период с марта 1979 года по март 1982 года – срока намечавшегося окончательного отъезда в Гималаи. План включал все аспекты подготовки: от разведки маршрута, отбора и подготовки участников до разработки и изготовления, такого казалось бы пустяка, как тара для упаковки грузов. В нем нашли отражение все наши проблемы. Нельзя было надеяться на успех если, например, участники восхождения, какими бы сильными альпинистами они не окажутся, будут замерзать, работая длительное время в условиях ураганного ветра и мороза достигающего сорока градусов. Экипировка, защищающая их от холода не должна стеснять движения и мешать при лазании по сложным участкам ледового и скального рельефов. Она должна быть легкой – работать предстояло на огромной высоте, где транспортировка каждого килограмма – тяжелейшая нагрузка. Такая экипировка сильно отличается от той, которая нужна скажем полярникам или специалистам других аналогичных профессий. Ни чего подобного наша промышленность не выпускала.

Предстояло разработать и добиться изготовления многих видов специального снаряжения, оборудования, рационов питания и пр. Для этого надо было привлекать министерства и ведомства не имевшие ни какого отношения к спорту. Надо было определить, какое снаряжение неизбежно потребуется закупать у иностранных фирм и добиться таких закупок.

Надо было решать проблему обеспечения восходителей кислородом и кислородо-дыхательной аппаратурой. Пока ни одной экспедиции не удалось избежать здесь срывов – слишком высоки требования к такой аппаратуре при подъемах на восьмитысячники. Забегая вперед отмечу, что эта задача была решена блестяще. Мы имели удобную, легкую и главное надежную аппаратуру. И все это благо-

даря предприятию, связанному с космической промышленностью, и руководимому в то время Гай Ильичем Сиверным. Важна, в решении “кислородной проблемы”, и роль нашего известного альпиниста – высотника В. Божукова.

Надо было решать и проблему радиосвязи. В условиях резких перепадов температуры и морозах, о которых говорилось выше, возможных ударах и т.д. она должна была работать безотказно и быть предельно легкой. Это особенно важно для обеспечения безопасности групп на маршруте. Точнее, оказании, при необходимости, своевременной помощи. Потом, во время экспедиции, мы ни раз убеждались сколь оправданы были усилия и средства, затраченные на приобретение надежных, японских станций и источников питания к ним.

Малочисленные группы должны были работать на маршруте самостоятельно, часто на расстоянии нескольких дней друг от друга и от базового лагеря. Оплошность при движении и малейший срыв, обморожение или просто простуда могли привести, на этих высотах, к серьезным последствиям. Для оказания помощи здесь, на горе, не могла использоваться ни какая техника. Можно только вызвать по радио другие группы экспедиции, которые поднимутся по твоему пути и окажут помощь, а если необходимо, будут транспортировать пострадавшего вниз. А это долгая, опасная и тяжелая работа. Так вот, для такого вызова и нужна безотказная связь. Кроме того, с ее помощью организуется постоянная координация действия групп на маршруте, что очень важно.

Трудно перечислить все проблемы, которые нужно было решать при подготовке экспедиции. Многие из них были связаны со спецификой работы в Непале и требовали согласования или решения королевских властей. В этих случаях большую помощь оказало нам Посольство СССР в Катманду. И тем не менее, потребовалось, помимо разведки маршрута, еще две поездки для установления прямых контактов с правительственными и частными организациями и для решения ряда проблем. Так, большое значение для успешной работы любой экспедиции в Гималаях имеет подбор высотных носильщиков из числа шерпов, живущих, в высокогорных районах, примыкающих к Эвересту (район Сало – Кхумбо). Важно было установить личные контакты с сирдаром – будущим руководителем высотных носильщиков, наиболее опытным и грамотным из них. Эту акцию, естественно, нельзя осуществить заочно. Кроме того, необходимо установить контакты и с посреднической фирмой, которая дол-

жна заранее выполнить на месте ряд наших поручений. В них входит: наем нескольких сотен обычных носильщиков (не высотных), которым предстоит 15 дней нести по стране, поднимая от конца автодороги до базового лагеря на высоте 5500 метров, десятки тонн экспедиционных грузов; закупка свежих продуктов; заказ автотранспорта; заказ авиабилетов на местные авиалинии и т.д. Выбор посреднической фирмы и детальная договоренность с ней о делах и сроках их исполнения – ответственная задача, во многом определяющая успех экспедиции. Ее невозможно решать оставаясь в Москве.

Одной из сложнейших проблем стала для нас доставка 14 тонн экспедиционных грузов из Москвы в Катманду. С самого начала, учитывая наши, советские традиции, мы не могли надеяться получить от поставщиков снаряжение и продукты питания за 2 – 3 месяца до начала экспедиции, чтобы можно было воспользоваться морским и автомобильным транспортом. Надо было добиваться их получения хотя бы за несколько дней до окончательного срока выезда экспедиции и использовать для переброски в Катманду чартерный авиарейс. Но между Советским Союзом и Непалом авиалиний не было, и не существовало ни каких соглашений на этот счет. Необходимо было заручиться принципиальным согласием Аэрофлота на полет в Катманду, а затем получить разрешение правительства Непала на посадку там нашего транспортного самолета. Потребовалось около двух лет на согласование всех, связанных с этим вопросов (в основном в Непале). Казалось, что проблема решена. И тем не менее, в день когда наш авиалайнер все же стартовал из Шереметьево с грузами экспедиции, передовой группе, которая уже находилась в Катманду, официально сообщили, что в посадке самолета отказано. Пришлось разгружать его в Дели и затем партиями переправлять грузы в Непал, используя пассажирские авиарейсы индийских компаний.

Теперь немного о непальском бюрократизме. Он этого заслуживает. Все действия иностранных альпинистских экспедиций, в то время, регламентировались подробными Правилам. Но это не освобождало Вас от многочисленных контактов с правительственными и частными организациями. Непальцы, как правило, очень доброжелательны, но они никогда никуда не торопятся. Это создает массу сложностей для экспедиций, которые наоборот – всегда спешат, стремясь поскорее покинуть Катманду, чтобы не терять здесь, на дальних подступах, драгоценное время. Его потом не будет хватать на “горе”. Однако, быстро здесь ни чего не сделаешь. Надо запастись терпением и главное научиться беречь нервы, когда надо будет по-

долгу ждать начала рабочего дня – здесь очень поздно открываются учреждения или пережить очередной не рабочий день Их видимо-невидимо. По любому поводу отдых. Если, например, в какой либо стране земного шара скончался президент – в Непале не работают (не в этом ли причина хорошего отношения к СССР, сложившегося в 70 – 80 годы, когда мы подарили непальцам не мало выходных). Ни где я не встречал и такого пристрастия к “бумагам”. Так, любая экспедиция, ввозящая в страну свое имущество, должна представить на каждое грузовое место, а их порядка 400 – 500 штук (баулы, ящики, бочонки), подробную опись содержимого в 15 экземплярах!! Это порядка 7000 списков. Вот это бюрократия!

Хотя делают в Непале все неторопясь, но всегда приветливы и внимательны, всегда готовы помочь. И если Вы можете терпеть и ждать долго, то помогут. Правда бывают и срывы, как в нашем случае с посадкой самолета.

Но вернемся к началу. Предстояло еще только готовить экспедицию. Помимо хозяйственных и организационных проблем надо было заниматься и чисто спортивными. Они сводились к двум задачам. Первая – выбор пути подъема на Вершину. Мы стремились к тому, чтобы это был новый маршрут (первопроходные) и, в то же время, логичный, не надуманный. Надо было детализировать маршрут и на этой основе разработать тактику восхождения и, как следствие ее, план проведения всей экспедиции. Вторая задача – отбор участников экспедиции и, прежде всего, ее спортивного состава и совместная их подготовка в горах.

Для решения первой задачи надо было провести разведку маршрута на месте, подняться в верховья ледника Кхумбу и “пощупать” руками начала возможных путей подъема. Детально их пронаблюдать и сфотографировать. Для решения второй, планировалась серия зимних и летних тренировочных сборов в горах Кавказа, Памира и Тянь-Шаня с совместными серьезными восхождениями кандидатов на участие в экспедиции.

На первых же сборах надо было отобрать 18 – 20 наиболее сильных альпинистов из числа более сотни кандидатов, допущенных к отбору тренерским Советом Федерации альпинизма СССР. Сразу же стало ясно, что выбор небольшого числа счастливчиков из “армии” сильных и готовых на любые жертвы, примерно равноценных по спортивным показателям, альпинистов будет одной из серьезнейших проблем. Проблем, как с технической, так особенно с психологической точек зрения.

Перед поездкой в Гималаи на разведку у нас уже практически сформировался Тренерский Совет экспедиции, в который входили: Е.И. Тамм, А.Г. Овчинников, Б.Т. Романов и три, как мы говорили, играющих тенера – Е.Т. Ильинский, Э.В. Мысловский, В.А. Иванов – будущие участники восхождения. После первого зимнего сбора Тренерский Совет стал регулярно собираться (сначала раз в 2-3 недели а потом еженедельно) для решения текущих задач и планирования дел. Собирались обычно на квартире у Тамма, реже у Овчинникова. В этих рабочих совещаниях, кроме тренеров участвовали М.И. Ануфриков, зам. руководителя экспедиции по хоз. делам В.С. Дорфман, а позднее и врач экспедиции С.П. Орловский.

Словом, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее стало раскручиваться колесо подготовки экспедиции. Скорость его увеличивалась, громада неотложных дел росла и росла. Особенно тяжелы были два первых года. В этот период нас, непосредственно занятых подготовкой экспедиции и очередных сборов, было всего трое и, лишь один – М. И. Ануфриков – освобожденный работник. Мне, совмещать научную и научно-организационную работу у себя в институте – в Физическом институте им. П.Н. Лебедева, где я руководил сектором и подготовку экспедиции, было очень и очень трудно. Я благодарен всем своим сослуживцам, непосредственному моему “начальнику”, академику П.А. Черенкову и дирекции института за их терпение и помощь в этот период. Без их благожелательного понимания моего двойственного положения, такое совмещение было невозможно.

Эти годы ни могли не сказаться на моей научной квалификации. Догонять науку всегда трудно или даже невозможно. Потом, я все это ощутил и осознал. Но приобретенное было тоже очень значимо для меня. Поэтому сейчас, у меня нет однозначной оценки своего поступка: правильно ли я сделал, возглавив экспедицию и не мало потеряв в своей основной профессии – физике?

Итак, сначала нас было только трое непосредственно занятых подготовкой экспедиции. О ней еще мало знала общественность и “верха”. Ни какого, сколько ни будь весомого, постановления директивных, как тогда бывало, органов по поводу экспедиции не было. Замечу, что Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР “О проведении первой Советской экспедиции на Эверест” было принято только в марте 1982 года, когда передовой отряд был уже в Катманду, а основной – грузился в самолет в аэропорту Шереметьево.

А пока, не имея “Постановления”, надо было доставать сред-

ства, фонды, лимиты. Размещать заказы. Надо было уговаривать министров, директоров, генеральных конструкторов, а иногда рабочих. Удивительно, но большую часть из этих людей удавалось уговорить, воодушевив нашей задачей. Все же Эверест – высшая точка Земли; все же первая Советская, да еще по новому пути!

Основную помощь мы получили от предприятий авиационной и пищевой промышленности. Их министры оказались очень доброжелательными

Среди всех этих важных, но совершенно не интересных для меня, выматывающих душу, дел была одна увлекательная и приятная задача. Это детальное описание маршрута, исходя из того, что мы увидели во время разведки, исходя из фотоматериалов, карт, материалов аэрофотосъемки и литературы по Эвересту. Требовалось составить профильную схему маршрута восхождения и его отдельных, наиболее трудных (предположительно), участков. Учитывая протяженность и сложность участков, выбрать места промежуточных лагерей, определить их высоты. Пользуясь этими данными выработать тактическую схему восхождения. Оценить потребность в крючьях, страховочных веревках, палатках, кислородных баллонах, и т.д. Следующая задача – выработать оптимальный график движения групп во время обработки маршрута и график подъема грузов в промежуточные лагеря. Появились карточки на каждый из предполагаемых высотных лагерей, в которых указывалось сколько и какого снаряжения и рационов питания должно быть туда заброшено до начала штурма Вершины.

Чтобы уменьшить вероятность ошибок в этом ответственном деле, некоторые из этих задач решались независимо мной и Валентином Ивановым, а затем корректировались и выносились на суд Тренерского Совета. Именно в процессе этой работы стало в частности ясно, что имеет смысл, учитывая большую техническую сложность маршрута, сократить количество высотных носильщиков (из числа шерпов) и увеличить число наших альпинистов, сформировав еще одну “четверку”. Сначала мы считали, что это будет вспомогательная группа, не претендующая на восхождение на Вершину. Потом, на месте, выяснилось, что мы были правы. Из-за сложности маршрута шерпы не смогли подняться выше третьего лагеря. Вспомогательная же группа, практически сразу встала в один ряд с основными и при обработке маршрута, и во время основного восхождения.

Удивительно, как нам удалось потом, во время работы экспе-

диции, реализовать все эти планы с минимальными, но естественно неизбежными в таком деле, отклонениями.

2 – 2. Шесть дней в мае.

К вечеру ветер стих настолько, что Эверест перестал гудеть. Сразу исчезло ощущение будто бы над головой летают самолеты. Взлохмаченные облака то и дело проносятся перед луной и горы то надвигаются темными громадами на лагерь, то отступают и тогда их четкие силуэты оттеняются таинственным блеском ледовых склонов. Привычный аккомпанемент регулярных обвалов на леднике и лавин, срывающихся где то по- соседству, кажется тревожнее обычного.

Почти час, как маятник, слоняюсь между палатками доктора – “Кхумбулаторией” и ленинградцев – “Жилище детей лейтенанта Шмидта”. Это единственная приличная “улица” в Базовом лагере, который стоит на засыпанной камнями, сравнительно спокойной части ледника. Но и здесь, среди палаток, немало трещин – надо быть внимательным. Это хоть немного отвлекает от непрерывных, назойливых мыслей о событиях, развивающихся сейчас наверху. Маленькая рация, висящая на плече, издает настораживающее шипение.

Для нас весь мир сжался теперь до размеров ледника Кхумбу и окружающих вершин. Не возникает мыслей ни о ком и ни о чем постороннем. Даже регулярные переговоры с большой землей кажутся лишними, отвлекающая от того, что происходит здесь.

Луна вновь скрылась в облаках. В наступившей темноте, в нижнем ярусе лагеря, сказочным теремом засверкал огромный шатер кают-компаний. Его желтые и синие полотнища подсвечены изнутри мощной керосиновой лампой. Из шатра доносятся приглушенные голоса. Внешне в лагере все спокойно. Однако, любой старожил заметит необычное напряжение не покидающее сегодня ни нас, ни шерпов, ни офицеров связи. Сейчас еще четвертое мая. Утром, в 6.15 из пятого лагеря, с высоты 8500 метров, на штурм Вершины вышла ударная двойка – Эдик Мысловский и Володя Балыбердин. Мы узнали об этом в восемь утра, во время утренней связи. С тех пор, в Базовом лагере и в группах на маршруте, рации оперативной связи были включены на прием. В 14 часов, когда мы обедали в кают-компаний, наконец- то послышался усталый и немного растерянный голос Володи. Мы уже привыкли к его спокойной и четкой информации. На этот раз все было необычно: – “Евгений Игоревич, идем и идем

вверх, каждый пупырь принимаем за вершину, а за ним открывается новый. Когда же, наконец, все кончиться?”

Я пытался сказать что-то ободряющее, выражал уверенность, что вершина рядом. Просил регулярно выходить на связь. В кают-компании все сразу загудели. Возбуждение нарастало. Юра Конов – радист и переводчик, разъяснял обстановку офицерам связи.

Минут через двадцать Володя вновь вызвал Базу. Сразу воцарилась тишина. –“Впечатление такое, что дальше все идет вниз. Как Вы думаете, это Вершина?”-

Такого вопроса я не ожидал. Стало ясно, что ребята первыми осуществили мечту наших альпинистов, что кусок жизни, заполненный неимоверно тяжелой и нервной работой, кажется будет оправдан. Точнее, все это стало ясно чуть позже, а тогда, огромное напряжение последних лет нашло, наконец, лазейку. Я с большим трудом сдерживался, что бы не дать волю эмоциям. Проглотив комок, застрявший в горле, поздравил Володю и спросил где Эдик. Он ответил, что Эдик уже подошел или подходит – точно не помню. Поздравил обоих, просил устно описать и отснять все, что они видят кругом и быть осторожными при спуске. Напомнил, что мы все время на прослушивании и ждем регулярной информации. С большим трудом закончил связь и бросился из палатки – не хотелось показывать слабость. По дороге кто-то поздравлял, обнимал, похлопывал по плечу, но я уже плохо различал окружающих.

В дневнике Володи, описание этого момента, запечатлевшегося в его памяти под влиянием еще больших эмоций, чем мои, выглядит примерно так: “Тамм бесстрастным, обыденным голосом, даже не поздравив нас с победой, потребовал точно описать, что мы видим вокруг”. Я то хорошо помню, что поздравил, и не единожды за короткую передачу, ставших мне сразу еще дороже и ближе ребят. А что касается бесстрастного голоса, то даже он давался мне почему то с большим трудом.

Первый сеанс связи с Вершиной состоялся в 14 часов 35 минут. Перед спуском связались еще. Из-за сильного холода аккумулятор в рации у ребят подсел, слышимость ухудшилась и не все можно было разобрать.

Балыбердин: – “...нет не работает (имеется в виду рация), просто надо было подойти к ней (имеется в виду тренога, установленная на Вершине)” – далее неразборчиво.

Тамм: – “Прием, прием Эдик!” –

Мысловский или Балыбердин (голос неразборчив): “-.....этой трено-

ги китайской нет. Намело наверное метра 2,5 снега и торчит над гребнем только кончик” –

Тамм: – “Года четыре назад торчала она, по описанию, сантиметров на 20. Так что Вы можете ее и не найти Действуйте из общих соображений и главное снимите панораму. Ну поздравляем Вас, поздравляем. Эдя, не задерживайтесь, спускайтесь. Дороги боюсь не найдете (место перехода с западного гребня на стену по пути к пятому лагерю). Как понял?” –

Балыбердин: – “....все ясно, ясно все. Сейчас немного затягивает туманом, панораму затягивает. Крупа снизу. Оставляем баллон....Кислородный баллон к треноги, верхушки треноги.

Двойка начала спуск с Вершины в 15 часов 15 минут. С этого момента в Базовом лагере радость соседствовала с напряженным ожиданием. Спуск, даже на обычных маршрутах, бывает сложнее подъема. А ребята тратили уже последние физические и нервные силы. Прежде чем, сегодня утром, выйти из пятого лагеря они 7 дней работали наверху. Перед ними стояла очень сложная задача – обработка верхнего участка. Она далась им тяжело, особенно Эдику. Не избежали они и Ч.П. Работали ежедневно, начиная с 29 апреля, до позднего вечера – кончая в полной темноте. И это на трудных скалах, в холод и снег, не высоте под 8000 метров и выше!

Вот комментарий к Приказу по экспедиции, записанный 1-го мая: “Пока это был самый страшный день (точнее ночь) из прожитых нами в Базовом лагере. Мысловский и Балыбердин в 18.00 перенесли связь на 20.00, так как еще работали на маршруте. Но ни в 20, ни в 21, ни, до 8.30 утра на связь не вышли. Я всю ночь “пролежал” с рацией. Все же “чертовы дети” эти двое”!

Последнее замечание вызвано тем, что в предыдущие дни, они неоднократно, по 2–3 раза переносили последний сеанс связи и он состоялся не ранее 21 – 22 часов. Для нас это было связано с дополнительной нервной нагрузкой, а для них это было, к тому же, неизменно изнурительно. Но каждый раз, такой ценой, эти двое “выжимали” дневное задание до конца, закладывая будущий успех экспедиции и свой успех.

Володя – кремень. Он должен все выдержать. А Эдик? Почему такой вопрос? Откуда он, разве есть сомнения? Нет. А все же? И тут выплывает откуда-то мысль о запрете. Как же она должна мешать спокойно работать самому Эдику!

В Москве, на последнем этапе медицинского отбора его вдруг

забраковали. Сколько было споров и пересуд. Сколько раз, на всех уровнях, возвращались к этому вопросу. У меня сложилось твердое мнение, что это ошибка. Да и сам запрет был не твердый и категоричный, с ясным объяснением, а какой то половинчатый. Эдик поехал с нами, но мне была дана директива (уже не медиками): не выпускать выше 6000 метров. Однако, события требовали другого, они же подтверждали мнение об ошибочности запрета. И он не был отстранен от работы наверху. Это вызвало раздражение руководства в Москве. Наконец, не выдержав, оттуда в Катманду, с особыми полномочиями, командировали Ильдар Азизовича Калимулина. Удивленный его неожиданным приездом и очередным запросом о Мысловском, 23 апреля я передал ему радиограмму следующего содержания: хочу, чтобы Вы четко понимали ситуацию. Первое, мы всегда говорили, что основным препятствием может быть погода. В этом сезоне она отвратительная. До сих пор ежедневно идет снег, холодно, говорят, что даже в Тьянбочи еще не распустились цветы. Вам уже наверное сказали, что в Катманду лишь несколько дней назад открылись горы. Месяц их там не видали. *И это внизу, а на маршруте* условия сверх тяжелые. Много снега, ветер и очень холодно. Создается впечатление, что в этом году нет предмусонного периода – благоприятного для восхождений, и условия блики к зимним.

Я говорю это для того, чтобы стало ясно: ребятам придется работать в тяжелейших условиях.

Второе, маршрут, как мы и ожидали, технически сложный даже для нормальных высот. Много участков высшей категории. И все это в тех условиях о которых говорилось выше. Убежден, что этот маршрут (если его не повторит кто-нибудь в следующем году, пока будут еще целы наши веревки) долго не пройдет ни одна группа. И если мы его одолеем, это будет действительно новое слово в высотном альпинизме.

Третье, все участники работают на пределе своих возможностей – только так можно одолеть такой маршрут. А они, возможности, не у всех одинаковые.

На первых порах не все справлялись с заданиями, а дело должно было двигаться неукоснительно – иначе невозможен успех. Должны были появиться сильные лидеры, которые показали бы всем, что можно работать с запланированными заданиями. Такими лидерами оказались сначала двое – Мысловский и Балыбердин. Они, когда это стало необходимо, выполняли работу за четверых. Но надо было, чтобы в каждой группе появился лидер, способный доводить

дело до конца. Иначе недоработка на выходе одной группы, срывало все дело. И так, когда дорог был каждый участник способный работать на высоте, не говоря уже о лидерах, я должен был либо слепо, повторяю – слепо и трусливо руководствоваться директивой и снять с восхождения одного из выявившихся лидеров и, тем самым, целиком одну группу (в ней оставалось, в то время, только двое полностью трудоспособных); либо, исходить из здравого смысла, условий на месте и интересов основной задачи. Я, естественно, выбрал второй путь, и менять решение не могу. Не вижу для этого оснований. Очень прошу, до конца экспедиции, не возвращаться к этому вопросу. Сейчас наступила ответственная фаза работы и надо сосредоточиться не на полемике по уже решенному делу, а на решении очень трудных текущих задач. Все дается нам с большим трудом. И сейчас, вновь я выпускаю связку Мысловский – Балыбердин. Предвидеть заранее, что на этом этапе работы, они составят основную двойку мы конечно не могли. Это уже просто естественный отбор который, как всегда, происходит в тяжелейших условиях (конец радиogramмы).

Ильдар Азизович все понял и сделал так, что больше к этому вопросу никто не возвращался. Никто кроме, наверное, нас с Эдиком. И то подсознательно. А вот теперь, ожидая вестей сверху, я думаю, что этот пресловутый запрет висит над ним, как дамоклов меч и мешает спокойно работать.

Они вышли из Базового лагеря 27 апреля с заданием обработать участок от 8250 до 8500 метров и установить лагерь 5, а если, после этого, хватит сил – выйти на штурм Вершины. Оба проделали огромную работу и с чистой совестью могли сегодня утром начать спуск, но пошли наверх. И как бы не было им трудно все эти дни, мы с Анатолием Георгиевичем верили, что так и поступят два этих, очень разных, ярких человека. Их объединяло лишь высочайшее чувство ответственности и умение “выкладываться” – отдавать всего себя без остатка, когда это нужно. А это бывает очень трудно делать день за днем, да еще когда тебя никто не видит! Когда почти все время под тобой многокилометровая пропасть. Когда ветер и стужа выдувают из тебя все живое и стремятся сбросить вниз. Когда любой неверный шаг, но об этом не думают. Когда короткий сон – не сон, а не приносящее отдыха забытие. Когда каждое движение (высота!) требует неимоверного напряжения. И когда, к тому же, ни кто не пожурит и ничего не скажет, если ты не выдюжишь и уйдешь вниз.

Итак, в 15.15 они начали спуск с вершины. А вскоре Володя понял, что сил у них может не хватить. У Эдика кончился кислород.

Сам же Володя днем всегда работал без кислорода.

Около 17 часов вновь заработала рация. Балыбердин вызывал Базу. Его слушала, одновременно, и группа Валентина Иванова, уже поднимающаяся к этому времени в лагерь 5. на высоте 8500. Володя информировал, что движение происходит чрезвычайно медленно.

Если дело пойдет так и дальше, то не исключена холодная ночевка. Это уже был сигнал тревоги! Холодная ночевка вконец вымотанных людей, на высоте 8500 метров, без кислорода – практически невозможное дело. Вот отрывок записи этого сеанса связи:

Балыбердин: – “Я думаю, что до 8500 мы не спустимся, где-нибудь 8400, хотя бы вышли навстречу с кислородом что ли, потому что исключительно медленно все. С кислородом, и если есть у вас возможность, то что-нибудь горячее, чай какой-нибудь. Как поняли?” –

Иванов: – “Хорошо, мы сейчас что-нибудь сообразим” –.

Тамм: – “А где вы сейчас? Как ты, Володя, оцениваешь? Сколько вы от вершины спустились?” –

Балыбердин: – “Я оцениваю высоту 8800” –.

За два часа они спустились только на 50 метров! На равнине это эквивалентно, примерно, одному шагу в минуту.

Тамм: – “Понял, понял. Как идет Эдик? Прием” –

Балыбердин: – “А у него кончается кислород”. –

Трудно не оценить деликатность ответа!

Тамм: – “Ясно, ясно! Имей в виду, что мы все время на связи, но главное с Валей, Валей Ивановым, связь поддерживай” –

Балыбердин: – “Валя, так, как мы договорились?” –

Тамм: – “Валя, я считаю двойке надо выходить. Двойке вверх выходить, как понял? Прием” –.

Балыбердин: – “Как у вас с кислородом?” –

Бершов или Иванов (голос неразборчив): – “Ну, с кислородом у нас нормально. Что было с баллонами у Мысловского, когда он выходил?” –

Балыбердин: – “Когда он выходил наверх, в одном было 70, в другом 200. Прием” – (имеется в виду давление в атмосферах, что эквивалентно 210 и 600 литрам соответственно).

Молчание.

Тамм: – “Бершов, ты слышал, что он сказал?” –

Бершов или Иванов: – Да.

Молчание, потом Иванов отвечает на вызов:

Иванов: – “Да, да, Володя, я слушаю” –

Балыбердин: – “В одном 200, в другом 70, причем весь день, практически весь день, он шел при двух литрах. (расход кислорода два литра в минуту)” –

Иванов: – “Все ясно, все ясно” –

Молчание.

Тамм: – “Иванов, Иванов, ты на приеме?” –

Иванов: – “Да, мы на приеме” –

Тамм: – “Валя, значит, двойке, двойке надо выходить. Выходить вперед. Второй, может быть пока не двигаться, не двигаться. Запас кислорода взять на двоих: из расчета спуска двоих, и Володя тоже с кислородом. Как понял?” –

Иванов: – “База, понял” –

Кислород в баллонах был основным грузом, который каждая группа, ценой больших усилий, выносила в верхний лагерь для того, чтобы идти затем на вершину. Кислород был здесь основной ценностью и дефицитом. Группе, выходящей навстречу первой двойке и спускающейся с ней, не должно было хватить кислорода (даже если останутся силы!) для того, чтобы вновь пойти потом на вершину. И это понимал, конечно, Балыбердин.

Балыбердин: – “Мне, видимо, кислорода не надо. Мне бы попить или поесть что-либо горячее, слегка так, восстановить силы. Прием”.–

Тамм: – “Володя, это пока, а позже, позже нужен будет кислород. Принесут, будешь экономить – очень хорошо, очень хорошо будет. А немножко подпитаться нужно. Сложно будет спускаться, а если ночь холодная – совсем сложно будет”.–

Молчание.

Балыбердин: – “Валя, в общем решайте сами, а мы пока продолжим спуск” –

Иванов: – “У тебя маска (кислородная) есть с собой, Володя? – Прием”.–

Балыбердин: – “Нет, у меня все в палатке”.–

Иванов: – “Ну все ясно, давайте спускайтесь” –

Тамм: – “Валя, информируйте нас, информируйте каждый час, а пока я жду ваше решение, жду. Прием” –

Иванов: – “Понятно” –

Через несколько минут Иванов вызвал Базу.

Иванов: – “Нам нужно у Света узнать, что у нас здесь в аптечке возбуждающее, для поддержки. Просим узнать. Выходят Бершов и Туркевич и берут рацию” –

Тамм: – “Понял, понял я. Сейчас даю Света Петровича” –

Иванов: – “Свет, Свет, вот мы берем наверх, для них, возбуждающее – центедрин, чтобы ночью шли. Правильно мы делаем”? –

После подробной консультации, связка Бершов – Туркевич вышла вверх. В 18.00, во время штатной связи групп, они информировали нас о своем движении уже с маршрута. Темнело. Вскоре базу вызвал Балыбердин и узнал, что двойка движется к ним с кислородом, питанием и медикаментами. Володя беспокоился, что они могут разминуться в темноте, идя по разные стороны гребня. Из-за ветра они не услышат друг друга. Удалось связать их с Бершовым, и с тех пор все затихло.

С тех пор, почти 2 часа, ни звука. Я мотаюсь по лагерю и не могу отвести глаз от далекого предвершинного гребня. Как и луна, он время от времени пропадает в жутком вихре несущихся там облаков.

Кое-кто уже потянулся из кают-компании к своим палаткам. Очередной раз, дойдя до кхумболатории, собрался развернуться, когда наконец-то шипение прекратилось. Раздался голос Балыбердина. Он заметно торопился. Сразу же попросил отвечать без задержки, так как “питание сейчас съедет и связи не будет”. Сообщил, что они встретились, получили горячее и кислород. Теперь они могут идти вниз сами. Потом неожиданно передал, что Бершов просит разрешить их двойке подняться на вершину – “Она здесь, рядом”

Промелькнуло что-то вроде мысли: – Тоже мне, придумали! До лагеря пять, уставшей двойке еще идти да идти. Нельзя считать, что критическое положение миновало, впереди ночь. А они вверх! – Пока все это прокручивалось сознанием, ответил: – Нет! И тут услышал голос Сережи Бершова, прервавшего Балыбердина: – “Евгений Игоревич, почему нет, сейчас луна светит и ветер стих. Мы быстро, и догоним ребят”.

Действительно, почему нет? Надо подумать, но все время мешает, просто давит мысль, что связь сейчас может прекратиться. Чувствую, что кто-то, услышав наконец, разговор, подошел и стоит рядом. Так почему же все-таки нет!? Допустим, они спускаются в 5-ый вчетвером, а там еще двое. Шесть человек в маленькой палатке. Двое из них предельно уставшие и беспомощные. Это не отдых перед тем, как одним продолжить долгий спуск, а другим идти на штурм. А кислород? Хватит ли его? Если первая двойка, как они говорят, спустится сама, то можно успеть отдохнуть, пока вернуться с вершины Бершов и Туркевич. А там уже будет время выходить вверх Ива-

нову и Ефимову. В палатке вновь останутся четверо. Так же, как и мгновением раньше, это только “варилось” в голове и окончательно не созрело, когда задавал Бершову вопрос: – “А сколько у вас кисло-рода?” –

Он ответил сразу: – “По 300 атмосфер на каждого” –

Все встало на свои места – имеет смысл идти к вершине. Они получили “добро” раньше, чем прервалась связь.

Итак, первое действие премьеры, которая готовилась с таким трудом всей экспедицией, еще не закончилось, а второе – началось. Не было ни каких мыслей, что это будет первое ночное восхождение (в чем я до сих пор не уверен), ни тем более, об ответственности за столь спорное, в этот напряженный момент, решение.

Анатолий Георгиевич, когда я рассказал ему о переговорах, как всегда в таких случаях, поддержал меня. Подобное единство взглядов было практически постоянным и очень существенным для работы экспедиции.

Наши переговоры состоялись в половине десятого (вечером). Примерно в 22 часа 30 минут дежурные у радики, и я в своей палатке, слышали вызов: – База, База! – Потом еще раз. Продолжения не было, все кончилось до утра, до штатной связи в 8.00. Казалось мы начали привыкать ко сну и прослушиванию эфира одновременно. То, что, при этом, можно было назвать сном обретало привычное содержание, в те короткие периоды, когда побеждала мысль: “все хорошо, просто у них питание радики подсело”.

Вот как выглядело все это наверху.

Двойки встретились на предвершинном гребне после того, как спускавшиеся прошли фирновые участки. В скупом и обманчивом свете луны таинственным казался гребень, сложенный из плит черепичного строения. Он не очень сильно изрезан, однако оба склона, особенно обращенный в сторону Непала, круты и опасны. Черными бездонными колодцами, из которых, то выдувается со свистом снежная крупа, то слышится зловещий, с большими перерывами, стук уходящих вниз камней, они неотступно сопровождают идущих. И холодно, страшно холодно!

Предельно замученными и замерзшими казались Эдик и Володя. Их продвижение замедлялось ни только отсутствием сил. Выходя утром на штурм они взяли лишь самое необходимое, а поскольку погода была хорошей, оставили кошки. Вечером пошла снежная крупа и, сухие днем скальные плиты, превратились для них в ловушку – приходилось идти только с попеременной страховкой. От этого оба

еще больше промерзали. И все же, встреча с друзьями, кончившееся одиночество, горячее питье, которое принесли Миша и Сергей и, конечно же, кислород, как посчитали все четверо, достаточно восстановили силы первой двойки. Безусловно, Сережа с Мишей казались по сравнению с ними свежими и энергичными. Разгоряченные подъемом, воодушевленные своей миссией они стремились вверх, при условии, что их помощь сейчас больше не нужна. Со своей стороны, Балыбердин и Мысловский тоже очень хотели, чтобы ребята попытались выйти на вершину. Это снимало с них (не существующий на самом деле) груз моральной ответственности: они прекрасно понимали, что для этих двоих повторный подъем сюда, для выхода на вершину, исключен. У Бершова и Туркевича было предусмотрено все необходимое. Покидая лагерь пять они знали, что в этом их единственный шанс достигнуть высшей точки планеты. Хотя не исключали ситуации при которой и мысли об этом не возникнет – нужна будет посторонняя помощь и опека первой двойке. Поэтому и не просили, раньше времени, разрешения у Тамма.

Теперь, получив разрешение и уточнив у Володи детали дальнейшего подъема, они устремились вверх.

Вызов по рации Базы, который мы услышали около половины одиннадцатого, был безуспешной попыткой сообщить радостную весть о победе. Поняв, что рация на таком морозе работать не будет, они прекратили вызывать Базу и попытались сфотографировать друг друга при лунном свете. Но сколько можно простоять неподвижно в таких условиях?! (Попытки хоть что ни будь увидеть на этих снимках, несмотря на все старания специалистов, не увенчались успехом). Пробыв на вершине 25 минут, Бершов и Туркевич, по примеру первой двойки, привязали к треноге пустой кислородный баллон, вымпелы – сувениры и начали спускаться. Неожиданно для себя, они очень скоро догнали Эдика и Володю. Те практически не сдвинулись с места. Надо было организовывать их спуск. В таком состоянии, да еще без кошек, они не могли сделать этого самостоятельно. Помощь, оказанная им двумя часами ранее, не дала желаемого результата.

Началось медленное, изнурительное движение. По маршруту спуска, между Мишей и Сережей, растягивалась перильная веревка – 45 метров. Пристегнувшись к веревке и придерживаясь за нее, вниз уходили Эдик и Володя. Потом опять работала вторая двойка, опять на очередном участке спуска натягивались перила и все повторялось вновь. Итак много часов кряду. Временами, когда луна исчезала в облаках, приходилось двигаться, вдоль зияющих колодцев, в

полной темноте. Ближе к утру луна зашла совсем – работать стало еще труднее и опаснее. Но останавливаться нельзя – это был бы конец. Истекали сутки с тех пор, как первая двойка покинула лагерь 5. Оба были уже почти в невменяемом состоянии. Спасало только однообразие движения. Сережа Бершов отдал свой кислород и спулся теперь без маски. Около 6 часов утра 5 мая они, наконец, добрались до палатки. Валя Иванов и Сергей Ефимов были уже готовы выходить им на помощь. Позже, Балыбердин записал в своем дневнике, что так близко к концу он еще никогда не был. Друзья помогали ему влезть в палатку, когда силы, казалось, покинули его совсем.

И вновь возникает вопрос: где же предел человеческим возможностям? Всего через несколько часов все четверо продолжили спуск и еще два дня двигались они до лагеря 1, на отметке 6500 метров. Очень скоро Володя восстановился настолько, что никакая помощь ему уже не требовалась. Для Эдика же эти два длинных дня продолжали быть испытаниями воли и духа. Руки были поморожены. Кончики пальцев почернели, местами лопнула кожа. Они болели сами по себе, не говоря о мучениях, вызываемых рукавицами. А надо было спускаться по сложным и крутым скалам, пользуясь непрерывной цепочкой веревочных перил. Четыре километра веревок, на каждые 50 метров минимум по три крюка, то есть минимум три раза надо этими руками отстегнуть и вновь пристегнуть страховочный карабин. Все четыре километра надо крепко держаться этими руками за веревку и жумар. Все четыре километра – два дня – надо терпеть и терпеть. Никто не мог ему в этом помочь, никто не мог за него (этого он не хотел допустить) перестегиваться и держаться. Только его пальцы, только его воля.

Во всем же остальном, ему непрерывно помогали Сережа Бершов и Михаил Туркевич. И, конечно, Володя Балыбердин. Когда Эдик спускался в очередной лагерь он не мог уже ничего делать сам. Ни разуться, ни переодеться, ни поесть, ни залезть в спальный мешок. Он становился капризным, как ребенок. Но это никого не выводило из равновесия – дневной работой он заслуживал большего снисхождения.

И Бершов и Туркевич сделали все, что было необходимо. Оба достойны высшей похвалы. Их выдающиеся способности скалолазов были хорошо известны и раньше. Здесь же, действуя все эти дни просто замечательно, они продемонстрировали, что являются и исключительно сильными альпинистами. В Сереже – спокойном, мягком и, в тоже время, решительном человеке, никогда не теряю-

щим чувства собственного достоинства, можно было заранее увидеть все те качества Большого человека и альпиниста, которые так ярко проявились на Эвересте. А вот Миша – приятно удивил. Я не относил его к числу сильных альпинистов. Компанейский, веселый парень – это да. Но бывает не сдержан, не всегда контролирует себя. Таким он мне представлялся. И это подтверждалось вначале, когда ему тяжелее многих давалось “вработывание”. Уставая он готов был раздуть, и казалось с удовольствием, досадные для нас неурядицы, встречавшиеся на начальном этапе обработки маршрута. Вместо спокойного анализа и поиска путей исправления ошибок, готов был винить любого. А тут, в решительный период, когда надо было зажать себя и действовать, причем действовать несмотря ни на что, он сработал отлично во всех отношениях. Молодец!

Вернемся теперь в Базовый лагерь. Ночь с 4 на 5 мая не была спокойной. Тревожные мысли вновь и вновь возвращали к событиям дня. Начался он с неприятного происшествия. Но все по порядку!

Рано утром мы провожали наверх Лешу Москальцова и Юру Голодова. Это первая связка последней группы восходителей. Завтра должны выйти их напарники В. Хомутов и В. Пучков. Остальные двойки уже в пути. Завтра, практически, весь спортивный состав образует непрерывную цепочку групп, движущихся к вершине и подстраховывающих друг друга.

Поеживаясь ни то от холода, ни то от раннего подъема (так уютно было в теплом спальном мешке) мы – провожающие, столпились около Лешы и Юры. Без особого аппетита они поедают завтрак. Для уходящих на гору готовятся заказные блюда и мы пытаемся угадать и выполнить мельчайшие их желания. Наша группа уже сработалась – провожаем на вершину шестую двойку – но торжественность момента от этого не пропадает. Стараемся не очень шуметь – многие еще спят. Кто-то из шерпов, как всегда в торжественный момент выхода наверх, зажигает ритуальный огонь. Хвойные ветки горят в молитвенном очаге, сложенным рядом с кают-компанией. Сквозь легкий, благовонный дымок виден ледопад – первое препятствие на пути уходящих. Кругом все сковано ночным морозом, только наш флаг на радиомачте бьется на ветру. Его сильные хлопки предвещают напряженный день.

Последние рукопожатия. Не нужные, но неизбежные слова напутствия. Раздражающий, в таких случаях, микрофон киношников – все сразу становится казенным. И ребята ушли. Наша стайка долго не расходится. Трудно оторвать взгляд от удаляющейся двойки. Но

вот она скрылась за дальними сераками. Успеха Вам!

Незадолго до утренней связи, во время которой проводился опрос групп, меня вызвал Голодов. Прошло менее двух часов после расставания. Такие трупы обычно не включались в утренний опрос. Мы решили, что он хочет дать информацию о состоянии “дороги” через ледопад. Наверное, нужны ремонтные работы.

Вот что последовало за этим:

Голодов: – “Евгений Игоревич, значит здесь, при выходе на плато, на 5500, где был завал, Леша упал с лестницы в трещину. Подвернул ногу. Я сейчас его вытащил, он наверху. Вообще все нормально. Он не так сильно подвернул ногу. Вероятнее всего, мне сейчас надо с ним спускаться. Как поняли меня?”

–

А ты волнуешься, Юра. Сильно волнуешься – выход на плато это 5700, а не 5500! И ты это знаешь!

Тамм: – “Понял тебя. Навстречу выслать людей, людей выслать?” –

Голодов просил прислать Трощиненко и врача Орловского; сказал, что Леша Москальцов из трещины вылез, практически, сам – “я его только подтягивал” –. Упал Леша потому, что вырвались перила – сломался ледовый крюк. Условились о дальнейшей связи. Наверх вышли Трощиненко и Пучков. Готовились Орловский и Хомутов.

После того, как окончился опрос и мы узнали, что Мысловский с Балыбердиным идут к вершине, состоялся второй разговор с Голодовым:

Голодов: – Ну, ситуация, значит, несколько хуже, чем я ожидал...” –

Тамм: – “Хорошо, сейчас к вам уже выходят. Как ты думаешь, нужно что-нибудь, чтобы нести его, или нет?” –

Договорились, что наверх поднимутся четыре человека и, там где необходимо, будут транспортировать Лешу на спинах. Чтобы наш врач Орловский точнее представлял ситуацию, я попросил Юру описать состояние пострадавшего:

Голодов: – “Свет Петрович, общая картина, значит, такова: вообще – то я не прощупывал, мне это и не надо делать, но у него, наверное, подвернута лодыжка. Это раз. И второе – он очень здорово ударился переносицей. Вероятнее всего она разбита. Идет сильное кровотечение. Я сделал два тампона, но это не помогло. Сейчас сделал холод. Думаю минут 10 подержать. Как меня понял?” –

Свет Петрович дал необходимые указания, велел уложить Лешу поудобнее, укрыть, не двигаться до его прихода. И ушел в ледопад.

Позже, уже он сам, сообщил, что у Лешы, по-видимому, сотрясение мозга и его надо нести на носилках. На ледопад ушли все, кроме кухонных рабочих, офицеров связи и радиста. Я тоже был прикован к радиостанции: все на маршруте и на транспортировке пострадавшего и в любой момент могла возникнуть необходимость скорректировать действия групп.

В районе полудня Лешу принесли и уложили в палатке. Вид у него был страшный. Переносица, весь левый глаз и часть лба – сплошная фиолетово-черная гематома. В открытом, правом глазу невероятная тоска. Встречаться с ним взглядом – мучительно. Страдал он не от боли. Так нелепо, по собственной оплошности, рухнула великая мечта. Рухнула, когда кончились изнурительные выходы на обработку маршрута и когда было столько сил и уверенности в себе. С каким воодушевлением и задором выходил он утрам из лагеря! И вот все. И ничего уже невозможно изменить.

Время от времени слезы текли у него из правого глаза. Какими же они должны быть горькими!

Утешение, что главное – это жизнь, которую он сегодня, по счастливой случайности, сохранил, пролетев 15 метров – было для него непонятным. Кто думает об этом, когда жизнь уже сохранена? А Вершины, Вершины-то не будет!

Начальный диагноз подтвердился: сотрясение мозга, все остальное пустяки. Транспортировки в Катманду не требовалось. В таком состоянии главное – длительный покой. Хомутов получил команду готовиться, как и предусматривалось, утром выходить на восхождение, но уже в тройке: он, Пучков и Голодов. Цепь атакующих должна сомкнуть ряды.

С того момента, как Свет разрешил общаться с Лешей и до последнего дня существования лагеря его палатка стала наиболее посещаемой. Лешу не оставляли одного. К нему сразу же приходили все, спускавшиеся сверху. К нему несли все новости. Это было самостийно и естественно: Леша, наш Леша оказался в такой беде. Всем хотелось отдать ему часть своей вершины, своей радости, которая была бы невозможна без его труда и лишений.

Вот таким необычным и тревожным было начало первого из шести дней.

А конца у него не было, он слился для нас с началом следующего. Утром Бершов вышел на связь, но слышимость была отвратительная. Пришлось Эрику Ильинскому, из 2-ого лагеря, вести ретрансляцию.

Выяснилось, что Бершов просит проконсультироваться у врача, чем можно помочь Мысловскому и Бальбердину.

Около часа длилась консультация и все это время переговоры велись через Эрика. Стоило ему, во время длительного диалога, упустить какую-нибудь деталь, тут же вклинивался кто-то из участников других групп и вносил уточнения. Все, кто были сейчас на маршруте, на высотах от 5300 до 8500 метров, напряженно слушали и готовы были в любой момент прийти на помощь.

Свет Петрович преобразился. Куда делась его внешняя беспечность. Скрупулезно и спокойно требовал он повторять указания. Хотел убедиться, что они правильно поняты там, наверху. Указания были четкими и конкретными. Растолковывались детали, но ничего лишнего. Мы привыкли к Свету – балагуру и остролову. Он неистощим на шутки. Одного из наших шерпов – работников кухни, мучил больной зуб. Свет его удалил (для пациента это было первое в жизни знакомство с врачом) и сказал, чтобы отныне тот за столом подавал блюда ему, Свету Петровичу, а уже потом – начальнику. Иначе больной зуб будет вставлен обратно. Это привело беднягу в страшное смятение: богатый опыт предыдущих экспедиций приучил его к строгой субординации.

Многие участники просили помочь избавиться от кашля. Сильный и сухой до крови, он мучил почти всех. Свет понимал, что ничего кардинального сделать невозможно – наверху морозный воздух и глубокое, учащенное дыхание ртом. Когда просьбы становились излишне настойчивыми, он предлагал принять слабительное: “будете бояться кашля”.

Но как только дело принимало серьезный оборот, Свет Петрович преобразался. Чувствовалось, что дело берет в руки человек, обладающий большим профессиональным опытом и мастерством: не только замечательный хирург – практик, но и эрудированный, думающий врач.

Фрагменты радиоконсультации:

Орловский: – “Сережа (Бершов), реши вопрос, реши вопрос – можешь ли ты сделать укол, если да, ответь. Тогда решим с тобой, что будешь им делать” –.

Бершов ответил, что может. Свет Петрович попросил проверить, есть ли в аптечке 5-го лагеря то, что ему нужно.

Ильинский (ретрансляция): – “Да, компламин и трентал есть” –.

Орловский (Ильинскому): – “Спроси еще раз, в ампулах это, или имеются ввиду таблетки, и есть ли там шприц. Там должен быть

шприц одноразового пользования и иглы. Эрик, если не понял, еще раз у них переспроси” –

Хрищатый: (лагерь 3 включается в переговоры): – “У меня в аптечке это есть, аптечка на руках. Прием”-.

Ильинский (Хрищатому): – “Ну понял тебя, понял. Но пятый лагерь, он же далеко от третьего” –

Хрищатый: – “Все ясно, но я буду на приеме” –

Ильинский (Бершову): – “Сережа, Сережа, скажи пожалуйста, компламин, и этот самый, третонал, он у вас в ампулах или в таблетках?” –

Ильинский: – “Свет Петрович, значит компламин в ампулах замерзший” – Орловский дает указания: как отогреть на теле компламин.

Ильинский: – “Свет Петрович, у них всего одна ампула компламина”

–

Орловский: – “Одна. Да. Ну во – первых там 5 кубиков, можно сделать по половине ампулы каждому. Тем более, что они получают тот же препарат в таблетках. А вот гидрокартезон, цвета молока, спроси, есть там или нет?” –

Выясняется, что гидрокартезон есть и он не замерз.

Орловский: – “Жидкий гидрокартезон! Сначала долго, долго протрясти, чтобы на дне не было осадка. Абсолютно не было. Ввести нужно каждому по 2,5 кубика. Ввести в ягодицу. Прямо сейчас это надо сделать. Как понял?” –

Ильинский: – “Понял! Сережа (Бершову), значит надо, вот этот гидрокартезон, прямо сейчас, ввести им в задницу по половине флакона. Как понял?” –

Валиев (лагерь три, пребывает): – “Эрик, Эрик! Это Казбек. Ты не сказал, что надо разболтать гидру до конца, без осадка чтобы все осталось. Слышишь?” –

Ильинский: – “Сережа, Сережа, ты слышал? Надо этот флакон трясти, пока там осадка не останется”. –

Через некоторое время Орловский поясняет:

Орловский: – “Теперь такой вопрос: если там шприц только один, если игла одна, то сделать это одной и той же иглой обоим. Там в маленьком пузырьке из-под пенициллина – спирт. Вот. Если не окажется спирта: там пролился, или еще что, то делать просто, без спирта. Как понял? Да, если все ясно, то я закончил, передаю Евгению Игоревичу” –

Тамм: – “Эрик, Эрик, передай, сначала, эти указания Света наверх, потом продолжим”.-

Ильинский долго вызывал 5-й лагерь. Потом передал на базу, что, по-видимому, наверху село питание рации.

Тамм: – “3-й, 3-ий, Казбек! Ты на приеме?” –

Валиев: – “Да, прием” –

Тамм: – “Попробуй ретранслировать последние указания Орловского”

–

Валиев пытался вызвать 5-й лагерь. Даже Иванов, с западного гребня, делал попытку помочь ретрансляции. Но 5-й молчал.

Тамм: – “3-й, 3-й, ответь Базе” –

Валиев отвечает.

Тамм: – “Казбек, у Вас аптечка при себе?” –

Валиев: – “Да, и здесь еще аптечка 4-о лагеря” –

Тамм: – “Да, правильно, у Вас должна быть там и аптечка лагеря четыре. Значит так, берите все, что нужно, чтобы выполнить указания, которые давал Свет Петрович. Возьмите кислород – полную загрузку – и поднимайтесь двойкой в четвертый лагерь. В 4 – ый лагерь, навстречу. Обязательно все аптечки с собой и постоянно связывайтесь с нами. Возьмите запасное питание для их рации – оно в вашем лагере. Как понял?” –

Валиев: – “Понял” –

В 5-м лагере Бершов выполнил все указания Орловского. Мысловский и Балыбердин получили необходимые инъекции, таблетки и начали спускаться. Одновременно, в 4-й лагерь, не дожидаясь своих напарников, вышли с дополнительными медикаментами Казбек Валиев и Хрищатый.

Валера Хрищатый считался у нас опытным лекарем (он выполнял эту миссию в своей постоянной команде алма-атинцев) – хотелось, что бы он оценил состояние ребят. При этом, правда, сохранялся дневной разрыв между двойками группы Ильинского. Теперь, чтобы соединиться с товарищами, Хрищатый и Валиев должны будут ждать их в верхнем лагере и тратить, драгоценный там, кислород.

Закончив переговоры с Валиевым, вызвал Иванова. Валя сообщил, что они вышли из лагеря 5 между 5 и 6 часами утра. Двигаются уже по западному гребню.

Продолжая связь, вновь прошу ответить 2-й лагерь.

Тамм: “Эрик как у тебя эти самые – твой подопечные, шерпы? Идут наверх?”

Ильинский: – “Ну, мы сейчас позавтракали. Собираемся идти. Но я

теперь не знаю, как быть нам-то? В свете освобождения 3-о лагеря”.

Тамм: – “Вам подниматься в 3-й как и предполагали. С полной загрузкой. Обязательно возьмите запасное питание к рации. Вопрос как быть с третьим лагерем решим, когда будет ясно, как Вы поднимаетесь и как будут развиваться события”.

Ильинский: – “Понял Вас. А как это предположительно? То есть, что мы поднимемся и назад вернемся?”

Тамм: – “Может быть и так, но вероятнее Вы двое останетесь. В третьем может и шесть человек разместиться. А шерпы уйдут, если вообще дойдут туда”.

Ильинский: – “А Казбек как?”

Эрик хотел понять соединится ли их группа сегодня, или нет.

Тамм: – “Казбек останется в четвертом”

Теперь важно было сохранить между двойками наверху минимальный интервал, чтобы подстраховка была действенной. Надо, кстати, заметить, что и на этот раз шерпы, которые шли с Ильинским, не смогли подняться в третий лагерь и ушли вниз. Слишком сложным для них был маршрут.

Теперь оставалось ждать известий от двойки Иванова Она не вызывала опасений. Валя и Сергей Ефимов надежные, опытные альпинисты, побывавшие в горах во многих переделках. Правда здесь, во время первых выходов, я ожидал от них большего. Сережа задержался с караваном, пришел в Базовый лагерь вместе с Ильинским позже других, переболел и поэтому его трудности были понятны. А почему медленнее, чем хотелось входил во вкус Валя – не ясно. Ему бы чуть побольше физической силы, чуть побольше азарта! Но теперь оба, после хорошего отдыха, работают нормально, как и подобает корифеям.

Валя человек обстоятельный и колючий. Ко всему подходит серьезно, его действия обдуманы и выверены. Вероятность сбоя в его работе – мала. Сережа не менее обстоятелен. Привык готовить восхождения своими руками, каких бы мелочей это не касалось. В его внешности – высокий, худой и рыжеволосый, несмотря на ее несомненную привлекательность, нет ничего говорящего о мужестве, силе и воле этого человека. Но без этих качеств невозможно быть руководителем на таких маршрутах, которые пройдены его командой в наших горах.

В 13 часов 20 минут они были на Вершине и вызвали Базу.

Тамм: – “Поздравляем Вас, поздравляем! Валя, сколько кислорода у

Вас осталось”?

Иванов: – “По целому баллону. Сейчас отснимем панораму и пойдем вниз. Мы вышли на Вершину минут пять, десять назад. Из лагеря вышли поздно. Шли медленно, медленно шли. У нас, у обоих, все время развязывались кошки, поэтому шли медленно. Как поняли?”

Тамм: – “Понял тебя, понял. Больше не задерживаю. Жду Вас коротко на связи в два и обязательно в 18.00” –

Потом Кононов попросил Валентина сказать несколько слов для печати. И тут, неожиданно для всех нас и, наверное, для себя, Валя передал: “С этой, самой высокой трибуны мира мы хотели бы поздравить весь коллектив экспедиции с большим успехом, с огромной проделанной работой – титанический труд! Такие маршруты ходятся не часто и посильны только действительно хорошим спортсменам. Я хотел бы поздравить всех наших альпинистов, всего Союза, которые долгие годы упорно ждали этого успеха в Гималаях. И еще, я хочу подчеркнуть, что это восхождение мы посвящаем 60-летию образования нашего великого государства”.

Вот так, сразу сказать такие слова, стоя изнуренным на высоте 8848 метров, можно только если они идут от сердца, если сами там рождаются. В них выражено все, что чувствовали, даже не всегда осознавая это, все кто были в это время на стене Эвереста и в Базовом лагере.

Они вернулись в пятый лагерь, на 8500 к 18 часам. Шли долго. На этот раз, потому что сломались кошки у Сережи. Шли и удивлялись: как могли здесь спускаться ночью, без кошек, Эдик и Володя. Крутые плиты занесены снегом. Скользко, а слева и справа, далеко под ногами, ледники Непала и Тибета.

День кончился. Все группы заняли свои места. Иванов и Ефимов в 5-м лагере; Валиев – Хрищатый в 4-м; Мысловский – Балыбердин, Бершов – Туркевич и Ильинский – Чепчев в 3-м; тройка Хомутова в 1-м. Завтра рано утром все вновь должно прийти в движение. А пока, кажется, предстоит спокойная ночь и можно коротать вечер в кают-компании за “Эрудитом”.

6-ое мая выдалось спокойным (это не относится к погоде). Первая четверка восходителей и Валя Иванов спустились ночевать на ледник, в первый лагерь. Сережа Ефимов остался во втором, на высоте 7350 с поднявшейся сюда группой Хомутова. Сережа не хотел быстро терять высоту – привыкал к высоким давлениям (это на семитысячах!)

Казбек Валиев и Валера Хрищатый вышли на старт – в пятый лагерь. Ждать свою вторую двойку им теперь не имело смысла. Ни в 4-м ни в 5-м лагерях тратить для этого кислород недопустимо. На-завтра они готовились к штурму.

Немного настораживала только двойка Ильинский – Сережа Чепчев. Сегодня они поздно вышли наверх из третьего лагеря. Очень поздно.

Некоторую задержку можно объяснить большой толчеей в двух, не очень удобно поставленных, палатках третьего лагеря – там ночевало сразу шесть человек! Высота 7850 метров, а надо и приготовить завтрак и надеть все доспехи и сложиться. Быстро это не сделать, когда негде повернуться, да, кроме того, ты все время привязан коротким реп шнуром к общей страховочной веревке – чтобы ненароком не улетел.

Из этой двойки первым вверх, по перилам, вышел Эрик Ильинский. Во время дневной связи, в 14 часов он сообщил, что остановился и ждет Чепчева: “Я где-то на шестой веревке, но меня беспокоит, что-то не вижу Сережи сзади себя. Мы договорились, что он выйдет попозже – на полчаса, час. Я иду уже 2,5 часа, и разрыв уже большой”.

Потом Эрик сказал, что разминулся с Ивановым и Ефимовым, которые спускались в третий лагерь. Я сразу же начал их вызывать. Иванов ответил: “Мы находимся уже в третьем лагере. Чепчев очень долго выходил. Такое впечатление даже было, что у него горняшка. Он вышел примерно полчаса назад, может быть меньше”.

Ильинский (он слышал Иванова), прокомментировал это так: “Меня это вообще – то волнует. Я сам доберусь до лагеря уже не засветло, а он и не знаю когда”.

Через некоторое время он добавил: – Я дождусь его. Если он плохо себя чувствует, то пойдет вниз. А мне как быть в этой ситуации? –

Мы условились о дополнительной связи в 16 часов.

Странно, Сережа, до сих пор, очень хорошо переносил высоту и отлично работал. Эрик долго ждал, пока внизу, на перилах, не появился Сергей. Тот постепенно разошелся, и в четвертый лагерь они поднялись уже вместе. Но добрались до него поздно, после 21 часа, заставив сильно поволноваться всех, ожидавших с ними связи.

Вечером и ночью всюду наверху шел снег, мело. Рано утром 7-о числа Валиев и Хрищатый покинули палатку пятого лагеря. Кругом все серо, сильный ветер. Он моментально выдул накопленное за ночь теп-

ло. Особенно неуютно Валере – надо бы надеть пуховые брюки, да побоялся, что будут излишне стеснять движения. Валера без кислорода. Он не пользовался им все эти дни и хотел попробовать свои возможности и дальше.

Когда добрались до западного гребня и стена Эвереста перестала защищать их, ветер чуть не сдул обоих со скал. Чуть не увлек в полет на трехкилометровой высоте над угадывающейся внизу долиной Молчания (верхняя часть ледника Кхумбу). В грохоте и свисте ничего нельзя было разобрать. Потоки ветра не давали возможности дышать: либо забивали рот струей огромного давления, либо, создавая разряжение, высасывали из легких все, что там было. Стужа вколачивалась ветром в тело, проникая даже сквозь полную пуховую амуницию Казбека.

У них хватило мудрости и мужества повернуть обратно. В восемь часов сообщили на Базу, что вернулись в палатку. Мы договорились, что двойка повторит попытку штурма в любое время суток, как только уляжется ветер. Надеялись, что к вечеру он стихнет и будет луна – полнолуние продолжалось. Сидеть же долго в пятом лагере нельзя – не хватит ни запаса кислорода, ни сил. Началось ожидание. В пуховых мешках ребята скоро отогрелись. Временами наваливалось забытье. Но даже при этом не забывали вслушиваться в гул ветра – не затихает ли?

А Базовый лагерь ждал первых победителей. Бинобль не висел сегодня на месте. Кто-то, да пытался различить движущиеся точки в нагромождениях ледопада. Когда, наконец, заметили – не выпускали из поля зрения до тех пор, пока фигурки идущих помешались в окуляре.

И вот четверка одолевает последние метры подъема к лагерю. Подъема, на длинном пути спуска, к обычной жизни. У кого-то из них еще будут победы и в горах и в жизни. Но те победы никогда не затмят этой. Она навсегда останется их главной победой.

Для встречи мы не смогли придумать ничего, кроме обычного ритуала. Но зато наши объятия, рукопожатия и взгляды должны были говорить (и говорили!) о многом. В них, с обеих сторон, было сказано больше, чем на любом мыслимом торжестве.

Потом они измученные сидели за столом. Потрепанные рюкзаки загромождали вход в кают-компанию. Внутри толкались все, кто был в лагере – и наши и непальцы. Все!

Они рассказывали скупо. И пили, пили, пили. Их высушенные тела требовали влаги. Их осипшие голоса стали одинаковыми, а лица

сияли. Чуть опухшее, даже одутловатое лицо Сережи Бершова. На нем выделяются и притягивают к себе, смеющиеся, радостные глаза. Мишино лицо черно, как его шевелюра и борода – он (Туркевич) еще больше стал походить на цыгана. Только теперь не на молодого, а на повзрослевшего и сильно уставшего. Эдик осунулся больше других. А в сухом заостренном лице Володи Балыбердина, что-то от чертика, которого мы привыкли видеть на старых пепельницах. Но сколько в нем счастья! Оно просто струится, стекает, как заряд, с бороды, носа, бровей над запавшими от усталости глазами. И заряжает нас!

Дело еще не завершено, многие наверху, но стоя сейчас рядом с ними, мы ощущаем лишь счастье победы. Это было, как пророчество. Потом, в другие дни, мы встречали остальных. И каждый раз переживали все заново. Как будто мы возвращались домой с ними вместе, и это была единственная встреча победителей.

Мы радовались, ждали новых успехов и ни придали большого значения разговору по радио, состоявшемуся 7-о мая с Катманду. А Калимулин сообщал: –“Очень хорошо отозвались о Вашем восхождении Президент федерации альпинизма Франции, господин Боссу, знаменитый англичанин Д. Хант и другие. Одним словом, идут широкие отклики на Ваше восхождение. Учитывая, что ожидается дальнейшее ухудшение погоды, будьте очень внимательны, надо все очень хорошо закончить. Повторяю, хорошо закончить. Поэтому, той телеграммой, которую я передал вчера надо руководствоваться. То есть. принят более решительные меры, чтобы исключить всякую опасность”.

На это последовал наш ответ: –“Что касается выхода новых групп – это ясно. Мы его отменили, поскольку речь шла об одной двойке (Коля Черный – Володя Шопин), которой уже невозможно было обеспечить надежную подстраховку. Что же касается групп, которые уже на маршруте, то они продолжат восхождения и закончат начатое дело. Повторяю – закончат” –.

Калимулин: –“Понял, но запишите сводку погоды на завтра” –

Она была тревожной по всем параметрам. Потом Калимулин продолжил: – ... по-видимому ребятам будет тяжело. Поэтому подумайте еще раз, как быть с ними –

Тамм: – “Ясно, ясно. Будет тяжело, ни чего не поделаешь – это альпинизм” –

Я еще не знал, что это указание только “первая ласточка”.

В 18 часов, во время вечерней связи, Казбек сообщил, что они

скоро час, как вторично покинули палатку пятого лагеря. Погода немного успокоилась и они уже на западном гребне.

Сначала там развиднелось. Солнце осветило Гималаи. Горы были залиты охрой, и только долины и сравнительно низкие вершины пропали в сплошной облачности. Постепенно краски вокруг темнели, и только гребень Эвереста пламенел впереди, зазывая восходителей на вершину.

Здесь, внизу мы не сразу заметили, что Эверест скинул белые флаги. Да и гул наверху затих. Хотя недовольное ворчание еще продолжалось. Зная время, затраченное другими двойками на участке от 5-о лагеря до вершины, мы ожидали, что не раньше 22 часов, но никак не позже полуночи, ребята будут на вершине. Рации вновь были на приеме.

В этот вечер группа Хомутва поднялась в третий лагерь, а двойка Ильинского – в пятый. На мой вопрос, как чувствует себя и как шел Сережа Чепчев, Эрик ответил, что у них все нормально. Возможно, вчерашний эпизод лишь случайность. Правда рассказы Вали Иванова и особенно Ефимова, который видел Сережу последним – настораживали. Но, так или иначе, Эрик с Сережей поднялись в пятый лагерь. Учитывая тревожный прогноз, они даже запросили разрешение продолжить подъем к вершине. Разговор, состоявшийся после 18 часов, ретранслировался через группу Валерия Хомутова:

Тамм: – “..... завтра ожидается усиление ветра, чрезвычайно сильное. Это подчеркивалось несколько раз. Учитывая состояние двойки Ильинского, вызывающее у меня опасение, не рекомендую им выходить даже завтра утром. Не рекомендую. Вам (группе Хомутова) предлагаю завтра подняться в четвертый лагерь, в четвертый” –

Продолжая переговоры, мы условились с Ильинским, что до тех пор, пока утром мы не обсудим с ним ситуацию, они остаются в пятом лагере.

К 10 часам вечера опять (в который уже раз!) в голове не остается места ничему, кроме мыслей о ребятах, пробивающихся сейчас к вершине. Рация молчит, а вот Эверест не хочет ей подражать. Временами кажется, что наверху ветер стихает, но потом опять гул усиливается. Гребень все чаще и чаще закрывается облачностью. Странно: все это видишь и слышишь, фиксируешь сознанием, но большой тревоги не возникает. Быть может потому, что двойка Валиев – Хрищатый всегда вызывала у меня чувство большого уважения и доверия.

Широкий в кости и лицом Казбек не производит впечатления могучего, хотя в своей команде, получил прозвище “толстый”, в отличии от постоянного напарника по связке Валерия Хрищатого – “худого”. Казбек, как правило, спокойный и не многословный. Его неброская манера поведения такова, что сразу заставляет верить ему. Поэтому он может быть лидером, тем более в альпинизме, где знает и умеет практически все. Качество лидера сочетается у него с умением воспринимать указания тех, кто в данный момент им руководит. Эта черта особенно ценна в сборных командах типа нашей экспедиции. Судьба удачно распорядилась, соединив вместе Казбека и Валеру Хрищатого. Внешне совершенно разные, они удивительно подходят друг другу и, по видимому, испытывают большое удовлетворение, работая в одной связке. Вместе в горах они давно и стали родными.

Валера действительно худой, даже тощий и, на первый взгляд, застенчивый “слабак”. Однако скоро становится ясно, какой это волевой, сильный и интересный человек. Он очень наблюдательный, умеет обобщать наблюдения и делать нетривиальные выводы. С ним полезно спорить и обсуждать возникающие проблемы. Я не раз пользовался этим, пытаясь опровергнуть или подтвердить свою точку зрения. И всегда получал большое удовлетворение от такого общения. Такая пара, казалось мне, справится с серьезной и тяжелой задачей, которую сейчас они решали. Время шло, а известий сверху не поступало. Уже минуло одиннадцать. Потом полночь. И какие бы надежды на них не возлагались – тревога появилась. Появилась у всех. Уже не только моя рация включена на прием. Во всех палатках, где есть “воки-токи” слушали их и время от времени проверяли исправность. Это легко понять, если твоя рация включена. Постепенно в этих палатках начали собираться соседи. Разговоры шли, конечно, о посторонних вещах.

В час ночи я не выдержал: назначил ночное дежурство, просил разбудить меня, когда будут новости и ушел спать. И действительно уснул. Правда, вскоре услышал, что кто-то идет в мою сторону. Было начало шестого. Оказалось, это Дима Коваленко (он дежурил с Шопинным). Только что Ильинский, из пятого лагеря, сообщил, что ребята не вернулись и спрашивал, что делать. Пока мы с дежурным ждали повторной связи я узнал, что около двух часов ночи кто-то вызывал Базу, но слышимости не было. Когда начался разговор с Ильинским спросил – не он ли это был. Оказалось, что не он. Значит, Валиев и Хрищатый. Но что они хотели передать?!

С Ильинским условились, что их двойка немедленно собирается и выходит наверх. Назначили следующую связь через час, в надежде, что она будет уже с маршрута.

Меня удивило, что Эрик с Сережей еще не собирались – ведь другой команды от нас нельзя было ожидать. Примерно в половине седьмого связались опять. Они еще в палатке. Этому могло быть только одно объяснение – высота. Наверное, они не замечали своей медлительности.

В половине восьмого все тоже, правда на этот раз Эрик сказал, что они уже готовы выходить. Наконец в восемь с небольшим мы ушли:

Ильинский: – “Ну вот, ребята где-то здесь. Мы сейчас на голосовую связь вышли”.–

И потом: – “Да вот они, уже около палатки. Сейчас с ними чай попьем, да мы, наверное, наверх пойдем. Прием” –

Тамм: – “Нет. Это вы подождите. Через полчаса, когда разберетесь в каком они состоянии, выходите на связь. Возможно им нужна будет Ваша помощь”.—

Ильинский: – “Ну конечно, если им надо помогать, то вопрос будет решен однозначно” –.

Позже Эрик сообщил, что ребята шли так медленно из-за тяжелых условий наверху

Вскоре после того, как они вышли на гребень, ветер вновь усилился и уже не прекращался. Правда он не был таким свирепым, как утром. Потом облака начало забрасывать и сюда, на гребень. Наконец, солнце зашло даже здесь. В сумерках удавалось различать на скалах только снежные участки. Темп движения упал и сразу стал ощутим мороз (днем, по прогнозу, было минус 37 градусов).

В вое ветра можно было объясняться только жестами, но для этого надо было хотя бы видеть друг друга. Только когда они поднялись еще выше, изредка начала появляться луна.

В 1 час 50 минут, 8 мая Валиев и Хрищатый достигли наконец Вершины. Освещенная луной она одиноко возвышалась над облаками. В снегу темнели баллоны, привязанные предыдущими группами к верхушке треноги. Алма-атинцы присоединили свой трофей к этой своеобразной гирлянде и попытались связаться с нами. Но это было безнадежно – сигнальная лампочка даже не мигнула при включении радиации. Больше ни что их здесь не задерживало.

Ближе к утру стало еще холоднее. Облака спускались быстрее чем они, но луна уже зашла – по прежнему было темно. Валера про-

сил не останавливаться – он сильно мерз. А Казбеку хотелось хоть чуть-чуть отдышаться. Когда начался спуск он почувствовал боль в подреберье. Она все время усиливалась, мешала двигаться и дышать.

Начало светать. Облачность совсем испарилась. На высоте 8700 метров им посчастливилось стать свидетелями невиданной картины восхода солнца. Подобное могут пересказать лишь очевидцы, которые не только видели, но и осязали все это. Ради таких минут, таких картин, красок, когда даже воздух меняет цвет, можно пережить ночь, которую уготовил им Эверест. Восхищаясь их стойкостью он теперь одаривал их чудом.

Кончился кислород. Вся их одежда звенела, покрытая ледяным панцирем. Маски на лице скрывались в сугробе инея, из которого торчал сосульки. Казбек двигался с большим трудом. Когда они спустились к палатке, боль согнула его не давая вздохнуть (по-видимому это была сильная межреберная невралгия).

И вот теперь, Эрик передавал нам: – “Кислород кончился у них часа два, три тому назад” –

Тамм: – “А обморожения есть?” –

Ильинский: – “Есть, незначительные” –

Тамм: – “Вот, Свет Петрович спрашивает: обморожения чего? Пальцы на руках или на ногах?”

Ильинский: – “Ну, пальцы на руках. Незначительные. Ну, волдыри есть. Изменения цвета нет” –

Тамм: – “Понял, понял. Значит так, Эрик! Задерживаться там не нужно – в пятом лагере. Спускайтесь все вместе. Вам двоим сопровождать ребят вниз, вниз сопровождать. Как понял” –

Ильинский: – “Я то думаю, что вообще большой необходимости нет сопровождать ребят” –

Тамм: – “Ну, а я думаю есть, Эрик! Давай так, сейчас, после 16 часов такой работы надо сразу сваливать их вниз. Они сгоряча работать смогут даже если у них там волдыри и так далее, а потом? По веревкам там перецепляться надо бесконечно. Это начнется длинная история. Так, что давайте сваливайте вниз весте. Вы их сопровождаете” –

Ильинский: – “Ну, понял Вас, понял. Одним словом мы больше уже не лезем на гору. Так? Прием”.—

Тамм: – “Да, да! Да, Вы сопровождаете ребят вниз – это распоряжение” –

Ильинский: – “Ну понял” –

Во время следующей связи Эрик еще раз поднял вопрос об их возвращении.

Тамм: – “Эрик! Это я все понимаю. Понимаю, что Вы стремитесь наверх. Но ребят одних сейчас отпускать нельзя. Вы должны сопровождать их вниз. Обидно, жалко, но ничего не поделаешь. Решение принято, давайте исполнять. Как понял” –

Я очень хорошо понимал Эрика и Сережу. Но никаких колебаний в принятии решения не было. Их желание еще и еще раз обсудить этот вопрос не вызывало раздражения. Им, здоровым и сильным, надо было уходить, когда вершина казалась рядом, а основные трудности позади. Им надо вот так, за 10 минут, навсегда распрощаться с мечтой, к которой стремились всю сознательную жизнь. Расстаться, когда нет внутренней убежденности, что это необходимо. Эрик не отказывался выполнить указание, но уходить было тяжело. Он спросил: – “Шеф, это только Ваше решение или Тренерского совета?” –

Он был членом Тренерского совета, и мог задавать такой вопрос. Я ответил, что только мое и предложил через 20 минут дополнительную связь, чтобы передать ему мнение Совета.

Через 20 минут они начали спускаться все вместе, вчетвером. Так вчетвером они и вернулись в Базовый лагерь.

Эрик с Сережей тяжело переживали вынужденное отступление. Ни у них, и ни у меня нет и не было абсолютной уверенности, что оно было неизбежным. Но проверить это невозможно. Целый комплекс обстоятельств влиял на мое решение. Повторись все заново, я поступил бы так же. Главным было то, что после стольких часов пребывания выше 8500 метров, в условиях, которые выпали на долю двойки Хришатого, риск оставить их одних был бы неоправдан. Даже учитывая размеры ставки.

В глубине души это понимали, конечно, и Эрик с Сережей. Но им было тяжелее – уходить должны были они, а не я. Сами они оставили бы ребят и пошли наверх только в случае жесткого указания на этот счет. В этом не может быть сомнений.

Казбек избежал осложнений, а Валера после возвращения в Москву долго пролежал в больнице и все же лишился нескольких фаланг на пальцах ног.

Итак, 8 мая четверка Ерванда Ильинского спускалась в третий лагерь, а тройка Валерия Хомутова поднималась в четвертый. Тройка двигалась по маршруту в хорошем темпе, без сбоев, несмотря на большую загрузку – кислорода в верхних лагерях не оставалось и

они выносили туда все необходимые им баллоны. По плану, Хомутовцы должны были достичь вершины 10 мая, но выходя из Базового лагеря поделились мечтой – “победить” Эверест в день Победы. Зная это, во время утренней связи, попросил их не форсировать события и работать спокойно. Я не мог себе даже представить, что вечером эта просьба будет мною же перечеркнута.

Днем, как обычно, мы разговаривали по радио с Министерством туризма Непала. Присутствовавший там И.А. Калимулин сообщил, что Спорткомитет СССР присвоил звания заслуженных мастеров спорта всем, кто участвовал в обработке маршрута на Эверест и в самом восхождении. Это было так неожиданно и приятно, что прервав передачу, я позвал всех к рации и попросил Ильдара Азизовича повторить сообщение. Обитатели лагеря толпились около радиопалатки и шумно обсуждали эту новость, когда Калимулин передал персонально для меня:

Калимулин: – “Телеграмма из Центра. В связи с ухудшением погоды в районе Эвереста и полным выполнением заданий, считаем необходимым исключить всякий риск, и остальным спортсменам прекратить штурм вершины. За проявленное мужество и мастерство всем...” –

Попытка обсуждать целесообразность такого шага решительно пресекалась Калимулиными ссылками на то, что решение принято Центром и его надо исполнять. На прямой вопрос, что – же это за инстанция, он не ответил.

Дальше спорить не имело смысла.

Я был в полном недоумении: приятно, что так высоко оценили усилия ребят, но страшно обидно кончать, не доведя дело до конца. Почему? В чем истинные причины? В Москве, еще задолго до нашего отъезда знали, что штурм будет осуществляться последовательно несколькими группами. Так в чем же дело? Хотелось спокойно разобраться в ситуации, обдумать свои действия. Как обычно в таких случаях, пошел побродить по леднику.

В сотне метрах от лагеря попадаешь в сплошной лабиринт многометровых, сверкающих голубым льдом, сераков. Трещин здесь нет, только ручьи текут по льду своеобразных долин. Вечерело, свежий ледок потрескивал под ногами. Камней кругом мало, склоны, освещаемые днем солнцем, изрезаны гротами. Некоторые сераки со столбовыми вершинами. С них хорошо видна вся средняя часть ледника. Звуки из лагеря сюда не долетают, заметны лишь снующие там фигурки.

За 50 дней, проведенных в Базовом лагере, все кругом стало знакомым до мельчайших деталей. Кажется, эта картина запомнится теперь на всю жизнь. Над палатками, оживляя пейзаж, кружатся вороны. Они появились здесь недавно и совместное проживание устраивает, по-видимому, обе стороны.

Ветер не сильный, большой красный флаг не бьется, а спокойно парит в воздухе. С всяческого ледника на склонах Пумори – опять обвал. С другой стороны, там где скрывается от глаз Эверест, спокойно. Ребята могут сегодня хорошо поработать и рано подняться в четвертый лагерь. Они еще ничего не знают о телеграмме.

Пытаюсь разобраться, с чем может быть связано такое решение. Пожалуй, только с излишними опасениями, связанными с плохим прогнозом погоды, боязнью потерять достигнутое. Но как можно из Москвы оценивать складывающуюся у нас обстановку? За эти месяцы мы уже привыкли к здешним условиям и ничего, работаем. Погода все время преподносит сюрпризы и если ее бояться, то не надо было и начинать шторм. Но лучшего ждать не приходилось – скоро должны начаться муссонные ветры. Такой уж год нам достался!

Так надо – ли возвращать тройку Хомутова? Несколько часов назад, когда я считал, что Эрику и Сереже необходимо сопроводить двойку вниз, не нужны были ничьи указания. Сейчас же я не вижу никаких оснований для крайних мер. Тройка работает спокойно, уверенно и надежно.

Еще раз восстанавливаю в памяти график движения группы. Никаких опасений за них не возникает. Пожалуй, все ясно. На обратном пути испытываю даже удовлетворение: в этой ситуации победил спортсмен, а не администратор.

Подходя к палаткам, встретил Ю.А. Сенкевича. Несколько дней назад он добрался, наконец, до Базового лагеря и догнал съемочную группу телевидения. Послезавтра собирается возвращаться вниз. Что – же, здесь, конечно, тяжело – такие условия только для альпинистов. На его вопрос ответил, что группу возвращать с маршрута не буду.

В лагере зашел к А.Г. Овчинникову (старший тренер) и Б.Т. Романову (тренер) – они живут вместе. Анатолий Георгиевич согласился с моим решением и сказал, что тройке имеет смысл сегодня подняться в пятый лагерь. Как обычно наши точки зрения совпали. Борис Тимофеевич был против. Он твердо считал, что надо выполнять указания, даже если с ними не согласен.

С самого начала работы экспедиции мы понимали, что оконча-

тельные решения здесь может принимать только один из нас. И никаких сложностей не возникало. Лишь однажды, когда я не отстранил Э. Мысловского от работы на высоте, Борис Тимофеевич был не согласен и высказал особое мнение. Ему свойственна исключительная предусмотрительность.

В экспедиции Б.Т. нелегко, но он прекрасно ведет свою роль. Большую часть времени гуляет или читает. Если же принято, по его мнению, рискованное решение, которое может (случись что) бросить на него тень – надо зафиксировать особое мнение.

И вот теперь вторично принято “опасное” решение.

Приближалось время вечерней связи и я пошел в радиопалатку. Как всегда, Валера Хомутов был точен. Слышимость – отличная. Вся тройка уже собралась в четвертом лагере.

Свою информацию я невольно построил также, как Ильдар Азизович. Сначала поздравил ребят с присвоением званий заслуженных мастеров спорта. Они не поверили – “Мы же еще не были на вершине”. – Когда передал вторую – негативную часть сообщения, они не сразу поняли, о чем идет речь и поэтому не уловили смысла заключительной фразы: “... но я не возражаю против того, чтобы ваша группа продолжала восхождение”.

Наконец происходящее дошло до их сознания. Хомутов передал, что ему все ясно – они сегодня же могут попытаться выйти в 5-й лагерь. Договорились, что группа спокойно обсудит ситуацию, взвесит, и мы вторично свяжемся через полтора часа, в 20.00. Закончив переговоры увидал, что А.Г. Овчинников и Б.Т. Романов не усидели дома и тоже здесь. Борис, в связи с моим решением не возвращать тройку Хомутова, попросил собрать партийную группу. Чтобы закончить заседание в 20.00 начали немедленно сходить в палатку к Э. Мысловскому.

Я – беспартийный, принимал участие в происходящем, как руководитель и ответчик. Смеркалось, в палатке было мрачновато. Во внутренней ее части нас было не много: в центре председательствовавший – Ю.В. Кононов, за ним лежал Эдик. Он большую часть времени проводил теперь в палатке – руки не давали покоя. По другую сторону устроился, полулежа, Володя Шопин, а рядом сгорбившись сидел А.Г. Овчинников. Я и Слава Онищенко забились в передние углы, по обе стороны от входа в спальное помещение. В передней части палатки – “предбаннике”, на бочке сидел Б.Т. Романов, остальные стояли. Среди них: М. Туркевич, В. Воскобоников, В. Венделовский и наши гости – Ю. Радионов, Ю. Сенкевич, кто-то еще. Многие

из присутствовавших вообще не имели прямого отношения к экспедиции и представляли здесь печать, радио и телевиденье. Мне было не ясно, как они могут всерьез обсуждать нашу проблему. Но не я заказывал здесь музыку...

Председательствующий объявил, что мы собрались по просьбе Б.Т. Романова и попросил меня дать информацию. Излишне сухим и напряженным голосом я сказал: –“Как Вы все слышал утром, я получил указание прекратить восхождение и вернуть группы с маршрута. Это может относиться только к группе В. Хомутова. Группу с маршрута я не вернул. Они продолжают восхождение”

Все напряжены и еще не определили своего отношения к необычному, не свойственному нашей жизни здесь, событию. Романов излагает свою точку зрения: –“Мы, члены партии, понимаем, что Центр это ЦК. КПСС и не можем не исполнить указание” –

Воцарилась тишина. Я, кажется, перестал злиться. Все это начинает меня увлекать. Как поведут себя остальные?

Начался небольшой гвалт. Что же мы должны решать? Зачем? Руководитель решение принял, мы не можем обязать его изменить решение!

Наконец, договорились – дело руководителя принять решение, но свое мнение собрание сформулирует. Учитывая, сложившуюся ситуацию, председательствующий просит высказаться каждого. Бедняги!

Все гости (им то что!) – за возвращение. Так спокойнее, тем более, что здесь “заграница”. Вдруг потом скажут, что не были принципиальными. Нет, лучше уж так. Мишу Туркевича я опять не понял – он то чего боится! Володя Шопин говорил долго Смысл такой: надо возвращать, хотя жалко, но если бы он был там, наверху, то не вернулся бы. Эдик! Я был готов к тому, что он скажет, а бедняга Анатолий Георгиевич даже почернел. Ну как, можно тебе, Эдя, отдавшему так много Эвересту, не понимать ребят, не стремиться к полному успеху. Испугаться! Последним говорил Анатолий Георгиевич. Он боец, принципиальный боец. Вот такими должны быть настоящие коммунисты! Нам поручено ответственное дело, мы должны его делать наилучшим образом и отстаивать его интересы. Нельзя браться за дело, боясь за него отвечать.

Потом голосовали. Восемь за возвращение (в том числе все гости), четверо – за продолжение подъема. Все молчат, смотрят на меня. Ждут. А мне кажется, что главное для большинства из них уже сделано – все зафиксировано в протоколе. Становится обидно за

них. Хорошие люди, зачем же они так? Я ведь знаю, что любой из них, альпинистов ни раз рисковал жизнью ради товарищей. И здесь, случись что на горе, они поступят так же. Что бы завершить паузу, обещаю довести до сведения группы их точку зрения и подтверждаю свое прежнее решение.

В 20.00 узнаем, что ребята уже в пути к пятому лагерю. Завтра 9-е мая!

Вечером связаться с Катманду не удалось, а утром 9-ого о телеграмме из Центра разговора не было, просто я сказал, что в районе 12 часов мы ждем вызова с Вершины. Настроение приподнятое, все рады происходящему и чувствуют, что последний аккорд прозвучит мажорно. Второй раз за всю экспедицию, перед завтраком, общее построение. У многих в руках красные, маркировочные, флажки. Кругом удивленные шерпы. Стрекочут кинокамеры. Зачитываю *Приказ № 51* по экспедиции.

В 11 часов 30 минут Хомутов вызвал Базу!

Хомутов: —“База, База! Как слышите меня?” —

Тамм: — “Отлично слышим, Валера! Вы на вершине?” —

Хомутов: —“На вершине мы, Евгений Игоревич, на вершине!” —

Тамм: —“Поздравляем Вас, ребята, дорогие. Поздравляем! Я передал уже Калимулину, а он в Москву, что вы будете-таки на вершине!”.

Все. Порядок. Они добились своего. Победа!

Ни как не можем закончить разговор. Все хотят поздравить ребят, что-то сказать, о чем —то попросить. Но им надо еще все отнять, оставить сувениры, главный из которых портрет знаменитого знатока гималайских красот, нашего соотечественника — Рериха.. И, наконец, убрать все лишнее с верхушки Земли. В 12.00 они покинули *Вершину*. Предстоял еще сложный и длинный путь домой, в Базовый лагерь.

Днем, когда я передал в Катманду сообщение об успехе последней группы, Ильдар Азизович, измученный нервнотрепкой этих дней, воскликнул: — “Ну Тамм, погоди! Мы еще встретимся! Поздравляю. Поздравляю, Евгений Игоревич, от всей души! Я думаю на этом конец, повара не пойдут у Вас на вершину?” —

Вечером был большой праздник. Не понимаю, как Владимир Александрович Воскобойников, (разработчик и изготовитель наших рационов питания, консультант по питанию) смог так прекрасно сервировать стол. По-моему, для этого под руками должна быть кухня лучших столичных ресторанов.

Закончу рассказ тостом, который был произнесен (точнее – зачитан) за праздничным столом. Я боялся, что волнение помешает сказать все, что хотелось и поэтому записал его: – Сегодня замечательный день! Мало есть таких праздников, как праздник Победы – Виктории. А у нас с Вами сегодняшний день это и праздник победы нашей экспедиции, который так приятно посвятить Великой Победе, и так приятно сознавать, что он совпал с этим замечательным днем.

Я не умею выступать за столом, но сегодня мне хочется говорить и очень прошу извинить меня за многословие. Мне особенно приятно, что у нашей экспедиции, в целом, хватило мужества и стойкости довести дело до конца, до полной победы. Не остановиться на полпути, на кусочке достигнутого. Настоящим альпинистам должно быть ясно, как важно обладать твердостью для того, что бы “дотянуть” сложный маршрут до конца, чтобы не повернуть перед очередным “жандармом”, не смалодушничать (а препятствий на нашем пути так много расставляют и природа и люди).

Накануне и сегодня, в день Победы, мы убедились в том, что в экспедиции хватает настоящих альпинистов, которые могут победить, каждый свой Эверест и даже по трудному пути.

Победа в Великой Отечественной Войне многому нас научила, это была целая эпоха, несмотря на всего 4-ех летнюю протяженность. Мне хочется, что бы наша экспедиция была для Вас эпохой в жизни – оставила бы глубокий след.

Война научила нас дорожить миром и бороться за него не щадя сил. Мне хочется, чтобы экспедиция научила Вас бороться за чистоту отношений в альпинизме и к альпинизму. Наибольшие трудности в этой экспедиции, наибольшие испытания легли на Ваши плечи. Ни у меня, ни у Анатолия Георгиевича никогда не было сомнений в том, что Вы выдержите эти испытания (сколько бы нас не пытались убедить в обратном). Только эта уверенность позволила пробить эту махину – экспедицию.

Еще три года назад, при обсуждении в Центральном Комитете, у т. Зимянина, меня спросили: – А Вы гарантируете успех экспедиции?

Тогда я отверг все сомнения. И вот теперь Вы доказали, что я умею отвечать за свои слова. ***Большое Вам за это спасибо!***

Когда готовилась экспедиция, было много упреков, нападок, противодействия со стороны некоторых руководителей альпинизма. Только любовь к нашему спорту и постоянная поддержка высшего руководства Спорткомитета позволили терпеть этот “обстрел из-за

угла”.

И сейчас, в день Победы, мне хочется вспомнить ветерана Великой Отечественной и стойкого бойца за экспедицию, перенесшего массу тяжелых минут ради Вашей сегодняшней победы – Михаила Ивановича Ануфрикова. Не случайно, вчера, в канун дня Победы и нашей победы, именно он рассказывал миллионам советских телезрителей о Вашем восхождении.

За Вас, за Ваши будущие успехи, но ради бога не зазнавайтесь!

Вот и все. Потом были еще ожидания Хомутовцев, сборы в обратный путь, долгая дорога домой и телеграммы. Мы не успевали получать их. Из всех стран, со всех концов Земли, но больше всего из дома, от всех Вас. Но об этом в другой раз. А сейчас, обещанные заглавием шесть дней истекли.

2 – 3. Ответ ветерану Великой Отечественной войны

Прошло более полугодя с момента окончания экспедиции, а она продолжает вызывать огромный интерес у нашей общественности. Не уменьшается ни число приглашений на публичные встречи, ни число писем, получаемых участниками. Изредка в письмах встречаются вопросы: А зачем это надо?. Или: А кому это надо? Ответ на них сложен и затрагивает многие стороны нашей жизни. На некоторые из таких вопросов мне пришлось обратить внимание их автора – ветерана ВОВ.

1. Альпинизм – прежде всего спорт и как всякий спорт он может развиваться только на основе соревнований (соперничества). Естественно, поэтому, стремление сравнить уровень нашего альпинизма с мировыми стандартами или, другим словами, поучаствовать в соревнованиях мирового масштаба. Тем более, что у нас в стране альпинизм культивируется давно, имеет свои традиции и у нас есть, чем гордиться. Высочайшим достижением в альпинистском мире являются восхождения на “восьмитысячники”, тем более на Эверест. И особенно, если речь идет о технически сложном маршруте.

Конечно, когда организуется мероприятие такого масштаба взвешиваются и учитываются все “за и против”, все стороны дела и не только чисто спортивные.

2. Имеется в виду следующее. Участники восхождения, добившиеся блестящих спортивных успехов, одновременно сделали многое для того, чтобы продемонстрировать широчайшей мировой об-

щественности на что мы способны, что для нас известный лозунг – “спорт – посол мира” не просто формальный лозунг, а образ действий. Если бы Вы только представляли какой водоворот страстей кипел вокруг экспедиции вне нашей страны. Еще за несколько месяцев до ее начала, в Непале, на пресс-конференции, где были представлены газеты разных стран и толков, нам пришлось убеждать аудиторию, что на Эверест советские альпинисты идут не для того чтобы устанавливать там станции слежения или другую технику (о чем писали некоторые газеты), а только ради решения спортивных задач.

А что делалось, когда экспедиция прилетела в Непал? Многие стремились затруднить ее проведение. Правительство Непала было вынуждено приставить к нам не одного, как обычно, а двух офицеров связи, которые неустанно должны были следить за каждым нашим шагом, каждым грузом. Надо сказать, что вскоре они поняли истинные цели экспедиции и стали нашими хорошими друзьями и помощниками. По дороге и в Базовый лагерь к нам приходили сотни людей и трудно было сказать, какие страны мира не были представлены в этом потоке. Большинство из них уходило проникнувшись чувством доброжелательности к советским людям (это ли не большая цель!). Три месяца экспедиция была в центре внимания тысяч друзей и врагов. Как ждали враги что бы мы опозорились! А в результате? В результате, как Вы наверное слышали, местная пресса и пресса всех стран признали небывалый успех советской спортивной экспедиции!

Вы думаете, прием у премьер-министра Непала это обычная дань вежливости с его стороны? Такого не было с тех пор, когда на Эверест впервые взойшли альпинисты – участники английской экспедиции.

Вы думаете, прием у Индиры Ганди, в период, когда политическая обстановка в стране была очень тяжелая, это обычное дело? А оценка, данная у нас в стране! Все это подчеркивает, сколь велико спортивно – политическое значение экспедиции.

Ну, а был- ли риск? Ведь большой спорт сейчас – это соревнование на пределе возможностей. Да, был, как и всегда в спорте. Тем более в альпинизме, где силы соперника практически непредсказуемы (изменения рельефа и покрова в зависимости от года; погодные условия; непредвиденные трудности – путь то новый!). Напомню, что речь идет о первопрохождении. Но это особый разговор, не относящийся к поднятой Вами теме.

Вместо этого еще раз коснусь вопроса пропаганды идеи мира.

С ней связаны различные конкретные действия. Одно из этих действий – использование спорта для сближения народов разных стран. Надо находить и проводить такие спортивные мероприятия, которые могут привлечь внимание (именно таков масштаб Эверестских экспедиций) общественности, могут продемонстрировать положительные качества нашего образа жизни (отрицательные общеизвестны), могут познакомить с нашими достижениями.

Экспедиция на Эверест ставила и выполнила такие задачи. И только ради этого стоило ее проводить (и надо, время от времени, проводить аналогичные экспедиции) Вызванный ею в мире положительный резонанс, достаточно велик. Вот зачем, в частности, надо было, как Вы выражаетесь, “ехать за семь верст киселя хлебать”.

Кстати, в конце письма Вы сетуете на то, что мы истратили деньги, которых не хватило футболистам для тренировок и, поэтому- де, на первенстве мира они проиграли. Вот куда – пишете Вы – надо было тратить эти деньги. Неудачно это и наивно. Тем более, что перечеркивает смысл тех серьезных вопросов, которые Вы перед этим ставили. Не надо пытаться противопоставлять один вид спорта другому. Это неблагодарная задача. Одним нравится хоккей, другим теннис, третьим – бокс. Надо развивать все виды спорта. А вот, если Вы говорите о сравнительно дорогостоящих спортивных мероприятиях, то важно, какой конкретный результат могут они принести в плане как тех проблем, о которых мы только что говорили, так и других, еще нами не затронутых.

А что касается истраченных нами денег, то вряд – ли их хватило бы на полноценный акклиматизационный сбор нашей главной футбольной команды.

3. Теперь я хотел бы затронуть поднятый Вами вопрос о значении экспедиции для нашего альпинизма (для воспитания молодежи) и о значении альпинизма вообще. Об этом надо говорить подробно. Но в письме Вы оговариваетесь, что альпинизм, вообще-то, нужен и полезен и это, будто бы, Вам понятно.

Воспользуюсь этой оговоркой и не буду подробно говорить о значении альпинизма. Замечу, только, что помимо воспитательного (коллективизм, мужество, упорство, аскетизм) важно и его прикладное значение, касающееся многих специальностей (военной; геологической; топографической; строительной – гидросооружения, селезащита и т.д.; специальностей, связанных с гляциологией, регулированием водных ресурсов рек и др.). Так вот, у этого альпинизма у нас

в стране есть масса сложных проблем. Сложных и серьезных, так как за ними стоят человеческие жизни. Главная из них – повышение безопасности. А это тесно связано с проблемой специального снаряжения для альпинистов, для всех работающих в горах. Оно у нас, к сожалению, несравненно беднее и хуже зарубежного.

Решить эту проблему до конца не удается десятилетиями. Здесь и межведомственные барьеры, и пресловутая нерентабельность мелко – серийных производств, и незаинтересованность промышленности в производстве новых образцов, да и просто невнимание к таким “мелочам”.

Аналогичная ситуация и с созданием межведомственной (государственной) спасательной службы, в том числе и для работ не только в горах.

Решение этих и других проблем массового спортивного и производственного альпинизма требует нового к ним подхода, нового отношения со стороны заинтересованных и порой далеких от спорта организаций и ведомств. Так уж устроен человек, что такое новое отношение удастся формировать на базе нового, большого и всем понятного дела. Таким делом для альпинизма и стала эверестская экспедиция. При ее подготовке было сделано очень многое и теперь задача состоит в том, чтобы распространить это многое на обеспечение, как общехозяйственных, так и спортивных мероприятий, связанных с работой в горах.

Другая сторона вопроса – воспитательное значение экспедиции. Во время ее проведения и после возвращения сколько писем, встреч, публикаций! Сколько жаждущих узнать об альпинизме, горах, этом восхождении! Здесь и школьники и студенты. Коллективы заводов и НИИ. Воспитанники детских домов; воинские подразделения и организации. Да разве всех перечислишь! Сотни встреч, сотни тысяч слушателей! И все это используется для того, чтобы воспитывать патриотизм, чувство гордости за страну; для расширения кругозора слушателей (что знали у нас многие о Гималаях, о стране и народе Непала?). Разве это не достойные задачи?

Экспедиция ставила их и решила. И только ради этого стоило ее проводить

4. Хотелось бы теперь коснуться вопроса о том насколько правомерно говорить, что участники восхождения на Эверест – их не менее 17 человек (это те, кто проводил обработку маршрута и те из них,

кто потом поднялся на вершину) – совершили героический поступок или подвиг. Я согласен с Вами, что понятия “подвиг” и “геройство” – очень высокие и чистые понятия. Действия, которые подходят под эти понятия, совершаются ради великой цели: прославления Отечества (Ваши слова); самопожертвование ради спасения других и т.д. Великая Отечественная война научила нас ценить эти понятия и бережно к ним относиться.

Когда мне приходится выступать перед широкой аудиторией, я пытаюсь подчеркнуть, что с моей точки зрения, определение действий наших восходителей, как совершение подвига (или геройства) неудачно и излишне, что для меня эти понятия связаны с чем-то более значительным. Но распространены сейчас и другие понятия: “трудовой подвиг”, “научный подвиг” и т.д. За ним тоже стоят: самоотречение ради большой цели, ради прославления Отечества; действия на пределе возможного; пренебрежение опасностью и др. Не сомневаюсь, то что сделали участники экспедиции в Гималаях, с точки зрения этих понятий (трудовой, спортивный подвиг) – удовлетворяет высшим критериям. Думаю, что именно это имели в виду многие, когда оценивали действия участников экспедиции.

Не мне судить о том следует ли и как вознаграждать наших участников (для этого есть соответствующие органы, есть общественное мнение). Но вот, что мне хочется у Вас спросить: почему Вы так несправедливы по отношению к нашей молодежи? Почему, с Вашей точки зрения, она не способна действовать так же, как скажем действовала в годы ВОВ. Разве тогда шли в бой думая о наградах и постаментях? Думаю, что Вы так не считаете – иначе не стал бы отвечать на Ваше письмо. Разве на заре космонавтики ребята покидали Землю ради наград; разве сейчас много замечательных дел делается с мыслями о “постаментях”? Конечно же нет. Все это делается потому, что эти люди любят свое дело, видят в нем смысл жизни, потому что это люди долга, самоотверженные люди.

К ним с полным основанием относятся и 17 альпинистов, о которых Вы говорите. Они шли на Эверест ради того, чтобы выполнить те большие задачи, о которых мы говорили выше. Они шли на Эверест потому, что это спортсмены—альпинисты и патриоты. Они любят свой спорт, это их специальность (не основная, но специальность). И как первоклассные специалисты (любой специальности) они получают огромное удовлетворение оттого, что могут хорошо справиться с самым сложным делом.

Они справились с таким делом на Эвересте. И уверяю Вас – не

думали о наградах. На это не оставалось ни сил, ни времени, ни желания.

Вы сравниваете штурм вершины с боем. Трудно найти для серьезного альпинизма другую близкую аналогию. Но вот, что надо заметить: бой ведут с врагами, мы же любим и боготворим горы, а не воюем с ними! Хотя и используем, к сожалению, выражение – “штурм вершины”.

Пожалуй теперь будет уместно остановиться на Вашей ссылке на Меснера – одного из сильнейших современных альпинистов. Выливая очередную “ложку дегтя” Вы приводите его слова о “массовом психозе, осознанном самоубийстве”. Но Вы должны знать, что эти слова автор относит к альпинистам, которые пытаются подниматься на восьмитысячники в гордом одиночестве. Наша школа отвергает такой альпинизм, у нас это коллективный вид спорта. Поэтому, Ваша ссылка на слова Меснера к экспедиции отношения иметь не может. Замечу, что Меснер пришел к нам в Катманду, как только мы туда вернулись после восхождения, только для того, чтобы выразить свое восхищение **командой**.

Приведу в заключении оценку, данную экспедиции, после ее возвращения в Катманду, первовосходителем на Эверест, австралийцем Эдмундом Хиллари: – “... Судя по результатам, у Вас выдающиеся альпинисты. Экспедиция доктора Тамма, по-видимому, была прекрасно организована.... Вы прошли, как мне кажется по самому сложному маршруту, без потерь. В действиях экспедиции был риск, но не было авантюризма. Ваши альпинисты – откровение для Гималаев”.

Буду очень рад, если в какой – то мере мне удалось убедить Вас в том, что экспедиция была нужной и полезной с разных точек зрения; что в ней участвовали прекрасные специалисты, люди, достойные уважения; что средства, затраченные на ее проведение (если вообще результаты таких мероприятий можно так оценивать) с лихвой окупились результатами.

Пересылаю Вам одно из многочисленных писем, полученных мною от бывших фронтовиков и совершенно не созвучных с Вашим.

2 – 4. Снова Непал.

А.) Предисловие.

Заканчивается мой пятый визит в страну, с которой так крепко связали меня горы. На этот раз он посвящен подготовке намеченно-

го на 1989 год траверса Канчинджанги. Завтра, если будет погода, улечу из Таплиджунга – небольшого селения в предгорьях восточного Непала. Таплиджунг уютно раскинул свои дома, лавки и немногочисленные учреждения под блестящими железными крышами, на одной из нижних террас глубокого ущелья. Здесь трудно говорить о границах и размерах поселений. Отдельные дома разбросаны сплошь по всем склонам зеленых Гималаев. Но в “центральной усадьбе” этого, сравнительно большого, поселка живет, на глаз, около двух тысяч человек. Известность среди подобных оно приобрело в связи с посадочной полосой, громко именуемой **аэропортом**. Это ближайшая к высоким горам посадочная полоса – отсюда 7 – 8 дней пути до ледников, стекающих со склонов священной Канчинджанги и столько же вниз – до автодороги, идущей в один из крупных городов страны – Биратнагар.

Земляная посадочная полоса, необычно узкая и “крутая”, приспособлена для посадки маленьких, юрких, двенадцатиместных самолетов. С одной стороны она обрывается почти вертикальным склоном. С другой – упирается, в круто уходящую вверх стену. Полоса короткая, но самолет при посадке быстро тормозится взбираясь в гору, а при взлете – почти сразу “прыгает” с обрыва. Сбоку от взлетно – посадочной дорожки валяются останки нескольких самолетов – неудачников, которым такие условия пришлось не по вкусу. Аэропорт находится прямо на “голове” у Таплиджунгцев (в 500 метрах над селением) на гребне небольшого отрога. Тропа туда так крута, что на преодоление этих пяти сотен метров по высоте уходит, даже у местных жителей (им, по – моему, труднее ходить по ровному месту, чем по кручам), не менее полутора часов. Это больше, чем нужно москвичу, чтобы доехать до аэропорта Шереметьево из любой точки столицы.

Аэропорт – крохотный сарайчик, где его начальник продает билеты и взвешивает вещи с помощью многочисленных не то служащих, не то просто доброхотов. У дверей, прямо на вытопанной траве, работают полицейские таможенной службы, разбрасывая под ногами у зевак пожитки пассажиров, отлетающих в Биратнагар или в Катманду. Вся эта публика, включая зевак, поднимается сюда из Таплиджунга в дни прилета самолета – 3 раза в неделю, если, конечно, повезет с погодой.

Неподалеку, на значительном расстоянии друг от друга, стоят четыре дома. Они, как близнецы, похожи один на другой и типичны для этих мест. Нижний этаж – без одной стены – подобие большой

перегороженной террасы. Второй – со сплошной лоджией, из которой двери ведут, в зависимости от возможностей владельцев, в две или три комнатки.

В одной из таких комнат мы вчера и поселились с Валею Венделовским – кинорежиссером Леннауцфильма, нашим постоянным “киношником” на протяжении всех гималайских мероприятий. Поселились, в ожидании самолета из Катманду. Я – чтобы улететь с ним обратно, а Валя в надежде, что с этим самолетом передадут разрешение на съемки в районе Канчинджанги (это “закрытый” район).

Три дня назад мы, с Валентином, расстались с основной группой, продолжающей путь к леднику Ялунг у подножья Канчинджанги, и повернули обратно в Таплиджунг. Такой “укороченный” вариант разведки был запланирован для меня еще в Москве: на этот раз дела на работе не допускали длительной отлучки. Я улечу, а Валя с носильщиком, вновь “пробежится” наверх, в базовый лагерь, к ребятам.

Погода начала портиться еще вчера, а сейчас, только мы успели подняться из Таплиджунга, как разразилась гроза. Все вокруг скрылось за свинцовыми, рваными тучами. Шквальный ветер, порывы дождя с градом, непрерывные всполохи молний. Грохочет в небе и в нашей хибаре, содрогающейся от ветра. С большим трудом забаррикадировали дверь, которая распахивалась, впуская потоки дождя (внутренних запоров здесь не бывает).

Единственное, что есть в комнате, это четыре топчана. Светит ручной фонарик, подвешенный к потолку. Все располагает к тому, чтобы наконец удовлетворить Валино желание записать мои рассказы обо всем, что связано с нашей поездкой сюда и вообще с моими впечатлениями о Непале, накопленными за эти годы.

Дальше уклоняться от настойчивых просьб Венделовского невозможно и я начал обо всем вперемешку. Так прошла моя последняя ночь в Гималайских горах.

Вот некоторые из рассказов той ночи.

Б.) Встреча с Эти или как рождаются легенды.

Вернусь ради этого рассказа к 1980 году. Первый приезд советских альпинистов в Непал. Разведка нового пути на Эверест. Кстати, здесь на востоке страны, где мы сейчас путешествуем, т.е. вдали от района Эвереста, который давно посещается множеством туристов и альпинистов всех стран, эту Вершину вершин знают только как Сагарматху.

Так вот, в первый свой прилет в Луклу я проводил своих товарищей, с нанятыми здесь носильщиками, вверх, а сам вернулся на несколько дней в Катманду. Надо было завершить дела в Министерстве туризма Непала. Лукла – аналог Таплиджунга на пути к Эвересту, только более посещаемое и известное место. Так же, как и в Таплиджунге у посадочной полосы там валяются останки самолетов, неудачно зашедших на посадку. Только в Лукле их больше.

Через шесть дней, вернувшись в Луклу, я один, без носильщика и проводника, пошел в Базовый лагерь на леднике Кхумбу. Шел 5 дней, иногда сбивался с нужной тропы и уходил в другое ущелье. Но, всякий раз, быстро обнаруживал ошибку и через несколько часов возвращался на основную тропу. Шел один – впервые. Удивительно это ощущение полной свободы! Только так можно обеспечить 100 % восприятие окружающего тебя мира. Не нужно думать ни о ком и ни о чем, кроме поглощающих тебя гор, лесов, сказочных долин и шумных рек. Удивительны своим многоцветием заросли цветущих рододендроновых деревьев; реликтовые магнолии – голые, на вид засохшие скелеты деревьев, усеянные большими белыми цветами. Удивительны крутые и красивые (молодые!) вершины Гималаев, сверкающие льдом и страшные черными кручами стен. На любую тянет подняться!

Пришел и не смог не задержаться на день в знаменитом монастыре Тьянбоче. Через два года, во время основной экспедиции, нам показали здесь потрясающее хранилище древних рукописей, и главный монах, после соответствующих “жертвоприношений”, взял под свою защиту советских альпинистов.

В конце четвертого дня, устав от очередного захода “не туда” и забравшись слишком высоко, я начал спускаться по пастушьим тропам к бурлящей внизу реке. Недалеко отсюда она начинала свое существование, собирая воды знаменитого ледника Кхумбу. Все селения остались позади. До ледника должны были встретиться лишь две хижины, обитаемые только в сезон экспедиций. Наконец я добрался до реки и вышел к переправе. На подъеме, начавшемся за рекой, в камнях сложены два крохотных коша. Перед каждым – площадка для палаток. Перед каждым – фанерный щиток с надписью карандашом: “Hotel” На двери каждого – большой замок.

Я понял, что сегодня уходить отсюда мне уже нельзя, поздно. Скинул рюкзак и вспотевшая спина сразу ощутила близость ледника. Впервые за все эти дни остро ощутил одиночество, и пожалел, что иду без палатки. Все ночевки до этой был в относительно благо-

устроенных деревянных хижинах, на нарах в помещениях, отделенных от хозяйских.

Отдохнув немного и оглядевшись, я заметил, что по склону, спускающемуся к кошу, медленно приближается человек с вязанкой дров – корней кустарника.

Общение на тропе здесь, как правило, примитивное – с помощью жестов и отдельных английских слов, перемежающихся с родным языком говорящего. Но удивительное дело, все понимают друг друга и с видимым удовольствием “разговаривают”.

Пришелец оказался хозяином одного из отелей и мы быстро “договорились” о моем ночлеге. Правда хозяин удивился, что я лезу к нему в кош, а не даю палатку, которую он должен установить для сагиба. Но местные жители – гостеприимные люди и когда, оставив рюкзак перед входом, чтобы не занимать лишнего места внутри, я залез в кош, на очаге уже кипела вода в медном кувшине.

Как и подобает кошу отель был сложен из ни чем не скрепленных камней, а крыша из жердей, заваленных дерном.. Внутри стоять во весь рост невозможно. В центре опорный столб. Топиться по черному, поэтому все покрыто густой копотью. Вдоль длинной стены – нары на двоих, при условии, что они не высокого роста. Вдоль короткой – за дверью, нары на одного, покрытые какой-то хлаmidой – это место хозяина. У дальней от двери стены очаг из камней, а рядом из ящиков, оставшихся от прошлых экспедиций, сложен шкаф с посудой и красочными банками – все тоже иностранное. Свет только от очага. Дымно, но по своему уютно. Когда в очередной раз мы вышли отдышаться (в дыму долго не просидишь), хозяин показал на тропу, карабкающуюся из долины по крутому каменистому склону. По ней двигалась маленькая фигурка. “Дочка” – угадал я его возглас. Из дальнейшего можно было понять, что его семья живет в селении внизу, а здесь ему помогает дочь. Девочка лет 10 – 12, принесла огромную корзину конической формы, в таких здесь носят грузы. Корзина за спиной, а подхватывающая ее ляпка держится на голове носильщика. У меня создалось впечатление, что девочка принесла груз, который по весу во много раз превосходит ее собственный. И сразу за работу: вниз к реке за водой, ломать дрова, чистить картошку, варить, подметать земляной пол коша. Одним словом – хозяйка!

Итак, нас стало трое. По моим понятиям предельное число жителей для такой “гостиницы”. Начало смеркаться. Контурь вершин стали более четкими. Долины внизу заполнялись облаками. Холод гнал в кош, но красота окружающего не отпускала.

Я услышал шум близко осыпающихся камней, оглянулся и ...

К кошу приближалось огромное существо. Нечто среднее между громадным сутулым, длинноруким человеком и медведем, вставшим на задние лапы. Существо было обросшим. Сверкали глаза и зубы. Я не сразу заметил, что на нем старый потрескавшийся штормовой костюм, наверное из нейлона. При движении он шуршал и казалось ломался в потертостях. Эта громадина двигалась быстро, на ходу шумно ворочая, попадающиеся под ноги, большие камни. Было заметно, что торчащие из под коротких штанов босые ноги густо заросли шерстью (волосами), так – же как руки и все лицо. Я остолбенел.

До этого я был уверен, что эти (снежного человека) не существует, а тут, казалось, все сомнения должны улетучиться. На шум, связанный с передвижением этого громады, вышла юная хозяйка и ни чуть не удивилась. Даже что-то произнесла, обращаясь к пришельцу, а он прорычал в ответ нечто односложное и вломился в “нашу” хижину. Я понял, что мне в ней места уже не осталось.

Однако делать нечего, и совсем оковев, я втиснулся в кош и тихонько приютился на краю двойных нар, наблюдая потрясающую картину быта этой странной семьи. Все происходящее освещалось то затухающим, то оживающим светом очага и казалось колеблющимся и не реальным. Часа два продолжался ритуал приготовления пищи из картошки и муки. Все это время отвары и промежуточные продукты готовки девочка делила между хозяином и эти. Изредка и совсем немного – себе. Несколько раз, вспоминая о моем существовании, девочка что-то предлагала и мне.

Эти временами что-то громко изрыгал, а девочка переводила это хозяину длинными фразами и то же очень громко. Тот большей частью лишь кивал головой. Эти полулежал на больших нарах, без всякой подстилки и временами смачно почесывался. Его одежда при этом все время “гремела”.

Но вот удивительное пиршество закончилось. Очаг угасал и стало ясно, что пришло время сна. Я сидел и ждал, что будет дальше. Наконец хозяин указал мне на двойные нары и что-то сказал дочери. Она перевела эти, тот повел на меня светлыми огромными глазами и вытянулся на тех же нарах, оставив мне едва ли одну треть. Хозяин тут же улегся на своих. Девочка тихо сидела у угасающего очага на земле. От двери потянуло густым холодом. Я постелил спальный мешок и залез в него с головой, стараясь не касаться сожителя. Наши головы были рядом. Временами он вытягивался и упирался в

меня, я сжимался. Во сне он вновь вытягивался. Я опять сжимался. Сон его был шумен и тревожен. Вскоре усталость взяла свое, и я тоже уснул.

Встал рано, еще до 5. Не успел повернуться, как маленькая трудолюбивая хозяйка вскочила с земли. Она, наверное, всю ночь мерзла под легким покрывалом. Пока я собирался, она вскипятила чай. На прощанье сказала, что эти это ее дядя, брат отца – глухонемого хозяина отеля! Но ведь мы с ним общались, и это факт! А дядя – эти, по словам девочки, давно живет один высоко в горах..

Когда хижина скрылась из глаз, я, несмотря на утренний холод, довольно чувствительный у начала ледника, полностью разделся. Хотелось скинуть даже кожу. Долго трусил и выбивал вещи. Вкладыш спального мешка пришлось выбросить. Еще в течении всей следующей недели, меня мучил, правда в основном нервный, неудержимый зуд по всему телу. Но это пустяки по сравнению с тем, что я стал наверное одним из немногих людей, так близко общавшихся с “эти”. Быть может, в понимании цивилизованного человека, мой знакомый и есть истинный Эти?

Удивительно, но этот случай не научил меня ходить в предгорьях Гималаев обязательно с палаткой. В этом, 1987 году, вновь участвуя в разведке маршрута на 8-ми тысячник и идя, правда, вдвоем и вниз, я вновь шел без палатки. Но вторично встретиться с Эти мне не удалось.

В). Восточный Непал.

(О непальских детях в высокогорных районах страны).

Ветер даже здесь, в закупоренном помещении, раскачивает фонарик, и он кидает свой скудный свет то в один, то в другой угол комнатухи. Батарейки подсели, зато ярче вспыхивает узкая остекленная щель над дверью – подобие окна. Всполохи молний не прекращаются. Валентин проверил магнитофон и просит поделиться впечатлениями о нашем с ним переходе по предгорьям. В чем отличие от тропы в Сало – Кхумбо? (Сало-Кхумбо – район Эвереста и подходов к нему). Что нового по сравнению с аналогичными посещениями страны в 1980 – 82 годах?

Сильнейшее впечатление как тогда, в первые приезды, так особенно и сейчас производит непомерно тяжелый, непрекращающийся, многоликий труд местных жителей. Здесь все – проблема. Рабо-

тают и дети дошкольного возраста и старики. Правда, возраст их определить трудно, чуть пожилые люди выглядят стариками. Места обжитые и густо населенные, как и повсюду в зеленых предгорьях Непала. Селения везде, кроме дна долин, поскольку они узкие и скалистые. А склоны, особенно многочисленные террасы и гребни отрогов усеяны домами, стоящими в одиночку и группами. Вот воды здесь заметно меньше, чем в Сало – Кхумбо. В селениях кое где текут жалкие струйки влаги из щелей в скалах или из шлангов, которые тянутся сверху на сотни, а иногда и на тысячи метров.

По узкой каменной тропе, пологой лишь на коротких участках, идет девочка. Ей, наверно, лет шесть – семь. Грязная, оборванная, на платьице уже негде ставить заплаты и многие из них просто болтаются. Конечно босая. Ее черные (не от природы), заскорузлые ноги в ссадинах и царапинах. Когда она мылась, когда причесывалась? Как и у всех здесь детей особенно неприятно под носом – густой, обильный насморк у них не проходит. А девочка идет веселая, с неизменным тягучим “намастэ” и несмотря на то, что буквально задавлена большой канистрой с водой, умудряется играть в мячик (тут бы удержать себя на этой тропе!). Собственно мяча нет – это завернутые в полиэтилен лоскутки материи. Видала ли она настоящий мяч?

Как-то мы остановились отдохнуть в месте, специально для этого приспособленном. После особенно крутого и длинного подъема (или спуска) на тропе делается искусственное расширение и со стороны обрыва, а часто, и со стороны уходящего вверх склона, выкладываются из камней низкие защитные стенки – сидения. Носильщикам легко поставить на них свою корзину или баул, пустому путнику – присесть. Отдыхаешь и любуешься с высоты птичьего полета глубокой долиной и сизо – голубыми вдали, а поблизости зелеными хребтами, которым нет конца. Как правило, в защитные стенки вмурованы каменные плиты с примитивными рисунками и текстами, повествующими о буддистских и индуистских повериях. Это единственное на всем здешнем пути (не считая редко встречавшихся монахов) напоминания о Вере. Совсем не то, что на тропе в Сало – Кхумбо, где есть не только монастырь, но и множество мест для моления, флагов и флажков с молитвами, моленных барабанов и т. д. На этой короткой остановке нам повезло. Дымка была прозрачная, облачность куда-то временно разбежалась и над всем этим благолепием и тишиной, нарушаемой только пением птиц, навис ослепительно белый Гималайский хребет. Он настолько грандиозен, что кажется

не реальным. Его белизна сверхъестественна, на фоне темно-зеленого переднего фона и голубого неба. Признаюсь, этот удивительный реальный мираж мы видели лишь в течении нескольких часов, а шли неделю. Остальное время он скрывался от нас за невидимой дымкой и трудно было вообразить, что таится за ней.

Неожиданно мы увидели под собой, метрах в 5 – 6, двух маленьких девочек. Не сразу поняли, что это там передвигается по крутящим каменистым склонам, поросшим мелким кустарником и травой. Места такие, по которым, по нашим представлениям, без страховки, ходить нельзя. Во всяком случае, в альпинистских лагерях на такие склоны не рискнут выпустить альпинистов третьего года обучения. За спиной у девочек огромные корзины, в руках кухри (среднее между серпом и большим ножом. Это и топор, и серп, и оружие). Они непринужденно и спокойно, как козлята, перебегают с уступа на уступ, скашивают пук травы и изящным движением, не разгибаясь, забрасывают его в корзину. Дух захватывает от этой повседневной для них и такой опасной работы. Подтверждением опасности был случай, свидетелями которого мы стали за пару дней до этого. Тропа траверсировала склон, поросший мелкими деревьями. Где – то сверху, метрах в 500, на небольшой террасе приютились домики. Чуть ниже тропы, на сравнительно пологом склоне, еще дома. Наша группа растянулась: носильщики идут своим темпом – быстро-быстро, не замечая подъемов, но часто отдыхая. Мы – своим, средним, с разговорами и фотографированием, но с редкими остановками. Вдруг сверху что-то черное, большое устремилось вниз. Затрещали сломанные деревья. Кто был ближе, инстинктивно, по давно выработанной привычке, закричал – “камни”! Через мгновение на тропу грохнулся спиной огромный бык. Подошли носильщики и начали созывать местных жителей. Надо было срочно зарезать бедное животное – прожить оно могло совсем недолго. Бык сорвался со склона и пролетел, как мы говорим, “свободным падением”, 500 метров, ломая по пути деревья. А тут девочки, весело и обыденно скашивали на таком – же склоне траву и большие корзины за их спинами заполнялись тяжелой зеленой массой.

Хозяйства здесь повсюду практически натуральные. Базары и лавки есть только в крупных селениях, расположенных, на расстоянии пяти – семи дневных переходов. Все надо вырастить и обработать самим. А полей то нет, только склоны да небольшие естественные террасы. И вот этот, бедолага народ, тысячелетиями отвоевывает себе у гор право на существование. Практически все склоны покрыты искусственно

сделанными, насыпными балкончиками – делянками шириной в 1,5 – 2 метра. По краям, из дерна, выложены бортики, чтобы задерживать дождевую воду.

Однажды, рядом с тропой мы увидали совершенно высохшего, ни то от возраста, ни то от постоянной и изнурительной борьбы с горами, гурха. Орудя тяжелым ломом он выкорчевывал камни, сооружая очередное поле. Многие гурхи служили в армии в Европе. Наш вернулся на родину в начале шестидесятых годов. На его изможденном лице выделялись тонкие, абсолютно черные и длиннющие усы, лихо закрученные кверху. Служилые гурхи знают английский и стремятся поговорить с новыми людьми. Разговорившись, мы извинились, и попросили разрешения измерить площадь поля. Оказалось 1,5 квадратных метра! Вы только вдумайтесь, таким трудом, и всего полтора квадратных метра. А теперь вспомните, как распахивают наши поля, что делается по их краям? Сколько миллионов таких участков в 1,5 кв. метров ровной, хорошей земли (не nanoшенной на горбу) мы просто не замечаем. И уж будьте уверены, у гурха, шерпа, таманга и других жителей этой страны, ни одно зернышко, выросшее на 1,5 кв. метрах, не будет втоптанно в землю. Они твердо знают, что такое цена за труд.

Но я, кажется, увлекся. Не об этом просил меня рассказывать Венделовский.

Тот участок пути в базовый лагерь на леднике Ялунг, который мы прошли с Вaley в оба конца, расположен ниже, чем тропа ведущая от Луклы к леднику Кхумбу пол Эверестом. Тропа здесь в значительно худшем состоянии, чем в Сало-Кхумбо. По ней ходят, главным образом, местные жители. Там же, в сезон восхождений по тропе непрерывно несут экспедиционные грузы и бредут толпы туристов со всего мира. В Сало-Кхумбо хорошо развит сервис (строго говоря, это слово надо бы взять в кавычки), здесь же ничего подобного нет. За 8 дней пребывания в районе, в разгар сезона, мы встретили только двух французов. Один из них полгода учил в Катманду непальский язык и теперь работает врачом в небольшом городишке на равнине.

Весь путь сплошные подъемы и спуски. Идешь долгие часы, до дрожи в коленках, вниз и вниз без перемен, а потом сразу и еще дольше, до седьмого пота, круто вверх и вверх. В таком режиме отработывали нормальный 7 – 8 часовой день и в дождь и в жару. Наши несли всего по 12 – 15 кг. груза (я и того меньше), а носильщики по 30 кг. экспедиционного и еще свои, правда жалкие, вещички. И за каж-

дый такой день носильщик получал 50 рупий – по нашему примерно рубль семьдесят копеек. Вот так оценивается здесь тяжелый труд!

Когда днем было невыносимо жарко, мы вспоминал одно из первых описаний этого пути в книге Эванса. Англичане двигались лишь рано утром и во второй половине дня, а жаркие часы переждали в тени. Мы же, по традиции, демонстрировали свое упорство, и не понять самим, чего в нас больше: привычки к неудобствам бытия или воспитанного поколениями (последними) желания любой ценой и скорее выполнить намеченный план. В данном случае план дневного перехода. Въедливое оказывается это стремление – даже здесь не в силах себя переломить.

По дороге встречаются яркие рододендровые кусты, но это совсем не те пышные, могучие заросли, которые раскинулись повсюду на пути от Луклы до монастыря Тьянбоче. Зато огромных деревьев в 3 – 4 обхвата, в здешних местах, множество.

В конце одного из последних дней пути, когда надо было уже подумывать о ночлеге, мы встретили очередного гурха. После коротких объяснений он повел нас, для устройства на ночлег, в ближайшее селение. В нем была школа. Их здесь сравнительно много. Нет, нет да увидишь вблизи или на дальних склонах, большие, под сверающей жестяной крышей, здания с вытопанной рядом площадкой, величина с волейбольное поле. Об этих школах, поразивших меня сначала количеством, и хочу теперь рассказать. Но все по порядку!.

Гурх привел нас в довольно зажиточный дом, чистый и большой, но со множеством ни то жильцов, ни то гостей. Среди них молодой парнишка. Пока мы, не понимая причин происходящего оживления, тупо улыбались направо и налево, нас оказывается делили. Наконец обсуждения закончились: мы достались молодому парнишке, как оказалось потом – учителю местной школы. Восторги и радости его стали особенно эмоциональными, когда он узнал, что мы русские, а со слов Вали, что один из нас, к тому же, лидер (так здесь именуют руководителей) Эверестской экспедиции 1982 года. Странно, но он знал о ней, хотя вскоре выяснилось, что в своей жизни учитель не был ни только в Катманду, но даже в Биратнагаре. Самое крупное селение, которое он видел – его родной Таплиджунг.

Учитель стремительно вел нас куда-то вниз. Мы все дальше и дальше уходили от основной тропы, пока он наконец не привел нас к себе. Во дворе большого, и тоже густо населенного, дома он квартировал в ... курятнике. Курятник небольшой, плетенный из прутьев, а потолок дощатый. Одной стены нет. Чтобы организовать учителю жи-

лье курятник поделили плетеной перегородкой, отсутствующую стену заделал плетенной же дверью.

Площадь получившегося закутка не более четырех квадратных метров. Во второй половине вхохчут куры, свалены корзины и всякий хлам. В помещении окна, естественно, нет – свет только сквозь щели; вдоль “куриной” стены стоит топчан. Подвешенная к потолку доска изображает полку, на ней светильник, фонарик и зубная щетка с мылом. Весь богатый гардероб учителя развешен на одной веревке – пара рубашек и штаны. Все остальное на нем. Но вот чего у него много, так это энтузиазма. Не успели мы с Валентином, потрясенные его жильем, усесться на топчан, как он достал из под него железный ящик из которого извлек два учебника. Один на непали, другой на английском (последний – его пособие), начал нам их показывать и рассказывать о школе. В дверях мигом образовалась толпа из любопытных зрителей. Нам бы поесть чего-нибудь или попить чаю, но где там! Мы с интересом узнали (улавливая только часть предназначенного нам повествования), что в школе учатся здесь четыре года. Каждый день по четыре часа. В каждой школе по два – три класса, но стабильных учеников немного. Утром мы зашли в школу. Внутри – это совсем не то, что блестящая крыша. Учатся стоя, доска (это в буквальном смысле слова – доска) – точнее две – три сколоченные в ряд не крашенные доски. Классы неопрятные, впечатлительное такое, что полуразрушенные. Но все эти дни, по утрам мы видели, как в эти школы издалека, сверху и снизу, тянутся цепочки учеников. И теперь, посмотрев все своими глазами и познакомившись с одним из носителей культуры, мы прониклись искренним уважением и к нему – этому совсем юному, бедному энтузиасту, который, наверняка, не понимает своего величия, и к детям, которым по четыре часа в день выпадает счастье учиться. И хотя бы на это время отвлечься от тяжелого труда, отнимающего у них по восемь остальных часов каждых суток.

Если бы это видели все, от кого в этом блистательном 20-м веке зависит распределение человеческого достояния. Стоимость одной ракеты отдай детям Непала (и других подобных мест мира) и их шко-

лы расцветут! Стоимость одного современного самолета – отдай, чтобы в этих школах (и подобных им) были настоящие учебные доски, чтобы их учителя не жили в курятниках и хоть раз в жизни увидели бы современный город. Чего стоит наша цивилизация, если на Земле еще так учатся многие дети и так живут многие учителя. Неужели цель цивилизации в том, чтобы уничтожить справедливость и сострадание, придать забвению стремление помочь себе подобным. Нужен ли **человечеству** стремительный бег вперед таких стран, как СССР, США, ФРГ и пр., если позади остаются на Земле такие места.

Но я опять заехал “не в ту степь”. Надо возвращаться!

Начало смеркаться, толпа зевак поредела. Две молодые матери, закончив, наконец, дневные работы, сели передохнуть на глиняный пол у входа в опрятный, снаружи побеленный дом. Яркая оранжевая полоса по низу стен одевает дом в нарядную юбочку. Женщины сосредоточенно что-то ищут в головах у своих детей. И даже гущающиеся сумерки не мешают их высокопроизводительному труду.

Не выдержав голода, мы заговорили о еде. Лангми (наш носильщик), посоветовавшись с учителем, начал нам что-то громко и энергично говорить. Английского явно не хватало. Мы ничего не поняли, но уловили произнесенное несколько раз “ко-ко, ко-ко”. Думая, что речь идет о куриных яйцах, которые были накануне, мы согласно закивали головами и произнесли всеми понимаемое – “О’кей, О’кей”. Они удалились. Минут через 15, когда я уже начал дремать, компания появилась и начала требовать 50 рупий. Что-то слишком дорогие яйца! Но Валя сказал свое любимое: “чудесно”, “О’кей”, достал из пояса купюру и отдал. Еще через 15 минут нам принесли большую живую курицу. Что нам оставалось делать? Мы вновь сказали – “О’кей”, а Валя добавил – “чудесно”!

В полной темноте, еще через час, нам в курятник принесли жаркое. Я явно видел, что живой была курица, а теперь явно почувствовал, что в жарком она превратилась в жилистого петуха. Я ни кого не подозреваю в обмане – дело, наверное, в том, что и курицам тяжело бегать по склонам. А перца было столько, что большая часть этой птицы досталась хозяйским собакам, которые, как и их владельцы, наверное, очень любят острое.

Спать мы легли поздно ночью. Лангми и хозяин – учитель на циновках, постеленных для этого на земляной пол. Мы с Валею – на топчане. Венделовский у стены. Он могуч, и я боялся, что он столкнет меня ночью на учителя. Оказалось, я сильнее, и Валя, сдвинув стенку, чуть не задавил соседей – кур. Спали мы на удивление хоро-

шо и когда я ночью вставал и выбирался из нашего закутка, учитель уютно сопел и по-детски чмокал губами.

Осталось рассказать еще о потрясшей меня больнице, которую мы увидели сегодня в Таплиджунге. Но на этом месте Вале, к счастью, потребовалось сменить кассету и воспользовавшись случаем, я закончил говорить о наиболее ярких впечатлениях последних дней. Гроза продолжалась. Казалось невероятным, что утром прилетит самолет, и мне надо будет покинуть Гималаи, наверное, навсегда.

Г). Почему Канченджанга?

Начало этой истории известно многим. В разгаре май 1982 года. До предела уставшие, счастливые успехом, но еще до конца не осознавшие происшедшего, мы уходим из базового лагеря под Эверестом. Почти два месяца, проведенные на леднике, на высотах более 5300 метров, не говоря уже о пережитом восходителями, сформировали единое желание: по пути вниз сделать дневку в лесу, на берегу реки. Нужно было, наконец, полностью расслабиться и перевести дух.

Так и сделали. Выбрали удобное место и “закейфовали”. Вечером, впервые в нашей экспедиционной жизни, костер. В перерыве между песнями у меня вырвался не запланированный вопрос: – “куда же в следующий раз?”- Сначала вопрос показался неуместным – Эверест еще полностью владел нами. Но он вырвался, и это стало началом нового этапа.

Не помню кем, но первая вершина которая была названа, это Канчинджанга...

У меня к этой вершине давнее теплое чувство, я считаю ее как бы своей, семейной вершиной. Поэтому, если не я произнес это имя первым, то уж наверняка сразу поддержал эту идею. Там же прозвучало и альтернативное предложение: южная стена Лходзе. По-моему оно принадлежало Анатолию Георгиевичу Овчинникову.

Сделаю отступление и поясню, чем вызвано мое особое отношение к Канченджанги. В середине 60-ых годов, когда я и не мечтал об участии в Гималайских экспедициях, моя дочка мечтала об эрдельтерьере и мы завели щенка. Родословная требовала, чтобы имя начиналось с буквы «К». В семье была традиция, называть собак по имени горных районов или вершин. Так появился маленький, всеми нами полюбившийся, Канчинджанга или сокращенно “Канчи”.

Ну, а если серьезно, то дело в том, что после Эвереста нуж-

на была достойная цель, безусловно, представляющая крупную проблемную задачу в альпинизме.

Массив Канчинджанги, по высоте третий в мире, состоит из пяти отдельных вершин, четыре из которых, восьмитысячники: Южная – 8476 метров над уровнем моря, Центральная – 8482, Главная – 8586 и Западная – 8505. Так вот, совершить траверс этих вершин, т.е. без спуска на ледник, последовательно пройти все четыре вершины – это, безусловно, проблемная задача и с технической и с тактической точек зрения.

Мы еще вернемся к проблеме траверса “Канчи”. Но сначала немного о Лходзе.

Лходзе ближайший сосед Эвереста. С перемычки между этими вершинами и было совершено первое восхождение на высшую точку Земли. Высота Лходзе 8516 метров, она занимает, по этому показателю, четвертое место вслед за Каченджангой. В массиве Лходзе две вершины, вторая – Лходзе-Шар имеет высоту 8400 метров. На Лходзе было сравнительно много восхождений, главным образом со стороны Эвереста. Проблема Лходзе – это ее южная и юго-западная стены. Эти почти двухкилометровые, почти отвесные скальные склоны еще ни кому не подчинились.

Вот такие, совсем разные, но обе интереснейшие проблемы обсуждались в связи со следующим после Эвереста шагом.

Окончательный выбор принадлежал не нам. Как часто у нас водится, после возвращения в Москву было потеряно много времени (несколько лет) на получение санкций руководства. А именно, разрешения на посылку официального запроса в Непал. Были запрошены оба варианта, точнее тот, который будет свободен раньше.

Оказалось, что до 1989 года все названные нами варианты – исключены, а в 1989 свободны лишь четыре пика Канчинджанги. Это не означает, что кто-либо запросил раньше нас точно такие же маршруты. Достаточно было заявить хотя бы одну из вершин “Канчи” или Лходзе по любому пути. По вполне разумным правилам Непала на одной вершине не может одновременно работать две экспедиции, особенно, если одна из них решает сложную задачу.

Итак, выбор был сделан в пользу нашей первой идеи.

Какой вариант траверса Канчинджанги предпочтительнее и почему? Естественно их только два: с подъемом на Южную вершину и спуском с Западной или в обратном направлении. Мои симпатии целиком и полностью за тем, который начинается с подъема на Южную по западному гребню, причем с нижней его точки – с седла Талунг. Это

наиболее естественный путь, обладающий удивительной притягательной силой.

Первоначально все, кто собирался или поднимался на Южную “Канчи”, стремились к седлу Талунг, но неизменно отказывались от этого пути. Потом и вовсе об этом варианте перестали говорить. Связано это либо с технической сложностью либо с объективной опасностью маршрута. Если первое, то надо самим оценить эту сложность и сделать выбор.

Удастся подняться на Южную, пройдя весь гребень и завершить полный траверс, и проблема будет не просто решена, а решена красиво. Можно сказать, что в этом случае восходителям будет засчитана чистая победа, а не победа по очкам.

Однако окончательное решение будет за руководством экспедиции. Оно, прежде всего, зависит от результатов разведки, ради которой, мы сейчас здесь, в Непале и ради которой, ловя редкие окна хорошей погоды, часть нашей группы сейчас работает на леднике Ялунг у подножья священной горы.

Надо возможно полнее отснять маршрут, выяснить возможность выхода на седло Талунг и оценить предстоящие на этом пути трудности. Желательно подняться под западные склоны массива и оценить сложность выхода на перемычки между Главной и Западной и Главной и Центральной вершинами. Одним словом нужна хорошая разведка района. Все полученные при этом сведения должны помочь при разработке плана проведения экспедиции и непосредственно траверса.

Когда готовилась Эверестская экспедиция, в этой интереснейшей работе (моделирование предстоящих событий), мне больше всего помогал Валентин Иванов. Теперь ее предстоит выполнить, главным образом, Валентину Андреевичу Иванову – старшему тренеру будущей экспедиции. Конечно, как и прежде, все этапы и детали разработок будут обсуждаться тренерским Советом и участниками предстоящего траверса

Сейчас в Непале нам предстоит решить и многие организационные задачи.

Я не бы в Непале 5 лет, за это время изменилось здесь многое, в том числе и в условиях проведения экспедиций. Неизменны, пожалуй, лишь невозмутимые коровы и быки, спокойно лежащие, как среди шумных и пыльных, забитых машинами, рикшами и людьми, улицах Катманду, так и на взлетных полосах высокогорных “аэродромов”.

3. РАЗНОЕ.

3 – 1. Курьезы.

а). Здесь тебя съели, горный козел.

Лето 1946 года. На Кавказе, на Домбайской поляне, впервые после окончания войны, возобновил работу альпинистский лагерь ДСО “Наука”. Условия жизни в лагере предельно скромные. На восхождения, в качестве продуктов питания, выдают, в основном, капусту и яйцо.

В лагерь, для тренировок на снежных склонах вершины Софруджу, приехала команда горнолыжников “Науки”. Нас четверо: В. Гипенрейтор (тренер) и участники, Ю. Швердяев, Н. Делоне и Е. Тамм.

Вечером, в день нашего приезда, в лагере переполох: из района Софруджинского перевала кто-то подал сигнал бедствия. За одну минуту, с интервалом 10 секунд, в небо взвились шесть ракет. И хотя лагерных групп на восхождении не было, в район бедствия сразу же вышел спасательный отряд. К утру отряд вернулся. Оказалось, что на софруджинском плато работала группа геологов. Завершив работы, они бурно отмечали это событие, и палили в небо оставшиеся ракеты, не осознавая, что посылают сигнал бедствия. Извинившись за содеянное и стремясь как-то отблагодарить альпинистов за заботу, они подарили лагерю тушу тура – убитого ими горного козла. Измученные ночным броском спасатели подарок приняли, но были уже не в силах нести тушу в лагерь.

Утром искали добровольцев для транспортировки козла. Вызвалась наша группа.

Через пару суток в лагере наконец – то “обжорный” день – суп и второе из козлятины. В честь этого события Ю.Швердяев сочинил стихи:

Здесь тебя съели, горный козел
Был ты отважен, бодлив и зол.
Пуля убила тебя неизвестная,
Царство тебе небесное.

По моренам, снегам и горам
Тушу твою команда несла:
Делоне, Швердяев и Тамм
Три отважных, упорных осла.

Мощно работали жадные руки,
Чавкали рты альпинистов “Науки”
Прямо без соли, без хлеба, без лука
Мигом сожрала козла наука.

Только оставив потомству рога.
Тем кому память о них дорога
Шляпу, прохожий, почтительно скинь
Праху козла Аминь ... Аминь!

Эти стихи были написаны красками на большой металлической доске и вместе с рогами повешены на огромной ели, около которой каждое утро выстраивался на линейку весь лагерь. В те годы, в штате руководителей лагерей, обязательно был замполит – зам. начальника лагеря по политической работе. В тот год им был доцент физфака МГУ, конечно же коммунист, кажется по фамилии Фомин. И вот он то страшно возмутился, прочитав стихи на доске и увидав в них политическую подоплеку. Как это, кричал он, фамилии известных советских ученых – Тамма и Делоне – рифмуются с **ослом**!

Объяснить ему, что это всего лишь шутка, и что это не те Тамм и Делоне, не удалось. Доску сняли.

На следующее утро она опять была на месте (на линейке). Мы – горнолыжники – к этому уже не имели отношения. Доску вернули на место участники лагеря – альпинисты. Фомин ее опять снял. Так продолжалось несколько дней, пока замполит не применил революционные методы – не утопил доску в реке.

б). Вечерние кошмары

Зима 1960 года. Домбайская поляна на западном Кавказе. Наша группа Спортивного клуба Академии наук готовится к первому зимнему трассеру массива Домбай-Ульген. Нас, “академиков” в группе трассерантов, шесть человек. Неожиданно у Вили Смита серьезно разболелся зуб – десну “разнесло”. Врач, после длительных уговоров, все же разрешил ему выход, но при условии, что ежедневно ему будут делать инъекции антибиотика. В группе еще ни кто, ни

когда уколов не делал (это был удел Мики Бонгарда, но он в траверсе не участвовал). Пришлось согласиться мне.

Первая ночевка под Домбайским перевалом, в снежной пещере. Перед сном, когда все дела были завершены, наступило время делать инъекцию. Шприц “заряжен”, надо торопиться – в пещере холодно. Все давно в спальных мешках. Виля вылезает из теплого логова, и вот передо мной розовая, девственная ягодица. Глубоко вздохнув, приставляю иглу к намеченному месту и начинаю медленно давить. Ягодица девственная, но кожа крепкая! Уже образовалась довольно глубокая воронка, а игла никак не хочет ее проткнуть. Вильям мужественно сопит, но молчит. Я давлю. И, наконец ... – победа! Шкура проткнута! Я в холодном поту.

И так в течение почти недели. Каждый вечер перед сном, в тесной палатке (шестеро в четырехместной) для меня начинались испытания. А Виля все время послушно заголялся, ягодица уже не выглядела девственной, но он молчал. Вот это выдержка!

Говорят, надо сначала тренироваться на подушке. Наверное, это так. У меня “подушкой” был Виля!

в.) Посол Советского Союза

Экспедиция “Эверест – 82 “. Катманду. День вылета последней группы (и меня в ее числе), на местном самолете, в Луклу. Оттуда уже пешком до Базового лагеря.

Последние дни и часы в Катманду страшно загружены – занят буквально днем и ночью. Надо все предусмотреть, договориться, уладить. Почти каждый день бывал в посольстве у посла А. Х. Визирова (потом, первого секретаря ЦК компартии Азербайджана). Особых дел в этой стране у посольства нет, и наша экспедиция для посла, наконец-то, возможность себя проявить.

Накануне отлета был последний раз у Визирова, все, что надо обговорили и попрощались. И вдруг, за час до вылета – а я еще не сложил вещи – посол присылает за мной машину и просит приехать. Приезжаю, и застаю у него представителя Спорткомитета – Э.А. Калимулина. По моим расчетам, он давно уже должен быть в аэропорту. Визиров серьезен и сосредоточен. Не обращая внимания на то, что мы “как на иголках”, он неторопливо приглашает нас в соседнюю комнату, о существовании которой я и не подозревал. Здесь оказался огромный (несколько метров в диаметре) шар – комната из плексиглаза с двойными стенками. Внутри стол и несколько стульев. По

всему видно, что это не прослушиваемое помещение. Открыв двери, мы залезли в этот шар. Я решил, что дома, в Союзе, случилось что – то неординарное- умер Первый человек или началась третья мировая война. Уселись. Визиров серьезно и проникновенно напомнил нам, что 1982 год – год 60-летия образования СССР. Поэтому, обратился он уже лично ко мне, **нам** – бы хотелось, чтобы в честь этой даты на вершину Земли поднялись альпинисты всех Республик, представленных в Вашей экспедиции. И это все, аудиенция закончилась. Огромным усилием воли я сдержал рвущиеся эмоции и еле дождался, пока открывали дверь.

Читатель, надеюсь, понимает, что “массовость” нашего восхождения – впервые на вершину поднялось 11 человек, участников одной экспедиции – не связана с этой директивой посла.

г.) Больной зуб и средство от кашля.

Экспедиция “Эверест – 82”. Базовый лагерь на леднике Кхумбу. В нашей экспедиции, как это обычно бывает в Гималаях, немало шерпов (народность, живущая в этом районе страны). Они выполняют вспомогательные работы на маршруте и в лагере.

И вот, у одного из наших кухонных работников разболелся зуб. Он долго терпел, но наконец, обратился к врачу экспедиции – Свету Петровичу Орловскому – на редкость опытному врачу, веселому и остроумному человеку. Это был вообще первый в жизни Наванга (так звали шерпа) контакт с врачом. Орловский был готов ко всему, и удалил у Наванга больной зуб. Это произошло утром, а в обед все обратили внимание на то, что вопреки строгим обычаям, принятым во всех гималайских экспедициях (и в том числе у нас), Наванг обслужил сначала не начальника экспедиции, а врача. После обеда кто-то поинтересовался у Света, в чем дело? На это Свет серьезно ответил: – “Я сказал Навангу, что если он не будет обслуживать меня первым, то я вставлю ему больной зуб на место”.

После первых же выходов на обработку маршрута и на заброски, участники восхождений, возвращаясь в Базовый лагерь, жаловались Свету Петровичу на мучивший их сильный кашель. Это было следствием глубоко, учащенного дыхания сухим морозным воздухом. Помочь, в данном случае, было нечем. Когда жалобы становились слишком назойливыми, Свет предлагал принять слабительное. На недоуменные вопросы он отвечал: – “Будете бояться кашлять” –

д.) Почему альпинисту надо уметь петь.

На сложных восхождениях, особенно “стенных”, нередко серьезной проблемой становится устройство площадки для установки палатки (на ночевке). Часто приходится выкладывать ее из камней в таком месте, где нельзя снять самостраховку – ты все время остаешься пристегнутым к страховочной веревке. В таких местах, когда палатка, наконец, установлена, веревка, через окно и вход, остается протянутой под коньком, а альпинисты пристегнуты к ней. Если надо выйти из палатки, то практически нельзя сделать шага в сторону. В лучшем случае можно ее обойти (обойти, а не отойти!). Это не вызывает особых осложнений, когда группа однородна. А если в группе женщина?! Что делать, например, знаменитой абалаковской группе, в которой ходила Валя Чередова – жена Виталия Михайловича! Когда, в таких условиях, Валя вылезала из палатки, внутри, невольно, воцарялась тишина, прекращались все разговоры и обсуждения. Но вот снаружи доносилось: – “Виталий, начинай!” –. И бедный Вит. Мих., который не умел и не любил петь, мрачно и громко начинал бубнить слова одной единственной песни, которую знал. Во всяком случае, говорят, что за много лет совместного хождения в горах, члены этой знаменитой спартаковской команды, ни разу не слышали от него исполнения другой песни.

е.) Уголовники.

Мы возвращались с Алтая, из удивительно красивого Шавлинского ущелья. Было сделано 11 первовосхождений на вершины, которым мы присвоили названия и среди них такие, как “Красавица” и “Сказка”. И это не было преувеличением!

Мы – это экспедиция Спортклуба Академии наук. Завершив двухдневный переход с караваном, пересели (перелезли – это будет точнее) в кузов грузовика и поехали по тракту на Бийск.

Картина была красочная. Поверх рюкзаков и экспедиционного барахла, тесно прижавшись друг к другу, сидели заросшие щетиной, лысые (натурально лысые и подстриженные под “нуль”), запыленные, с облупленными носам, в выгоревших ковбойках и майках – “академики”. Не лучше выглядел и самый старший и уважаемый из нас, известный альпинист, Борис Арнольдович Гарф. Дорога проходила по голой степи, селений близко не было. И вдруг, на шоссе голосует женщина с огромным рюкзаком. Машина остановилась и мы узнали в голосовавшей Короткову – известную нам горную туристку,

одиночницу. По нашим понятиям, она была “слегка с приветом”. Увидав, единственно знакомого ей, человека – Гарфа, она обрадовалась и попросила подбросить ее до Бийска. Забрав ее, тронулись дальше.

В том году мы увлекались песнями из уголовного репертуара, такими, как “Квадратик неба синего”, “Кирпичный завод” и т.п. С хорошим настроением сидя в кузове и не жалея голосов, мы пели одну песню за другой. Минут через 30—40 Короткова неожиданно попросила остановить машину. Мы удивились: ни кусточка кругом, спрятаться негде. А она вылезла с рюкзаком и бросила с укоризной Борису Арнольдовичу: – “Гарф, как Вы могли связаться с такими уголовниками!” – Дружный хохот был ей ответом.

Но она не шутила и быстро пошла прочь от машины. Убеждать ее в нашей невинности ни кто не стал. Только машина тронулась, мы с наслаждением запели очередную арестантскую песню.

***ж).* “Начальник, шайбу!”**

Еще раз об экспедиции Эверест – 82. Базовый лагерь экспедиции в верховьях ледника Кхумбу. Это последнее место на пути к Эвересту, куда доходят туристы со всего Света, совершающие “трекинг” в районе Сало-Кхумбо. Многие, недооценив свои силы, добираются до лагеря “на последнем издыхании” – им требуется срочная помощь экспедиционного врача. Многие страдают от горной болезни.

Как то среди этого потока гостей оказался фотокорреспондент из Чехословакии. Он шел к нам целенаправленно и попросил разрешения фотографировать. Я не возражал. Благодарный фотограф рассказал, что повсюду на тропе (имеется в виду пятидневный путь от Луклы до лагеря) много говорят о необычайном гостеприимстве, радушии и щедрости русских Эти слухи, сказал он, дошли уже до Катманду и надо ожидать, что поток паломников к нам возрастет. Кроме того, добавил фотограф, говорят, что русским только для доставки в лагерь водки, потребовалось 40 носильщиков!

Вот так то, у нас, у русских, все с размахом!!

На самом деле водки не было. Был спирт. Но он составил лишь малую долю груза одного носильщика. Спирт был запаян в плоских, жестяных банках, напоминающих хоккейную шайбу. Изредка, по большим праздникам или в особо торжественных случаях, в кают-компании раздавались настойчивые и дружные возгласы: –“Начальник, шайбу!” – И начальник “вбрасывал” шайбу в игру. Обычно хватало одной

на всех.

3 – 2. Дарджилинг. В гостях у Н. Тенсинга (1985 год)

В 1985 году, в Индии, в Дарджилинге проводился 3-ий Международный конгресс, посвященный проблема развития альпинизма и туризма в Гималаях. Меня с Э.В. Мысловским – в то время председателем Федерации альпинизма СССР – пригласили принять участие в работе Конгресса.

Приглашение нашей делегации на этот форум и просьба сделать там доклад о советской экспедиции на Эверест 1982 года, отражают высокую оценку результатов экспедиции и понимание, что за ней последуют новые, нацеленные на решение не менее сложных (проблемных) задач. Этот вопрос подробно обсуждался нами в заметке “Почему Канчиджанга?”. Наша заявка на траверс пяти вершин Канчиджанги была принята только на 1989 год. Это означало, что практически полностью будет потеряна, очень важная для успеха дела, преемственность между 1-й и 2-й гималайскими экспедициями. Поэтому, выезжая на Конгресс в Индию, мы надеялись обсудить там с представителями Министерства туризма Непала возможности переноса срока проведения нашей экспедиции на более раннее время. Конгресс проходил в Дарджилинге – городе, о котором знают и где мечтают побывать, наверное, все альпинисты мира. Это город Норгея Тенсинга – здесь он поселился после того, как в 1953 году, вместе с Эдмундом Хиллари, они стали первыми людьми поднявшимися на высотный полюс планеты. (До этого, начиная с 1922 года, было предпринято 12 безуспешных попыток, многие из которых закончились трагически). Здесь, в Дарджилинге, после покорения Эвереста, Джавахарлал Неру основал Гималайский институт альпинизма. Его первым директором и стал Н. Тенсинг.

Город находится в западной Бенгалии. Его название происходит от слов “Дорджи” – имя собственное и “Линг”, что можно перевести, как “место нахождения Дорджи” – религиозного персонажа, приносящего неожиданные бедствия в виде ударов молний.

Все улочки этого города расположены одна под другой и застроены, тесно прижатые к склонам, двух и трех этажными домами. Улочки так узки, что часто кажется, будто бы они проложены по плоским крышам домов нижнего яруса. В то же время, ни мало особняков, особенно на окраинах города. И все это живописно раскинулось

амфитеатром по крутым склонам зеленого хребта в предгорьях Гималаев. Внизу неширокая долина. Кругом знаменитые чайные плантации. В город, из равнинной части штата, ведет единственная автодорога, которая на всем 80-ти километровом протяжении серпантинными вьется по крутым склонам. Дорога ухоженная, но очень узкая и рядом, практически на том же полотне, уместилась крохотная узкоколейка. Сначала мы решили, что это старая, заброшенная “железка” времен колониального прошлого и были очень удивлены, увидав внизу, на одном из серпантинных, отчаянно дымящий, кукольный паровозик с четырьмя вагонами. Потом нам частенько встречались по дороге эти удивительные составы, буквально обвешенные пассажирами – огнедышащие сороконожки, медленно и натужно карабкающиеся по склонам.

В Дарджилинге много колледжей и школ, есть свой университет. Хорошие зоологический и ботанический сады. Много гостиниц и домов туриста.

В дни нашего пребывания в нем, город жил Конгрессом. Было видно, что это большое событие в жизни не только Дарджилинга, а всей западной Бенгалии. На открытии Конгресса присутствовали и приветствовали его участников премьер-министр правительства штата, министр правительства Сиккима, официальные лица правительства Индии.

Для участия в нем прибыли известные альпинисты и руководители национальных федераций многих стран. Особенно представительными были делегации Японии, Великобритании, США и, конечно Индии и Непала. Среди наиболее известных и активных участников надо назвать Эдмунда Хиллари, японку – первую женщину поднявшуюся на Эверест – обаятельную Юнко Табей, англичанина Дага Скота – популярного сейчас в Гималаях альпиниста. Из индусов хочу выделить директора гималайского института альпинизма, руководителя эверестской экспедиции 1984 года Д. Кхуллара и одного из первых индусов, поднявшихся на Эверест, доктора Х.П.С. Алуваля. Его книга “Выше Эвереста”, об экспедиции 1965 года недавно издана на русском языке.

Безусловно, наряду с Э. Хиллари, наиболее популярным, но чуть менее активным был Н. Тенсинг. Мы не знали, что он сейчас в Дарджилинге и совершенно неожиданно столкнулись с ним, еще до начала заседаний, зайдя познакомиться с гималайским институтом альпинизма. Но о встречах и беседах с Тенсингом чуть позже. Сейчас остановлюсь на наиболее интересных, на мой взгляд, вопросах обсуждавшихся на конгрессе.

107

Во – первых, это проблемы, связанные с тактикой восхождений в Гималаях. Самым ярким здесь был доклад Д. Скотта “Альпийский стиль восхождений в Гималаях”. Обсуждались преимущества про-

Содержание

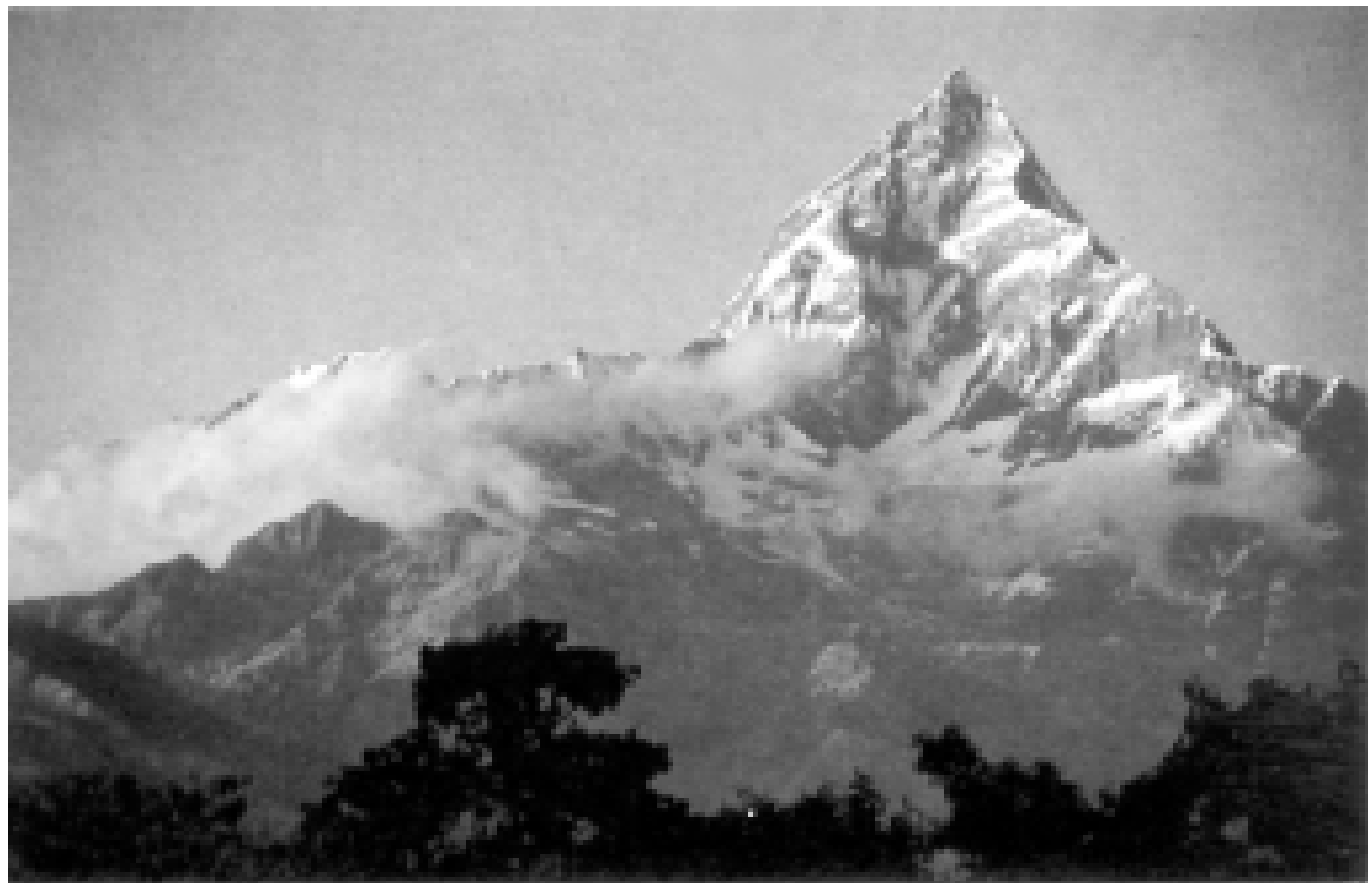
От автора	4
1. В НАШИХ ГОРАХ	6
1 – 1. Немного из истории: как я попал в альпинизм.	6
1 – 2. На Хан-Тенгри с севера	13
1 – 3. Случайная выборка или почему?	27
2. ГИМАЛАИ (НЕПАЛ)	34
2 – 1. Как все начиналось (Экспедиция на Эверест 1978 – 82 г.г.)	34
2 – 2. Шесть дней в мае.	43
2 – 3. Ответ ветерану Великой Отечественной войны	75
2 – 4. Снова Непал.	80
А.) Предисловие.	80
Б.) Встреча с Ети или как рождаются легенды.	82
В.) Восточный Непал. (О непальских детях в высокогорных районах страны)..	85
Г.) Почему Канченджанга?	92
3. РАЗНОЕ	95
3 – 1. Курьезы.	95
а). Здесь тебя съели, горный козел	95
б). Вечерние кошмары	96
в.) Посол Советского Союза	97
г.) Большой зуб и средство от кашля.	98
д.) Почему альпинисту надо уметь петь.	98
е.) Уголовники.	99
ж). “Начальник, шайбу!”	100
3 – 2. Дарджилинг. В гостях у Н. Тенсинга (1985 год)	100
3 – 3. Спортивный клуб Академии наук СССР.	104

Автор «Записок» (1982 г., Гималаи)

Эверест
(юго-западные склоны, от 6500 до 8848 метров над уровнем
моря)

Вершина, которая зовет к себе

На подходах к «ледовому ножу»

В ледовых сбросах

Трещина Москальцова в ледопаде Кхумбу

Баня на леднике в базовом лагере

Посадочная площадка («Аэропорт») в селении Лукла

Вершина — красавица Амадаблан. Вид от монастыря Тьянбочи

*Долина «молчания» (верховья ледника Кхумбу).
На переднем плане, слева — начало маршрута экспедиции по юго-западной стене Эвереста*